

ISSN 2223–2974



СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№5 2020 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8 (495) 142-8681
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

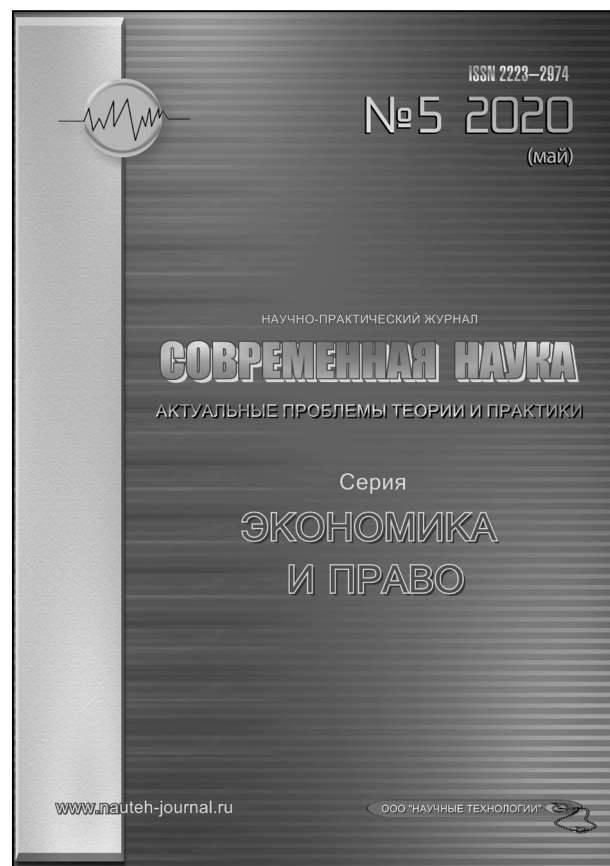
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 08.00.00, 12.00.00)



В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 20.05.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.



Редакционный совет

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт Государства и Права РАН

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Башлакова О. И. — Особенности механизма признания профессиональной квалификации российских специалистов по страховой деятельности за рубежом

Bashlakova O. — Features of the mechanism of recognition of professional qualifications of Russian specialists in insurance activities abroad 6

Бельдюгин П. С. — Информационная безопасность в региональном управлении на примере города Москвы

Beldyugin P. — Information security in regional management on the example of the city of Moscow 11

Бияк Л. Л. — Трудовая мотивация: HR-технологии – не главное?

Biyak L. — Labor motivation: HR technology is not the main thing?..... 15

Васильев И. И. — Создание финансовой инфраструктуры коммерческих банков как новый способ организации деятельности в сфере цифровых технологий

Vasilev I. — Creation of the financial infrastructure of commercial banks as a new way of organizing activities in the field of digital technologies 18

Горемыкина Т. К., Тришкина Н. А. — Современные направления развития контроля на крупном промышленном предприятии

Goremykina T., Trishkina N. — Modern directions of control development at a large industrial enterprise 22

Ермилова В. В., Мальцева С. Г., Турянская В. А. — Туристские услуги физкультурно-оздоровительной направленности в контексте устойчивого развития Санкт-Петербурга

Yermilova V., Maltseva S., Turianskaia V. — Tourist services of a physical culture and health direction in the context of sustainable development of St. Petersburg 27

Каргинова-Губинова В. В., Щербак А. П., Тишков С. В. — Оппортунистическое поведение хозяйствующих субъектов: манипулирование экологической ответственностью в экономических интересах

Karginova-Gubinova V., Scherbak A., Tishkov S. — Opportunistic behavior of economic entities: manipulation of environmental responsibility in economic interests 30

Кусаинов Б. О. — Евразийский экономический союз: роль России и перспективы развития

Kusainov B. — Eurasian economic union: role of Russia and prospects for development 36

Муртазоева Г. И. — Использование электронных платежей в банковской практике

Murtazoeva G. — Use of electronic payments in bank practice 40

Полянская Е. Е., Шарко Е. Р. — Цифровизация: роль и значение для населения регионов и первые проблемы внедрения в муниципальном управлении

Polyanskaya E., Sharko E. — Digitalization: the role and significance for the population of regions and the first problems of implementation in municipal management 43

Русакова И. В. — Контракты на оказание услуг по отлову и содержанию безнадзорных животных в городах РФ: расходы и результаты

Rusakova I. — Contracts for the provision of services for trapping and keeping stray animals in cities of the Russian Federation: costs and results 52

Рылов В. А. — О некоторых противоречиях в отношениях распределения результатов труда

Rylov V. — Some tensions in distribution deliverables relations 60

Селина О. В. — Зеленые облигации ОАО «РЖД», как инструмент развития инфраструктуры и новая система управления транспортом

Selina O. — Green Russian railways bonds, as a tool for infrastructure development and a new transport management system 67

Ушанов А. Е. — Стандартизация как способ снижения рисков коммерческого ипотечного кредитования

Ushanov A. — Standardization as a way to reduce the risks of commercial mortgage lending 71

Яковлева О. А., Локтионова Г. Р., Лисейкина О. В. — Маркировка молочной продукции: обзор мнений

Yakovleva O., Loktionova G., Liseykina O. — Dairy product labeling: an overview of opinions 77

Право

Булгакова Л. С. — Коррупционные проявления в деятельности должностных лиц в сфере экологии

Bulgakova L. — Corruption in the activities of officials in the field of ecology 81

Валевская А. А. — Ограничение личных неимущественных прав граждан в целях обеспечения биологической безопасности: сочетание частных и публичных интересов

Valevskaya A. — Limiting citizens' personal non-property rights for biological security: a combination of private and public interests 85

Валишин Е. Н. — Негосударственное пенсионное обеспечение как форма проявления корпоративной социальной ответственности и мотивационный ресурс в управлении персоналом организации

Valishin E. — Private pension provision as a form of appearance in corporate social responsibility and a motivational resource in personnel management 91

Васильченко А. И. — Формирование правовых основ стратегического планирования в сфере энергетики в целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации

Vasilchenko A. — Formation of legal bases for strategic planning in the energy sector in order to ensure the economic security of the Russian Federation 96

Гаврюшенко А. П. — Обеспечение прозрачности финансовых потоков в системе государственного финансового контроля

Gavryushenko A. — Making transparency of financial streams in the system of state financial control 100

Грунина В. А., Ананьин П. А. — Реализация права на труд лицами, осужденными к лишению свободы

Grunina V., Ananyin P. — Realization of the right to work by persons sentenced to deprivation of liberty 105

Гудков А. И., Красильщиков А. В., Мищенко В. И. — К вопросу об основаниях уменьшения и отказа в присуждении обязательной доли в наследстве

Gudkov A., Krasilschikov A., Mishchenko V. — To the question of the grounds for reducing and refusing to award a mandatory share in the inheritance 110

Дзакхоева М. В., Калманова А. С. — Правовой механизм взаимодействия общественных палат субъектов Российской Федерации с органами государственной власти Российской Федерации и местного самоуправления

Dzakhoeva M., Kalmanova A. — Legal mechanism of interaction of public chambers of the Russian Federation subjects with state authorities of the Russian Federation and local self-government 114

Дорожинская Е. А., Дитц Л. Ю., Каргалина И. А. — Вопросы правового регулирования в системе управления отходами

Dorozhinskaya E., Ditz L., Kargalina I. — Legal regulations in the waste management system. ... 118

Дудко Д. А. — Виды правовых презумпций и их классификация

Dudko D. — Types of legal presumptions and their classification 123

Зубков В. Н., Гусева И. И., Баринов А. В. — Юридические подходы развития социального предпринимательства в России

Zubkov V., Guseva I., Barinov A. — Legal approaches to the development of social entrepreneurship in Russia 129

Лысова А. З. — Перспективы совершенствования обеспечения многодетных семей земельными участками на примере Мурманской области	Свирин Д. А. — Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите
<i>Lysova A.</i> — Prospects for improving the provision of land plots for large families on the example of the Murmansk region. 133	<i>Svirin D.</i> — Terms and conditions of defense necessary defense 159
Марцинечко Д. В. — Проблемные вопросы правового регулирования благотворительных сборов, проводимых физическими лицами в Республике Казахстан	Соловьева Н. А., Ильясова А. К. — Производство обыска на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы процессуального закрепления и правоприменения
<i>Martsinechko D.</i> — Problematic issues of legal regulation of charitable collections held by individuals in the Republic of Kazakhstan 136	<i>Solovieva N., Ilyasova A.</i> — Search at the stage of criminal proceedings: problems of procedural fixation and enforcement. 165
Михеев П. В. — Сравнительно-правовой аспект административных правонарушений, связанных с неправомерным банкротством, по законодательству ряда стран ЕАЭС	Ушаков Р. М. — Ценностные основы гражданско-правового регулирования: формальное равенство и свобода воли как предпосылки диспозитивности и дозволения
<i>Mikheev P.</i> — Comparative legal aspect of administrative offenses related to wrongful bankruptcy under the legislation of a number of EEU countries. 139	<i>Ushakov R.</i> — Value foundations of civil regulation: formal equality and free will as prerequisites for dispositiveness and permission 169
Парфенюк Н. В. — Риски недобросовестного поведения участников контрактных отношений	Фирсов В. Г. — Домашний арест как мера пресечения в российском уголовном судопроизводстве
<i>Parfenyuk N.</i> — Risks of unfair conduct under the law on the contract system. 145	<i>Firsov V.</i> — House arrest as a preventive measure in Russian criminal proceedings 175
Постанюк В. Д. — Допрос как следственное действие в уголовном процессе	
<i>Postanyuk V.</i> — Interrogation as an investigative action in criminal proceedings. 150	
Рябова О. А., Кузнецова Н. А., Матвеева Т. П., Кузнецова Н. В. — О перспективах института судебного примирения в России	
<i>Ryabova O., Kuznetsova N., Matveeva T., Kuznetsova N.</i> — About the prospects of the Institute of judicial reconciliation in Russia. 154	
	Информация
	Наши авторы. Our Authors. 179
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 182

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ПРИЗНАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ РОССИЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СТРАХОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗА РУБЕЖОМ

FEATURES OF THE MECHANISM OF RECOGNITION OF PROFESSIONAL QUALIFICATIONS OF RUSSIAN SPECIALISTS IN INSURANCE ACTIVITIES ABROAD

O. Bashlakova

Summary. This article discusses issues related to the functioning of the system of international recognition of professional qualifications in the field of insurance of Russian specialists as an important link in the integration of the Russian insurance market with leading foreign insurance markets. Based on the analysis of existing mechanisms for the recognition of professional qualifications in insurance abroad, proposals are made for the Russian insurance market in order to standardize these processes.

Keywords: professional qualification, insurance specialist, diploma nostrification, Lisbon Convention, professional associations.

Башлакова Ольга Игоревна

Ассистент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
OIBashlakova@fa.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием системы международного признания профессиональных квалификаций в области страхования российских специалистов как важного звена процессов интеграции российского страхового рынка с ведущими зарубежными страховыми рынками. На основании анализа существующих механизмов признания профессиональных квалификаций по страхованию за рубежом, даны предложения для российского страхового рынка с целью стандартизации данных процессов.

Ключевые слова: профессиональная квалификация, специалист по страхованию, нострификация диплома, Лиссабонская Конвенция, профессиональные ассоциации.

На современном этапе развития страхового рынка Российской Федерации успех его дальнейшей интеграции с ведущими страховыми рынками за рубежом будет в значительной степени зависеть от возможности взаимного признания профессиональных квалификаций специалистов, работающих в данной сфере деятельности.

Под профессиональной квалификацией понимают определенную степень профессиональной подготовленности работника к выполнению того или иного вида труда определенного качества и сложности. Это система конкретных знаний, навыков, умений, обеспечивающих выполнение профессиональной деятельности и отражающих годность специалиста к какому-либо виду труда [1].

В настоящее время для Российской Федерации главной международно-правовой основой для признания профессиональных квалификаций является Лиссабонская Конвенция. В соответствии с Федеральным законом от 04.05.2000 г. № 65-ФЗ «О ратификации Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе» принципы данной Конвенции распространяются на Российскую Федерацию.

Лиссабонская Конвенция была разработана такими международными организациями, как Совет Европы и ЮНЕСКО, и принята в Лиссабоне 11 апреля 1997 года. Основная цель создания Конвенции состоит в том, чтобы гарантировать подписавшей ее сторонам возможность признания их профессиональных квалификаций на территории других стран.

Основные принципы Лиссабонской Конвенции состоят в следующем [2]:

1. Обладатели квалификаций, выданных в одной стране, должны иметь надлежащий доступ к оценке этих квалификаций в другой стране.
2. Каждая страна должна признать квалификации, выданные другими странами и отвечающие общим требованиям для доступа к высшему образованию.
3. Признание квалификации высшего образования, выданной в другой стране, должно влечь за собой одно или больше из следующих последствий:
 - ♦ доступ к дальнейшему обучению в системе высшего образования, включая соответствующие экзамены и/или подготовку по программам, ведущим к получению ученой степени, на условиях

Таблица 1. Организации, курирующие признание российских квалификаций и основные параметры оценки для принятия решения [3].

Страна	Организация ответственная за признание квалификации в сфере образования	Параметры для оценки при признании квалификации в сфере образования	Организация ответственная за признание профессиональной квалификации	Параметры для оценки при признании профессиональной квалификации для регламентированных профессий
Германия	высшие учебные заведения страны	-нормативный и фактический период обучения содержание образовательной программы Результаты обучения	Центральный офис по иностранному образованию	- диплом о высшем образовании по профессии в ВУЗе, прошедшем сертификацию.
Испания	-Министерство образования, культуры и спорта высшие учебные заведения	-нормативный и фактический срок обучения объем изученной программы	-Министерство образования, культуры и спорта	- диплом наличие профессионального стажа информация о правах предоставляемых обладателю квалификации в стране ее получения
Франция	Международный центр по образованию	- период обучения объем полученных знаний	Международный центр по образованию	-диплом наличие профессионального стажа наличие сертификата или лицензии для осуществления профессиональной деятельности у себя в стране.

аналогичных тем, которые применяются к обладателям квалификаций кандидатов страны, в которой запрашивается признание;

- ◆ использование ученой степени в соответствии с законами и постановлениями страны, в которой запрашивается признание;
- ◆ признание может облегчить доступ на рынок труда

Однако, необходимо отметить, что участие Российской Федерации в Лиссабонской Конвенции не означает, что признание профессиональных квалификаций, полученных на ее территории, будет осуществляться всеми странами — участницами автоматически.

Согласно статье 1 настоящей Конвенции под признанием квалификаций понимается «официальное подтверждение полномочным органом значимости иностранной образовательной квалификации в целях доступа ее обладателя к образовательной и/или профессиональной деятельности» [2]. Исходя из этой формулировки каждая страна — участница Конвенции назначает свой компетентный орган, который отвечает за признание квалификации в сфере академического образования и профессиональной деятельности.

Рассмотрим более подробно каким образом в настоящее время осуществляется признание российских про-

фессиональных квалификаций в области страхования за рубежом.

В настоящее время все профессии на территории стран ЕС подразделяются на нерегулируемые и регулируемые.

Нерегулируемые профессии характеризуются прежде всего отсутствием требования к наличию определенной квалификации и необходимости соблюдения дополнительных правил. Если иностранный соискатель изъявляет желание работать в ЕС в рамках нерегулируемой профессии, квалификация по которой подтверждена соответствующим дипломом, выданным в его стране, в этом случае ему не понадобится его легализация.

Профессии, в рамках которых специалист принимает решения в жизненно важных для страны отраслях экономики, таких, как медицина, образование, строительство, финансовый рынок относятся на территории стран ЕС к категории регулируемых. Такие профессии регулируются на государственном уровне посредством специальных законов. Для регулируемых профессий установлены специальные профессиональные квалификации, уровень образования, определенные требования к допуску до профессиональной деятельности посредством сдачи специального государственного экзамена на сертификацию, прохождения стажировки.

Профессия специалист по страхованию на территории стран ЕС относится к категории регулируемых. Это означает, что соискатель из России на вакансию по данной профессии в обязательном порядке должен подтвердить свою квалификацию.

Основные этапы процедуры признания профессиональной квалификации для регулируемой профессии специалист страхового рынка на территории стран ЕС заключаются в следующем:

1. **Определение степени образования.** На первом этапе происходит процедура нострификации дипломов о высшем образовании, полученных специалистами в области страхования в России. В каждой из стран ЕС есть свой уполномоченный орган, который отвечает за данную процедуру. Как правило, это Министерство по образованию, национальные советы или международные центры по образованию, а также высшие учебные заведения. В процессе нострификации дипломов проводится анализ сроков обучения, оценка уровня, содержания и объема образовательной программы, по которой происходило обучение специалистов в области страхования в ВУЗах Российской Федерации.
2. **Оценка стажа работы по профессиональной квалификации.** На втором этапе органы, уполномоченные проводить процедуру признания профессиональных квалификаций, к их числу относят Министерство по образованию и культуре, профессиональные ассоциации, работодателей, изучают опыт работы соискателя с целью подтверждения его профессиональной квалификации в качестве специалиста по страхованию. Как правило, для подтверждения своей профессиональной квалификации соискателю необходим стаж работы в области страхования не менее 3 лет. При оценке стажа работы в рамках подтверждаемой профессиональной квалификации в расчет может быть принят опыт работы в сопряженной сфере деятельности в рамках одной отрасли. При проведении анализа стажа работы положительно оцениваются длительные командировки и стажировки за рубежом соискателя для подтверждения его профессиональной квалификации в области страхования.
3. **Сдача государственного экзамена.** Важным этапом для подтверждения профессиональной квалификации специалиста в области страхования является сдача государственного экзамена, который состоит из двух частей. Первая часть экзамена связана с оценкой уровня знаний иностранного языка. Особое внимание при сдаче экзамена уделяется тому, насколько хорошо соискатель владеет профессиональной лексикой в области

страхования. В ходе второй части экзамена, которая является основной, оцениваются теоретические и практические знания соискателя по профессии специалист в области страхования.

Государственный экзамен на подтверждение профессиональной квалификации в области страхования могут принимать только специально аккредитованные центры. На сегодняшний день самое большое количество центров оценки профессиональной квалификации, а именно 150, представлено в Великобритании. В остальных странах ЕС количество центров не превышает 50 единиц [4].

В случае успешной сдачи всех экзаменов соискателю выдается специальный сертификат, который и является подтверждением признания его профессиональной квалификации в области страхования.

4. **Вступление в профессиональную ассоциацию.** Завершающим этапом подтверждения профессиональной квалификации в области страхования уже сертифицированного соискателя является его вступление в соответствующую профессиональную ассоциацию. Роль таких профессиональных ассоциаций заключается в стимулировании развития отрасли экономики через процесс консультаций, обмена опытом, наработками между специалистами в области страхования. США, Канада и Австралия также присоединились к Лиссабонской Конвенции, в результате процесс признания профессиональной квалификации специалистов по страхованию из России во многом похож на процесс описанный выше для стран ЕС.

Определенные отличия в системе признания профессиональной квалификации специалистов по страхованию есть в США.

Оценкой профессиональной квалификации специалистов по страхованию занимаются организации, которые входят в состав ассоциации независимых неправительственных компаний — National Association of Credential Evaluation Services (NACES) [3].

Первый этап признания профессиональной квалификации специалиста по страхованию в США заключается в нострификации диплома. Полученный в Российской Федерации диплом по специальности специалист по страхованию оценивается по следующим критериям[3]:

- ◆ изученные дисциплины (количество, характеристика);
- ◆ количество академических часов за время всего образовательного процесса (переводятся в американские баллы);

- ◆ все пройденные за время обучения стажировки и практики;
- ◆ экзамены и зачеты (описание дисциплин, оценки, которые переводятся в американские грейды)

В процессе нострификации российского диплома в соответствии с американскими образовательными стандартами квалификация может понизиться. Так, например, российский диплом с уровнем магистра может быть преобразован в американский аналог, но уже с уровнем бакалавра. В этом случае соискателю будет предложено продолжить свое обучение в американских ВУЗах для получения диплома магистра.

На втором этапе подтверждения профессиональной квалификации специалиста по страхованию соискателю требуется пройти специальный экзамен, состоящий из тестовых заданий и нескольких практических задач.

В случае успешного прохождения соискателем всех двух вышеописанных этапов подтверждения квалификации ему выдается сертификат об образовании, соответствующий американским стандартам. В сертификате в обязательном порядке указывается организация, которая его выдала.

Если говорить про признание российских профессиональных квалификаций странами Латинской Америки, Африки и Азии, то в настоящий момент этот процесс регламентируется отдельными соглашениями между конкретными странами, входящими в данные регионы. Главным недостатком таких соглашений является отсутствие в них четкого описания процедуры и критериев оценки при осуществлении признания профессиональной квалификации полученной в одной из стран соглашения другой страной.

В настоящее время признание российских профессиональных квалификаций страхового рынка за рубежом не носит массовый характер и связано это с тем, что на сегодняшний день нет специального документа международного уровня, в котором был бы четко регламентирован данный процесс.

Изучив существующий опыт признания профессиональных квалификаций за рубежом, можно сформулировать следующие предложения по международному признанию российских профессиональных квалификаций страхового рынка:

1. На сегодняшний день Лиссабонская Конвенция (1997 г.) является единственным документом международного уровня, который регламентирует процесс признания иностранных профессиональных квалификаций. Именно на базе этого международного документа Российская Феде-

рация выстраивает процесс взаимного признания профессиональных квалификаций на своей территории и на территории стран — участниц Конвенции. Таким образом можно говорить о целесообразности оформления всех предложений по международному признанию российских профессиональных квалификаций страхового рынка в рамках специальных дополнений и/или соглашений к Лиссабонской Конвенции.

2. Основным этапом в процессе признания российской профессиональной квалификации страхового рынка является признание диплома о высшем образовании, который выдается специалистам в области страхования. В этой связи необходимо, чтобы процесс нострификации диплома был максимально ясен и прозрачен, как для российской стороны, так и для стран участниц процесса признания. С этой целью необходимо:

- ◆ выделить в странах — участницах Конвенции ВУЗы — флагманы, которые готовят специалистов для страхового рынка, предварительно согласовав этот список с зарубежными партнерами;
 - ◆ изучить основные стандарты образовательного процесса при подготовке специалистов для страхового рынка в выделенных ВУЗах (основные дисциплины, количество академических часов, перечень экзаменов, стажировки и практические занятия, требования к итоговой аттестации);
 - ◆ сформировать и согласовать унифицированную версию требований и стандартов необходимых для автоматического признания российского диплома специалиста по страхованию во всех странах — участницах Лиссабонской Конвенции;
 - ◆ сравнить унифицированные требования и стандарты к автоматическому признанию российских дипломов специалистов по страхованию с существующими образовательными программами российских ВУЗов — флагманов, которые готовят специалистов по страховому делу;
 - ◆ сформулировать основные отличия российской образовательной системы при подготовке специалистов по страхованию от унифицированных стандартов и критериев согласованных для автоматического признания дипломов странами — участницами Конвенции;
 - ◆ внести необходимые изменения в российские образовательные программы при подготовке специалистов по страховому делу.
3. Важным этапом процесса признания российских профессиональных квалификаций страхового рынка является сертификация специалиста, которая может осуществляться в том случае, если у соискателя на должность специалиста по страхованию нет практического опыта работы в соответствующей отрасли, но есть подтвержденный

диплом, либо обратная ситуация, есть практический опыт работы в страховом бизнесе в России, но нет профильного образования. В этом случае для подтверждения своей профессиональной квалификации соискателю необходимо пройти специальный экзамен. Принимать такие экзамены могут только специально аккредитованные центры. В настоящее время в Российской Федерации существует 9 независимых центров, которым делегировано право по оценке профессиональной квалификации в финансовой сфере. Для того, чтобы результаты оценки профессиональной квалификации российских независимых центров признавались на международном уровне необходимо, чтобы эти центры прошли процедуру аккредитации. В этом случае сертификаты, подтверждающие профессиональную квалификацию российских специалистов в области страхования будут признаваться за рубежом.

4. В настоящее время процесс оценки профессиональной квалификации в России не носит обязательный характер и является платной процедурой. Для того, чтобы процедура международного признания российской профессиональной квалификации страхового рынка носила повсеместный характер необходимо сделать существующую в России систему оценки обязательной и бесплатной.
5. Необходимо выделить независимые центры оценки профессиональной квалификации, которые будут заниматься подтверждением профессиональной квалификации исключительно специалистов в области страхования. Такая специализация поможет более детально прорабатывать критерии и стандарты оценки специалистов на международном уровне и будет способствовать процессу аккредитации специализированных оценочных центров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедический словарь педагога//Безрукова В.С.: Екатеринбург 2000 г — С. 109
2. Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейской регионе от 11.04.1997 (Лиссабон).
3. ФГБУ «Главэкспертцентр»/Документы/Признание российских квалификаций за рубежом. Режим доступа nic.gov.ru(01.03.2020)
4. Разработка профессиональных стандартов. Опыт зарубежных стран.//Агентство стратегических инициатив-Режим доступа www.labrate.ru (01.03.2020)

© Башлакова Ольга Игоревна (OlBashlakova@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА МОСКВЫ

INFORMATION SECURITY IN REGIONAL MANAGEMENT ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF MOSCOW

P. Beldyugin

Summary. The article analyzes the information security in regional administration using the example of the city of Moscow. The research methodology is an analysis of the scientific literature on a given problem, as well as practical domestic experience. The main problems that arise today with the leak of information are considered.

Keywords: information security, management, regional management, information..

Бельдюгин Павел Станиславович

Аспирант, университет «Синергия» г. Москва
beldyugin_pavel@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ информационной безопасности в региональном управлении на примере города Москвы. Методология исследования — анализ научной литературы по заданной проблеме, а также практического отечественного опыта. Рассмотрены основные проблемы, которые возникают в наши дни с утечкой информации.

Ключевые слова: информационная безопасность, управление, региональное управление, информация.

В наши дни под информационной безопасностью следует понимать практический аспект доступа без тех или иных санкций для осуществления операций исследования, записи, применения и уничтожения информации. В рамках данной статьи мы освятим проблематику информационной безопасности на примере такого региона России, как Москва. Рассмотрим все существующие на 2019 год угрозы, которые могут быть связаны с нецелевым использованием информации, какие уязвимости несет в себе процедура снижения уровня защиты от взломов, атак и иного рода негативных моментов.

Существующие в наши дни механизмы защиты информации находятся в постоянном развитии и соотносятся с проблематикой захвата важных баз данных. Государственные механизмы регулирования также существуют, эффективно взаимодействуют с властными органами, но при этом даже в Москве имеют множество недостатков.

Управление данными на региональном уровне — одна из самых сложных задач, которая входит в компетенцию ФСБ России, а также частных оперативных розыскных групп. По данным на январь 2019 года, экономический ущерб от нанесения вреда за утечку важной для правительства Москвы информации, составил 10 миллиардов рублей за чуть менее, чем полтора года.

Не секрет, что самая ценная информация, которая имеется в распоряжении правительственных органов,

касается именно дипломатической службы. В Москве находится более 200 официальных ведомств иностранных государств, культурных центров, посольств, консульств и промышленных групп, которые тем или иным образом связаны с дипломатическим корпусом.

Основные проблемы, которые возникают в наши дни с утечкой информации из Москвы в иностранные государства, заключаются в сложностях выявления в официальных учреждениях дипломатии тех лиц, которые связаны с получением и передачей конфиденциальных сведений. Только за 2017–2018 годы было выявлено не менее 300 случаев злоупотребления в региональном управлении Москвы, которые привели к разным негативным последствиям. Приведем основные:

1. Утеря контроля над разработкой механизма конфиденциальной корреспонденции.
2. Улишение в способах фальсификации некоторых видов документов государственной важности.
3. Несоблюдение федерального закона о государственной тайне от 20 мая 2008 года.
4. Систематизирована классификация секретной информации.
5. Дешифровка приказов в основные государственные ведомства РФ в городе Москве.

Таким образом, информационная небезопасность наносит серьезный удар по репутации московских компаний, представительств и иных групп, которые связаны с зарубежными партнерами договорными обязательствами.

Военная деятельность и дипломатия — это самые распространенные мишени контрразведки, для которых информационная безопасность Москвы — одна из основных сфер деятельности. Даже самый незначительный отток информации способен нанести урон репутации административным органам Москвы, что было зафиксировано в последние годы более 50 раз. Речь идет о многомиллионных потерях в сфере финансов и утечки информации для зарубежных промышленных групп.

Разберемся подробнее в проблематике информационной безопасности в сфере финансов и в том, какое влияние они оказывают на увеличение конечной стоимости производства товара в разных секторах экономики. Итак, проблема принята к рассмотрению.

Службы информационной безопасности Москвы справляются со своей работой в должной мере, но, тем не менее, имеют место официальные данные и статистика финансовой убыточности по разным секторам производства. Внедрение мер безопасности на промышленных предприятиях в Москве наносит значительный экономический ущерб и закладывается в конечную стоимость произведенного товара или оказанной услуги. Как правило, данная величина не превышает и 10% стоимости товара, однако, себя полностью окупает.

Связано это с тем, что информационная безопасность наносит урон не только конечному потребителю товара в Москве, но и репутации предприятия в целом. Основные моменты, на которые следует обратить особое внимание:

1. Недопущение транспортировки секретной корреспонденции.
2. Использование шифра как разновидность защиты информации.
3. Использование буферных страховых компаний.
4. Пресечение попыток кражи конфиденциальной информации посредством мошеннических действий.
5. Выявление фальсифицированных документов службами внешней и внутренней безопасности московских предприятий.

Все сказанное нами выше относится к категории злоупотребления доверием и создания прецедентов для недопущения пропажи информации, важной для бизнеса Москвы и правительственных групп.

Но ограничиваться лишь механизмами защиты конфиденциальной системы информационной безопасности в сфере производства и торговли было бы недостаточно. В действительности наша проблематика в условиях Москвы гораздо шире в связи с особой значимостью города как столицы одной из наиболее значимых держав в мире.

Таким образом, стоит рассмотреть концепцию информационной безопасности в региональном управлении в свете новейшей проблематики в 21 веке. [1]

1. Защищать информацию стоит отныне в области неавторизованного доступа извне.
2. Защищать интеллектуальную собственность Москвы, которая выражается в наличии вундеркиндов и экспертов высшего класса в сфере экономических знаний, правовых основ и финансово-аналитической экспертизы.
3. Защита информации касательно стоимости управления рисками и иными плановыми достижениями в научно-производственной сфере деятельности.
4. Мультидисциплинарная область защиты от взломов и воровства информации в таких секторах как: технические, организационные, юридические вопросы деятельности.
5. Своевременное уничтожение и передача информации неавторизованным лицам.
6. Успешно противодействовать возникающим угрозам для государственной власти и иных структур города Москвы.
7. Недопущение снижения степеней безопасности и неприкосновенности частной жизни. Следование механизмам подотчетности и проверяемости потока прохождения закрытой от источников влияния информационной составляющей.

Эксперты выделяют следующие разновидности безопасности в сфере информации: конфиденциальность, целостность и доступность. Данные ключевые факторы оказывают определяющее влияние на проблематику информации в 21 веке. Знания, которые раньше передавались в устной и в письменной форме, отныне незащищены.

Связано это с тем, что контроль за поступающей в административные органы Москвы информацией проходит несколько стадий обработки. Сначала она выверяется на конфиденциальность. Это значит, что назначение поступления знаний строго конечно, и никому другому передаваться не может за исключением наличия письменного разрешения абонента.

Целостность — это особенность информации быть именно в том виде доставленной по нужному адресату, в каком она отправлялась из конечного пункта обработки. Это относится и к строгой финансовой отчетности, и к целому комплексу бизнес-процессов, с которыми связана проблематика передачи информации.

Доступность — это еще один критерий информационной безопасности в условиях 21 века в Москве. Доступность в данном случае весьма условна, то есть ин-

формация не должна выходить за определенные рамки и оказывать влияние ни иные категории. Кроме того, под категорией доступности нужно понимать способности разработки таких методов отправки информации, которые бы содействовали декодированию. Это также один из ключевых терминов развития и внедрения информационной безопасности в условиях 21 века. [2]

Признаки незащищенности баз данных следующие:

1. Отсутствие идентификации концептуального определения компонентов.
2. Создание неприоритетных целей безопасности.
3. Отсутствие целей контроля доступа к новым, более глубинным знаниям.
4. Низкий сорт качества информации.

По данным ФСБ в Москве на 2018 год, наличие базовых структурных элементов в сфере доступа к официальной статистике создало предпосылки для увеличения затрат на внедрение самых современных систем безопасности. Без них невозможно контролировать шифрованный поток информации, наказывать виновных лиц в краже конфиденциальных данных, передаче их третьей стороне, делиться терминологией и российскими секретными разработками.

В среднем разоблачение попытки сбора, хранения и передачи секретной информации в Москве обходится региональному бюджету не менее чем в 100–120 тысяч рублей.

Также надо учитывать, что деньги на защиту информационной безопасности поступают из налоговых вычетов жителей Москвы, хотя имеется также правительственный фонд и резервная база, которые содействуют созданию защищенных каналов связи.

С точки зрения системного подхода можно выделить некоторые составляющие процедуры безопасности в информационной сфере. Рассмотрим их. Научная и законодательно-нормативная база знаний. Структурный потенциал подразделений, которые обеспечивают потенциал ИБ. Режимные меры и методы технического характера. [3]

Вышеприведенный перечень процедур составляет важную составляющую информационной безопасности в Москве на 2019 год. Рассмотрим также вариант с эффективной системой безопасности на базе СОИБ (система обеспечения информационной безопасности) как ключевым фактором роста и развития политики конфиденциальности.

1. Необходимость усиления требований национальной безопасности на основе механизмов СОИБ, которые бы регулировали требования защиты

информации специально для того или иного объекта.

2. Согласование требований московского и общероссийского законодательства.
3. Внедрение новейших типов стандартизации и методологии на базе комплекса СОИБ.
4. Доведение системы менеджмента информационной безопасности до уровня высокоразвитых стран.
5. Исключение случаев программно-технических сбоях во время защиты информации на основе принципов СОИБ.

Выше приведенную информацию мы можем трактовать как основной способ реализации федеральной программы в Москве касательно обеспечения защитных мер при передаче информации. Главное, на что необходимо обратить внимание,— это, в какой степени передача данных отвечает требованиям Конституции РФ и стран, с которыми происходит обмен конфиденциальной информацией. [4]

Все стандарты информационной безопасности выделяются в четыре наиболее значимые разновидности, которые взаимодействуют друг с другом. Назовем все из этих стандартов: национальные (региональные) стандарты защиты баз данных, рекомендации по ведению принципов стандартизации, методический аспект исследования и международная стандартизация.

Жертвами неспособности контролировать текущее положение дел в сфере стандартных параметров безопасности при передаче данных становятся не только московские промышленные группы, но и государственные корпорации, которые имеют свои представительства в Москве и области. На май 2019 года их создано более 370 из почти 90 стран мира, что свидетельствует о высокой доле привлечения западных инвестиций в российский бизнес.

Тем не менее, проблемы имеются. Некоторые службы безопасности не справляются с возложенными на них обязательствами и подконтрольные им предприятия терпят убытки. Они достигают часто сотен тысяч евро ежегодно, что соизмеримо с западноевропейскими компаниями. [5]

Исходя из сказанного выше, показатель информационной безопасности в Москве пока еще не достиг своего апогея, тем не менее, он значительно лучше работает, чем 10–12 лет назад, и с каждым годом данный показатель становится все выше. Уровень активности криминала в бизнесе Москвы пока еще очень велик, поэтому заботиться об информационной безопасности приходится на высшем уровне и вкладывать значительные финансовые средства в региональные проекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2018 г. № Пр-212 // Российская газета. 2018. № 34. 16 февр.
3. Концепция информационной безопасности администрации Москвы: постановление главы администрации Хабаровского края от 7 февраля 2017 г. № 44.
4. Об утверждении Концепции технической защиты информации на территории Свердловской области: постановление правительства Свердловской области от 31.10.2015 № 940-ПП. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Об информационных ресурсах и информатизации города Москвы: закон города Москвы от 24 октября 2017 г. № 52 // Ведомости Московской городской Думы. 2017. № 1. Ст. 206.

© Бельдюгин Павел Станиславович (beldyugin_pavel@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Университет «Синергия»

ТРУДОВАЯ МОТИВАЦИЯ: HR-ТЕХНОЛОГИИ — НЕ ГЛАВНОЕ?

SLABOR MOTIVATION: HR TECHNOLOGY IS NOT THE MAIN THING?

L. Biyak

Summary. In this article, motivation is considered from the point of view of motivational management. In particular, incentive systems based on the use of KPI and the negative effects of their use are considered. The article focuses on the reasons for the failure to implement KPI-based motivation.

Keywords: staff motivation, motivational management, key performance indicators, staff stimulation.

Бияк Людмила Леонидовна

К.э.н., доцент,

Тихоокеанский государственный университет

lbanyak2010@mail.ru

Аннотация. В данной статье мотивация рассматривается с позиций мотивационного менеджмента. В частности, рассмотрены системы стимулирования, основанные на применении KPI, и негативные последствия их использования. Особое внимание в статье уделяется причинам неудачного использования мотивации на основе KPI.

Ключевые слова: мотивация персонала, мотивационный менеджмент, ключевые показатели эффективности, стимулирование персонала.

Прежде всего, отметим, что в данной статье мотивация рассматривается с позиций мотивационного менеджмента, то есть как система действий по активизации мотивов работника. Мотивация подразумевает создание условий, когда у человека пробуждаются собственные мотивы. Эффективное мотивирование — это, в сущности, создание именно такой среды, в которой внутренние мотивы человека соответствуют стимулам и возможностям.

Мотивация занимала и занимает большое место в научных публицистических трудах по менеджменту. Научные теории А. Маслоу (иерархия потребностей), Д. Макклеланда (теория приобретенных потребностей), Д. Макгрегора (теория «Х» и теория «У»), У. Оучи (теория «Z»), Ф. Герцберга (теория двух факторов или «мотивационно-гигиеническая» модель), К. Левина, В. Врума, Л. Портера, Э. Лоулера (теория ожиданий), Д. Адамса (теория справедливости или теория равенства) и другие детально изучены и более или менее успешно приспособлены к современным реалиям. Практика менеджмента обогатилась многочисленными методиками измерения, оценки и стимулирования персонала в целях достижения максимальных результатов от использования трудового потенциала фирм и организаций.

В нашей стране с некоторым вполне понятным отставанием от стран Западной Европы и США проблемы мотивации персоналом стали объектом исследования ученых и сферой экспериментов практиков как на частных и корпоративных предприятиях, так и в государственном секторе [1]. Рыночные отношения сняли ряд ограничений и барьеров в отношении работников, предоставив в распоряжение работодателей более ши-

рокий арсенал инструментов воздействия на рабочую силу, включая ранее считавшиеся недопустимыми штрафы и вычеты. В совокупности с угрозой увольнения в условиях экономического кризиса и безволием ручных профсоюзов, неспособных противостоять руководству предприятий и организаций и защищать интересы работников, а также забюрократченностью процедур обращения в суды, ситуация в трудовой сфере в последнее время становится в определенной мере несбалансированной с уклоном в сторону негативной мотивации.

«Цифровизация» экономики также работает на работодателей, позволяя при желании реализовывать «круглосуточный» мониторинг за результатами труда каждого работника и использовать результаты этого мониторинга в качестве основы для оценки его деятельности.

Появились комплексные системы управления трудом, направленные на получение максимальной отдачи от использования имеющихся трудовых ресурсов, и, как следствие, повышение общей результативности предприятия. Все более широкое распространение получили системы стимулирования, основанные на использовании KPI — системы ключевых показателей эффективности (Key Performance Indicators).

В идеале такие системы должны давать возможность не только адекватно и всесторонне оценивать деятельность каждого работника, но и разрабатывать эффективную стратегию развития, вырабатывать тактику и оперативные действия, а главное — проводить мониторинг и контроль деловой активности отдельных сотрудников, подразделений и компании в целом. Мотивация пер-

сонала на базе KPI призвана ориентировать работника не только на выполнение его должностных обязанностей, но и на достижение долгосрочных и краткосрочных целей компании.

Иными словами, система ключевых показателей дает возможность руководству анализировать текущую ситуацию в соотношении со стратегической перспективой компании, а каждому сотруднику — видеть и объективно оценивать свой трудовой вклад в реализацию общей стратегии. В этом случае KPI становится не только системой мотивации, но и системой управления компанией.

Тем не менее, KPI играют центральную роль в построении системы трудовой мотивации, и с этих позиций быстрое и широкое распространение этой системы в нашей стране понятно. Появились профилированные отраслевые методики, в которых сделаны попытки учесть особенности мотивации работников, занятых в различных сферах бизнеса и отраслях экономики.

Но в последнее время все чаще появляются публикации с отрицательными оценками опыта использования KPI, причем примеры неудачного внедрения KPI множатся. Неэффективность этих систем и, более того, их негативное влияние на персонал вынуждены признавать работодатели вполне успешных компаний, которые возлагали на их большие надежды и вкладывали в их реализацию серьезные средства, так как практическая реализация новых технологий оценки капиталоемкая, если это делать на современной технической базе [2,3,4,5].

Как правило, среди причин неудачного внедрения мотивации на основе KPI называют следующие:

- ◆ усложненность системы с большим количеством показателей;
- ◆ несбалансированность KPI взаимодействующих подразделений;
- ◆ нестабильность или ошибочность выбора системы показателей вследствие отсутствия опыта и нестабильности целей и задач организации;
- ◆ непродуманное распределение оценочных показателей по уровням управления без учета возможности исполнителей влиять на их выполнение;
- ◆ ошибки при администрировании и контроле над ключевыми показателями;
- ◆ недостаточный учет психологических факторов как на этапе создания стартовой системы мотивации, так и в моменты ее актуализации.

Специалистам, внедряющим систему мотивации по неким ключевым показателям, прежде всего, необходимо понимать не только функции, но и специфику,

особенности предметной области каждого работника. В случае, когда эта предметная область широкая, а функционал сложный, возникает стремление учесть каждый вид деятельности с помощью оценочных показателей. Ранжирование таких показателей резко усложняет систему, а их равнозначность приводит к утрате приоритетов, дезориентации работников при распределении своего времени и усилий.

Еще более серьезные последствия влечет за собой несбалансированность KPI между различными подразделениями, когда невыполнение плановых показателей одним подразделением не позволяет достигнуть запланированных значений показателей для других структурных подразделений.

Распределение оценочных показателей по уровням управления без учета возможностей исполнителей низового звена повлечет за собой достижение поставленных целей, так же, как и негативное влияние внешних факторов, — это худшие из ошибок, так как ведут к несправедливой оплате труда, напряженности и в итоге к разочарованности, ухудшению психологического климата в коллективах, снижению мотивации.

Вообще понятие справедливой оплаты труда далеко не всегда совпадает с оплатой, идеально правильно рассчитанной по многим установленным критериям. Пагубные последствия формального подхода к оценке труда в творческих, научных, образовательных организациях выражаются не только в демотивации, но и в деморализации персонала. Для нашего мировоззрения несправедливость — одно из худших зол, разрушающих моральные устои личности и коллектива.

Люди быстро осознают порочность зарегламентированных систем и реагируют на них преимущественно психологически: у одних это страх неудач, у других — нервное истощение в результате невозможности выполнить заведомо невыполнимый из-за внешних факторов план, у третьих — тяжелое морально-психологическое состояние из-за необходимости снижать свою внутреннюю планку требований к качеству собственного труда. Зачастую выигрывают те работники, которые легко жертвуют качеством для формального достижения показателей, причем быстрее и проще других адаптируются к новым правилам оценки труда самые «гибкие» — читай: беспринципные люди. Как правило, самые ценные сотрудники увольняются в первую очередь, если не могут иначе сопротивляться подобным изменениям в оценке и мотивации их труда.

Постоянная напряженность, зависимость от внешних факторов, необходимость постоянно фиксировать и документально подтверждать каждый вид выполнен-

ной работы и тратить на это подчас столько же времени, сколько на саму работу — все это приводит к профессиональному выгоранию, истощению людей, ухудшению взаимоотношений в коллективах. Возможно, это издержки современного этапа перестройки систем управления персоналом, когда маятник качнулся в сторону регламентации, тотального контроля и автоматизации расчетов оценочных показателей.

Не так давно появились HR-менеджеры, и пока они увлечены настройкой книг KPI и систем коллективных KPI, «SMART-задачами», разработкой матриц KPI и всевозможных регламентных документов, автоматизацией KPI и оценкой их степени зрелости по пяти уровням. Но со временем должно прийти понимание, что, решая задачу получения максимальной отдачи от трудовых ресурсов, нужно помнить, что это особый ресурс — со своими потребностями, ожиданиями, шкалой ценностей. Собственно, именно об этом писали в своих работах основоположники учения о трудовой мотивации. Воз-

можно, потребуется вновь переосмыслить их теории, и это позволит понять, почему системы мотивации и стимулирования, не учитывающие, что работнику необходимо чувствовать себя полезным для своей компании, значимым, уважаемым, обладающим свободой выбора и обремененным доверием, дают сбой, не оправдывают ожиданий. К тому же новое поколение — поколение «Z» — судя по всему, вряд ли видит себя в прокрустовом ложе матрицы KPI.

Это не означает, что нужно отказаться от оценки и стимулирования персонала, но такие системы должны учитывать психологию людей, не вызывать отторжения. Нельзя не согласиться с таким выводом профессионала: «Система мотивации уникальна для каждой компании, ее нужно выстраивать, пробовать и корректировать в течение всей жизни организации. В данном случае применение конкретных подходов, методов и инструментов должно как можно более органично вписываться в специфику и культуру предприятия» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулик И.В., Мотовиц Т.Г., Сундуева П.К. Исследование проблем мотивации персонала образовательной организации // Вестник ТОГУ. Хабаровск, 2019. № 4. С. 127–134.
2. Бессмысленные KPI: почему эффективность людей иногда лучше не измерять. [Электронный ресурс] — режим доступа: <http://www.rbc.ru/opinions/business/18/03/2016/56ebda6d9a79472a5a650dfe>
3. KPI или пособие по командному самоубийству. [Электронный ресурс] — режим доступа: <http://www.cmsmagazine.ru/library/items/management/kpi-or-manual-on-suicide-command>.
4. Опыт применения KPI. Причины успехов и несбывшихся ожиданий. [Электронный ресурс] — режим доступа: <https://iteam.ru/publications/target/opyt-primeneniya-kpi>
5. Проблемы и перспективы применения системы kpi (кпэ) в Отечественной практике. [Электронный ресурс] — режим доступа: <http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/3351/94a.pdf?sequence=1>
6. Е. Филиппова Подходы к мотивации, которые мотивируют. АДВАНТА [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://advanta-group.ru/blog/podhody-k-...>

© Бияк Людмила Леонидовна (lbiyak2010@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЗДАНИЕ ФИНАНСОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ КАК НОВЫЙ СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

CREATION OF THE FINANCIAL INFRASTRUCTURE OF COMMERCIAL BANKS AS A NEW WAY OF ORGANIZING ACTIVITIES IN THE FIELD OF DIGITAL TECHNOLOGIES

I. Vasilev

Summary. Integration and globalization contribute to the modernization and development of the banking system as a whole, which affects the expansion and functionality of possible prospects for building the organization of each bank. With the strategy of innovative development and maintaining competition in the banking sector, banks are constantly developing new banking products, services, processes and technologies, including improving existing ones. In today's environment, our country has significantly increased the role of introducing digital technologies as an effective tool directly to the entire organization of activities within a particular bank, which is relevant at the modern stage. Digital technologies directly influence the formation of the credit organization ecosystem and, as a result, optimization of business processes, lower costs and generally increase competitiveness in the banking sector.

Keywords: information technology, banking technologies, information society development strategy, digital technologies, digital economy.

Васильев Игорь Иванович

*К.э.н., доцент, Финансовый университет при
правительстве Российской Федерации
vasilev-1962@inbox.ru*

Аннотация. Интеграция и глобализация способствуют модернизации и развитию банковской системы в целом, что отражается на расширении и функциональности возможных перспектив для построения организации деятельности каждого банка.

При стратегии инновационного развития и поддержания конкуренции в банковском секторе банки постоянно разрабатывают новые банковские продукты, услуги, процессы и технологии, в том числе совершенствуют существующие.

В современных условиях нашей страны значительно возросла роль внедрения цифровых технологий как эффективного инструмента непосредственно на всю организацию деятельности внутри конкретного банка, что актуально на современном этапе. Цифровые технологии напрямую влияют на формирование экосистемы кредитной организации и, как следствие, оптимизацию бизнес-процессов, снижению издержек и в целом увеличению конкурентоспособности в банковском секторе.

Ключевые слова: информационные технологии, банковские технологии, стратегия развития информационного общества, цифровые технологии, цифровая экономика.

В настоящее время финансовая инфраструктура является одной из центральных составляющих (звеньев) в области построения и организации деятельности коммерческого банка. Важным моментом является то, что уровень финансовой инфраструктуры определяет эффективность развития финансовых инструментов, инвестиционную привлекательность кредитной организации.

В одном из основных документов по развитию цифровизации банков [1] говорится, что при сочетании с реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации», а также с усовершенствованием IT-разработок в кредитных организациях будут создаваться новые платформы, которые будут неотъемлемой частью финансовой инфраструктуры банковской системы. Именно ЦБ РФ будет выступать в роли главного координатора организации работы участников, а также обеспечивать сопоставление проектных разработок

и воссоединение стандартов взаимодействия всех элементов финансовой инфраструктуры.

Финансовая инфраструктура в банковской системе предполагает существование и достижение результатов цифровизации при сочетании следующих компонентов-платформ:

- ◆ для удаленной аутентификации и идентификации;
- ◆ быстрых платежей;
- ◆ маркетплейс для финансовых продуктов и услуг;
- ◆ для регистрации финансовых сделок;
- ◆ Национальная система платежных карт;
- ◆ система передачи финансовых сообщений;
- ◆ сквозной идентификатор клиента;
- ◆ создание платформы для облачных сервисов;
- ◆ на основе технологии распределенных реестров.

Удаленная идентификация позволяет минимизировать количество отделений кредитных организаций,

издержки на персонал, аренду и обслуживание, потому значительная доля услуг доступна онлайн. Например, в США уже давно активно применяют удаленную идентификацию: Bank of America и Royal Bank по отпечатку пальца, Barclays по сосудистому отпечатку, по лицу, Wells Fargo — либо по голосу и лицу, либо по сосудистому рисунку глазного яблока.

В России, ориентировочно с начала июня 2018 г. в некоторых банках была введена единая биометрическая система, которая была разработана совместно с Ростелекомом по инициативе Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, а также ЦБ РФ. Главное преимущество данной системы:

- ◆ возможность осуществления услуг клиентов, которые территориально отдалены от реальных отделений кредитных организаций; обладает следующими принципами — мультимодальность:
- ◆ обрабатывает вместе голос и лицо, мультивендорность — открытая платформа, к которой могут присоединиться любые вендоры биометрии;
- ◆ liveness — способность отображать «подделку» вместо живого человека;
- ◆ выявление аномалий — ЕБС может не только определять мошенников, но и усиливать банковские системы от фрода с помощью машинного обучения;
- ◆ безопасность данных.

Данные, который сдает при идентификации операционисту/менеджеру банка привязываются к учетной записи Госуслуг (требуется оригинал паспорта и СНИЛС). Security Operation Center (SOC) «Ростелекома» постоянно мониторит защищенность системы. Биометрические шаблоны хранятся в обезличенной форме в защищенных хранилищах, отдельно от персональных данных, которые находятся и хранятся в базах федеральных органов власти.

С учетом внедрения и развития цифровизации различных сфер повышается требование к прохождению мгновенных платежей между юридическими, физическими лицами. Происходит переформатирование существующих механизмов проведения переводов, снижение межбанковских барьеров, становление усовершенствованной системы быстрых платежей. Данная система предполагает быстрый перевод денежных средств из одного банка в другой банк по номеру телефона. Оператором и расчетным центром выступает Банк России, а операционным и клиринговым центром — НСПК. В течение 2019 года подключено половина топ-50 банков.

Глобализация и развитие технологий в настоящее время практически каждый средний-крупный бизнес

приводит к возникновению специальной единой платформы, позволяющей покупателям приобретать различного вида продукты или услуги. На данный момент данная платформа называется именно маркетплейсом, что применимо и к банковской сфере. Свои сайты и офисы кредитные организации превращают в данный маркетплейс для продажи как банковских, так и не банковских продуктов, и услуг (например, применимо к Сбербанку, Тинькофф Банку, Альфа-Банку). Как пример — пилотный проект Яндекса, который на базе своей платформы начал продавать банковские продукты Сбербанка, которые наиболее востребованы у населения страны.

Стоит отметить, что 18 октября 2018 года на форуме Finopolis Московская биржа подписала соглашение о сотрудничестве для развития проекта «Маркетплейс» с рядом крупных банков, Национальным Расчетным Депозитарием, инициатором выступал Банк России. Теперь каждое физическое лицо, находясь в любой точке земного шара может видеть в режиме онлайн основные предложения банков, управляющих и страховых компаний; клиент будет иметь свой личный кабинет с идентификатором, через который он может управлять своими приобретенными продуктами/услугами.

На первом уровне клиентам будет предоставлен доступ к банковским вкладам, включая возможность одновременной биометрической идентификации. На следующем уровне уже будут доступны различные финансовые ценные бумаги, включая ПИФы, государственные облигации, а также страховые и кредитные продукты (например, ОСАГО и КАСКО). Основное преимущество маркетплейса состоит в трансформации, выходе на новые рынки, снижению издержек на филиальные сети кредитных организаций, улучшение качества предлагаемых продуктов и услуг на базе конкуренции, повышения автоматизации процессов, взаимодействия на единой рабочей платформе.

Формирование маркетплейса — создание и обеспечение безопасной доверенной среды для совершения определенного количества транзакций за операционный день. При таком количестве плюсов есть и существенные недостатки, т.к. для организации полноценной работы маркетплейса требуется изменения законодательства, например, на тему финансового агрегатора, о регистраторе финансовых операций, разработчиков ботов. В настоящее время в Госдуме на рассмотрении находится законопроект [2] о совершении сделок с использованием электронной платформы, который фактически регистрирует условия образования и функционирования маркетплейсов, регулятором будет выступать ЦБ РФ. В данном документе обсуждаются вопросы о регистрации участников, видам сделок, порядке списания

денежных средств через оператора, объем размещения финансовой информации и пр.

В отдельную категорию формирования финансовой инфраструктуры банка будет включена регистрация и формирование отдельной платформы для регистрации финансовых сделок. Данная платформа, как и маркетплейс создана для в целях развития конкуренции и увеличению организации финансовой доступности. Данная платформа будет включать единый реестр сделок на финансовом рынке, а также единый доступ к данным сделкам. Данный проект пока еще находится на рассмотрении у Банка России. Данный сервис имеет преимущества в удобстве по управлению финансовыми инструментами в течении ограниченного количества времени, консультациям и технологической поддержке на этой платформе, а в перспективе планируется роботизация, например, на базе формирования инвестиционного портфеля клиента.

На формирование финансовой инфраструктуры коммерческих банков оказывает большое влияние Национальная система платежных карт «Мир», которая обеспечивает удобство, доступность и безопасность безналичных платежей, бесперебойность проведения внутрироссийских транзакций по банковским картам (клиенты могут спокойно совершать покупки, снимать наличные, оплачивать безналичным путем платежей через терминалы эквайринга, в т.ч. бесконтактно). С 2020 года планируется получение госуслуг не только по своему паспорту, но и при помощи национальной карты. Также для осуществления покупок по карте «Мир» будет применяться биометрия лица, мимика и голос, что повлечет за собой сокращение наличных карт, а значит и снижение рисков мошенничества.

В 2014 году были введены антироссийские санкции со стороны Украины, Европарламент принял резолюцию, где Россию собирались исключить из системы SWIFT (межбанковская система, которая позволяет при наборе определенных правил осуществлять мгновенные переводы между иностранными банками на счета своих клиентов). В связи с этим Банк России в целях безопасности создал свой аналог, который называется системой передачи финансовых сообщений (СПФС) — еще один компонент, звено в создании платформы в системе финансовой инфраструктуры коммерческих банков. Актуальной темой является модернизация СПФС на базе распределенных реестров, т.е. появляется блокчейн-версия данной платформы, которая позволяет гарантировать прозрачность и анонимность всех участников данной цепочки без участия контролирующего органа.

Можно отметить, что у каждого физического лица привязано много информации (например, данные па-

спорта, СНИЛС, свидетельства о рождении, ИНН и пр.). Для того, чтобы систематизировать и комплексно привязать все эти данные, в планах ввести так называемый сквозной идентификатор клиента, который будет являться «цифровым паспортом», что вполне применимо на единой платформе для финансовых сделок, маркетплейсе. На данный момент разработкой данного проекта занимается Банк России, Министерство Финансов и Минкомсвязи. Планируется синхронизировать и актуализировать данные граждан и внести изменения с помощью МВД РФ. Ожидается, что в сочетании с биометрией данный идентификатор снизит издержки, повысит эффективность деятельности финансовой, банковской сферы как в России, так и за ее пределами. Например, сквозной идентификатор позволит банковским работникам проверять кредитный рейтинг физического лица и сохранять необходимую информацию о нем на протяжении долгого периода времени.

Немаловажным пунктом для создания единой финансовой инфраструктуры внутри коммерческих банков является применение платформы на базе облачных сервисов. Облачные технологии — особая система, где клиент использует ресурсы (например, оперативная память, сетевые каналы, ПО, процессорное время и пр.), группу сервисов в сети, которые выглядят как единый виртуальный сервер, где клиент может гибко и оперативно менять объемы потребляемых ресурсов.

Кредитным организациям облачные технологии в перспективе можно применять в следующих случаях:

- ◆ при анализе данных на мировых рынках, например, на финансовом обрабатывается большой объем информации (без содержания инсайдерской информации), который можно хранить в отдельном облаке;
- ◆ для разовых аналитических отчетов в процессе организации деятельности отделов внутри банков, тем самым исключая покупку дополнительной IT-инфраструктуры, оптимизируя риск-менеджмент;
- ◆ при выявлении мошеннических операций, когда облачный сервис, анализируя стандартные методы поведения клиентов при определении не типичных моделей сразу будет сигнализировать о данном виде операций, сюда можно включить биометрические данные, в т.ч. систему распознавания лиц;
- ◆ облачные технологии на базе машинного обучения помогут определять специфику поведения клиентов, например, если будет выявлена тенденция ухода клиента из банка, то будут предприниматься попытки выяснения причин и возврата в целях дальнейшего обслуживания;

- ◆ внедрение облачных технологий отразится на поддержке сайтов (можно вынести в облако резервный сайт), мобильных устройств (упростят подготовку и отправку любой информации больших объемов);
- ◆ в процессе деятельности банков аккумулируется большой объем информации, который также можно хранить в облаке (также дополнительно шифровать и извлекать), например, записи с камер наблюдения, отсканированные документы клиентов (ФЛ и ЮЛ), записи разговоров сотрудников колл-центра, также многие материалы для обучения персонала;
- ◆ для разработки и тестирования банковских приложений, в данном случае применяются гибридные облака, которые позволяют воспроизвести возможное поведение данных приложений, гибко управлять ресурсами внутри них.

Технология блокчейн или «технология распределенных реестров» на данный момент пользуется активным спросом и стремительно охватывает банковскую сферу. Ее главная задача заключается в том, что она представляет собой новый способ создания баз данных, где нет единого центра управления, образуя «блочную цепь». Именно блокчейн позволяет обрабатывать транзакции в режиме реального времени, отсутствие посредников

в цепочке позволяет сократить издержки на осуществление переводов. Еще одно из самых главных преимуществ технологии блокчейн состоит в смарт-контрактах, которые полностью автоматизируют все платежи, снижают до минимума случаи мошенничества (например, при размещении корпоративных облигаций — компания-эмитент определяет основные параметры контракта, при наступлении передачи облигации владельцу автоматически начинается выплата купонных платежей до тех пор, пока не наступит срок не наступит срок исполнения облигации). Также данная система кардинально изменяет банковскую сферу в сочетании с технологией «Интернета вещей» (оплата ЖКХ, Интернета, парковок и др. реализуются с помощью распределенных реестров с полностью анонимностью и прозрачностью).

Таким образом, финансовая инфраструктура состоит из взаимодополняемых элементов, которые влияют на организацию деятельности каждого коммерческого банка, что увеличивает доступность и конкуренцию финансовых услуг. На данный момент ключевым фактором является система открытых API, т.е. программных интерфейсов приложений, что включает в себя интеграцию сервисов коммерческих банков в рамках ЕАЭС. Планируется открыть информацию через данный сервис о банкоматах, отделениях, услугах для физических и юридических лиц для нерезидентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информация Банка России «Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 г.» [7]
2. Текст законопроекта № 617867–7 «О совершении сделок с использованием электронной платформы»
3. О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»): Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2019)
4. Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов: Информация Банка России от 16.02.2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2019)
5. Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 гг. (одобрено Советом директоров Банка России 26.03.2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2019)

© Васильев Игорь Иванович (vasilev-1962@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КОНТРОЛЯ НА КРУПНОМ ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ

MODERN DIRECTIONS OF CONTROL DEVELOPMENT AT A LARGE INDUSTRIAL ENTERPRISE

**T. Goremykina
N. Trishkina**

Summary. The article presents the current trends in the development of control at a large industrial enterprise. The advanced experience in this field has been synthesized, and promising areas for the formation of an integrative control system have been identified. Based on the survey method, the main problems of control in large manufacturing enterprises of 15 regions of Russia were identified, practical recommendations were proposed for building an integrative control system on an independent and highly professional basis, including internal control, internal audit and controlling, and covering all key business processes with applying the latest digital era.

Keywords: control, controlling, internal audit, digitalization, management of a large industrial enterprise, manufacturing industry.

Горемыкина Татьяна Константиновна

*К.э.н., Московский международный университет
5149611@mail.ru*

Тришкина Надежда Антоновна

*К.э.н., Московский международный университет
ntrishkina@list.ru*

Аннотация. В статье представлены современные направления развития контроля на крупном промышленном предприятии. Синтезирован передовой опыт в данной сфере, определены перспективные направления формирования интегративной системы контроля. На основе метода опроса, выявлены основные проблемы контроля на крупных предприятиях обрабатывающей промышленности 15 регионов России, предложены практические рекомендации по построению интегративной системы контроля на независимой и высоко профессиональной основе, включающей внутренний контроль, внутренний аудит и контроллинг, и охватывающей все ключевые бизнес-процессы с применением последних цифровой эпохи.

Ключевые слова: контроль, контроллинг, внутренний аудит, цифровизация, управление крупным промышленным предприятием, обрабатывающая промышленность.

В современных социально-экономических условиях одним из ключевых направлений управления крупными промышленными предприятиями выступает формирование системы интегративного контроля, охватывающей все направления функционирования предприятия и обеспечивающая постоянные улучшения ключевых бизнес-процессов на основе непрерывного мониторинга, анализа и применения корректирующих воздействий.

Формирование интегративных систем контроля на отечественных промышленных предприятиях выступает исключительно важной новацией в условиях нового технологического уклада, когда конкурентоспособность и стратегическое развитие предприятий в полной мере зависят от активизации резервов инноватики, выявление которых нередко происходит при реализации мер и инструментов контроля. Другой аспект, обуславливающий практический интерес к построению инте-

гративных систем контроля на промышленных предприятиях — проблематика поиска внутренних источников обеспечения устойчивого функционирования в условиях турбулентной внешней среды, включая негативное воздействие антироссийских санкций на развитие целых отраслей промышленности и необходимость мобилизации всех ресурсов для успешного решения задач импортозамещения.

Проблема исследования заключается в том, что, несмотря на функционирование систем контроля, внутреннего аудита и контроллинга на современных крупных промышленных предприятиях в России, интеграция данных систем практически всегда или отсутствует, или осуществлена на ненадлежащем уровне. Кроме того, контролю (контроллингу) и/или аудиту подчинены далеко не все ключевые бизнес-процессы предприятия, идентификация последних нередко не осуществлена. Управление контролем не подчинено стратегическим

целям и философии развития предприятия, а цифровые технологии в данной сфере практически не внедряются. В своей совокупности, наличие приведенных проблем не просто сдерживает развитие отечественной промышленности (как в целом, так и конкретных предприятий), но также все в большей степени выводит предприятия на обочину глобальной конкуренции в условиях нового технологического уклада.

Приведенная совокупность проблем требует скорейшего разрешения, однако системный характер, который должен быть обеспечен для целей эффективной организации контроля, не требует поспешности при разработке и реализации соответствующих организационных решений; скорее, наоборот, — необходимо изучить и систематизировать наилучшие управленческие практики, зарубежный опыт; затем, провести детальную идентификацию существующих проблем, по результатам чего разработать перспективные управленческие решения, оценить их эффективность и потенциал, после чего уже воплощать в жизнь.

Принятие управленческого решения, как правило, начинается с осознания наличия проблемы, требующей решения, либо открывающихся возможностей, использование которых предполагает принятие мер управленческого характера. В самом общем виде процедура принятия управленческих решений включает следующие основные этапы:

1. Диагностика проблемы и анализ ситуации
2. Разработка и формулирование вариантов решения проблемы.
3. Определение критериев сравнения альтернатив и выбор наилучшей, исходя из поставленных целей.
4. Организационная подготовка, согласование и реализация управленческого решения.
5. Оценка эффективности результатов реализации управленческого решения. [3]

Для того, чтобы в ходе управленческого решения были достигнуты поставленные цели, успешно реализовались задачи, на наш взгляд, внедрение в деятельность предприятия таких процедур как внутренний контроль и внутренний аудит на четвертом этапе принятия управленческого решения, является необходимым условием их успешной реализации.

Цель внутреннего контроля — информационное обеспечение системы *управления* для получения возможности принятия эффективных решений.

Успешность применения внутреннего контроля предприятий обеспечивается экономической, административной и дисциплинарной ответственностью

руководителей структурных подразделений за ненадлежащее выполнение контрольных функций. Условия и порядок осуществления внутреннего контроля подлежат документальному оформлению, дисциплина ведения и обязанности определяются руководителем организации.

Исследованные аспекты зарубежной практики организации контроля на крупных промышленных предприятиях позволяют сделать следующие выводы о тенденциях, по сути, ставших уже управленческим мейнстримом [1, 3–8]:

- ◆ на крупных промышленных предприятиях, с учетом размера и специфики функционирования данных сложнейших социально-экономических систем, системы контроля включают собственно контроль, аудит, а также контроллинг всех ключевых бизнес-процессов;
- ◆ контроль осуществляется как подразделениями самого предприятия (внутренний), так и сторонними учреждениями, и организациями (внешний). Организационно независимые частные промышленные предприятия подлежат внешнему контролю со стороны государственных органов, а также для различных целей могут прибегать к инициативному внешнему аудиту. В отдельных случаях, в частности, для подтверждения следования менеджмента предприятия принятым на себя обязательствам в сфере надлежащих производственных практик (*good manufactory practices*; наиболее характерно для пищевой, фармацевтической промышленности), внешний аудит могут проводить контрагенты предприятия;
- ◆ внутренний контроль от внутреннего аудита отличаются, прежде всего, объект, процессы и результаты, хотя по конкретным процедурам они могут практически совпадать. Контроль проводится в отношении текущей деятельности крупного промышленного предприятия, а аудит — по результатам функционирования за определенный период. Контроль призван, прежде всего, своевременно выявлять ошибки и проблемы функционирования предприятия и обеспечивать их оперативное устранение, а аудит предполагает разработку заключений, по результатам которых предлагаются решения как по поводу устранения выявленных нарушений и недопущения их в будущем, так и по поводу совершенствования деятельности предприятий в целом;
- ◆ контроллинг, в свою очередь, это «комплексная система для управления предприятием, с возможностью, координации взаимодействия систем контроля эффективности и систем менеджмента с возможностью снижения централизованного администрирования. Эта же система

должна позволять поддерживать информационно-аналитическим способом процессы принятия решений при управлении» [2, с.24];

- ◆ контроль, аудит и контроллинг, тем самым, три самостоятельных направления внутренней контрольной деятельности на крупном промышленном предприятии, однако, поскольку все они опосредуют реализацию единой философии контроля, то лишь за счет их интеграции можно обеспечить достижение предопределенного эффекта;
- ◆ контроль на крупном промышленном предприятии должен охватывать все ключевые бизнес-процессы. Безусловно, традиционно развивался, прежде всего, производственный контроль и контроль за качеством выпускаемой продукции. Однако, для достижения успешного, безопасного и эффективного функционирования современного крупного промышленного предприятия, контролю должны быть подвержены все ключевые бизнес-процессы, как в сфере производства, так и вне ее. По целому ряду бизнес-процессов — и здесь особняком уже выступают производственные процессы — контроль может быть осуществлен, во-первых, в режиме постоянного функционирования, и, во-вторых, с частичной или его автоматизацией. Подобный контроль именуется мониторингом [4];
- ◆ аудит (внутренний) также не стоит отождествлять исключительно со сферой финансов, как порой это делают менеджеры. Безусловно, аудит произошел из финансовой и учетной сферы, однако, опять же, в современных условиях с применением методов, инструментов и технологий аудита представляется возможным обеспечить интегральное повышение надежности и качества реализации всех ключевых бизнес-процессов;
- ◆ парадигма интегративного контроля включает в себя идею объединения направлений и разновидностей внутренней контрольной деятельности (контроль (мониторинг), аудит и контроллинг) в единую систему [4]. Реализация данной идеи обеспечивается за счет:
 - ◆ во-первых, подчинения системы внутреннего контроля целям и задачам стратегического развития крупного промышленного предприятия;
 - ◆ во-вторых, обеспечения исключительной организационной независимости системы контроля, к примеру, через подчинения ее напрямую Совету директоров предприятия;
 - ◆ в-третьих, посредством унификации методологии контрольной деятельности, основу которой должен составлять риск-ориентированный подход, позволяющий более эффективно распределять

ресурсы и осуществлять мероприятия по тем направлениям деятельности, бизнес-процессам, где наиболее высока вероятность проблем, ошибок и нарушений;

- ◆ в-четвертых, за счет профессионализации управления.

Внутренний контроль и внутренний аудит должны осуществлять специализированные и обособленные подразделения крупного промышленного предприятия, укомплектованные достаточным числом профессионалов, в отношении которых обеспечивается непрерывное повышение компетенций;

В современных условиях качество интегративного контроля на крупных промышленных предприятиях обеспечивается путем цифровизации контроля [5–8]. Цифровые инструменты и методы позволяют автоматизировать многие процессы и процедуры, не только содействуя рациональному распределению ресурсов, но также нивелируя негативное влияние человеческого фактора на контроль.

Под внутренним контролем следует понимать процесс, направленный на проверку и оценку собственной работы, осуществляемой в собственных интересах для получения уверенности в эффективности и конструктивности своей деятельности. [2] Наличие в компании системы внутреннего контроля, как показывает практика, становится все более неотъемлемым условием стабилизации и повышения финансовых показателей, принятия качественных управленческих решений.

Оценка и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия является также функцией системы внутреннего контроля, основывающаяся на методиках и процедурах, принятых управленческими структурами и направленная на достижение конечных результатов и поставленных задач. Следует отметить, что результативность деятельности организации во многом зависит от эффективности постоянных контрольных мероприятий, зависящих от характера и масштабов её деятельности, должна внедряться во все уровни управления и структурные подразделения. В осуществление контрольных мероприятий должны быть вовлечены и принимать непосредственное участие все сотрудники организации в соответствии с их полномочиями. Необходимо акцентировать, что при внедрении в систему управления организации внутреннего контроля, контроллинга, и внутреннего аудита должна быть получена экономическая эффективность (сопоставление результатов и затрат).

Следует акцентировать внимание на значении контроллинга для успешного выполнения запланированных рубежных показателей предприятий. Контроллинг,

наряду с такими функциями как планирование, принятие управленческих решений, учет и контроль призван выполнять информационно-аналитическую функцию, зачастую недооцененную в практической работе, а также в теоретических работах.

Информационно-аналитическая система охватывает все необходимые сведения: производительность, затраты, результаты, поэтому какие бы методы принятия управленческих решений не применялись на предприятии, какие бы принципы не были заложены в основу их принятия, эффект не будет достигнут, если используемая информационно-аналитическая база была недостаточной и сводилась только к констатации фактов.

Наиболее значимыми проблемами аналитической функции контроллинга, на наш взгляд, вырисовываются две проблемы: недооценка значимости аналитической работы и недостатки в ее организации и проведении и вторая — недостатки методического характера в комплексном экономическом анализе.

Недопонимание руководством необходимости аналитической работы приводит к недостатку информации для принятия экономически обоснованных оптимальных решений, и в условиях постоянной оптимизации затрат на содержание аппарата управления под сокращение или свертывание одними из первых попадают информационно-аналитические службы предприятия.

Что касается второй группы проблем, связанных с недостатками методического характера в комплексном экономическом анализе, то их также накопилось весьма значительное количество. Это относится и к методике проведения комплексного экономического анализа, и к использованию или, наоборот, к отказу от использования в аналитической практике ряда важных показателей.

Так, часто нехватка квалификации или времени для освоения новых методик и показателей анализа хозяй-

ственно-финансовой деятельности предприятия приводит к неверной оценке хозяйственных процессов. [3]

В ходе подготовки настоящей публикации, нами был проведен опрос топ-менеджеров 68 предприятий обрабатывающей промышленности нашей страны, представляющих 15 регионов и 14 видов экономической деятельности, что обеспечивало высокую репрезентативность выборки.

В ходе опроса выявлено следующее:

- ◆ ни на одном из предприятий не сформирована интегративная система контроля;
- ◆ в 94% случаев (58 предприятий), внутренний аудит не проводится;
- ◆ в 97% случаев (60 предприятий), системы контроля / аудита не обладают организационной независимостью;
- ◆ в 73% случаев (45 предприятий), контроль касается только производственной деятельности, качества или вспомогательных процессов, таких как логистика;
- ◆ во всех случаях, когда на предприятиях организованы системы внутреннего аудита или внутреннего контроля непромышленных процессов, такие системы не цифровизированы.

Сложившаяся ситуация, как показывают материалы проведенного нами выборочного полуструктурированного интервью с отдельными участниками анкетирования, связана отчасти с нехваткой организационного и финансового ресурса, но, как правило, основная проблема заключается в недостаточном понимании руководством и/или собственниками значимости организации интегративного контроля и его потенциальных преимуществ для развития бизнеса и повышения конкурентоспособности. Речь идет, при этом, о крупнейших предприятиях отраслей обрабатывающей промышленности, на малых и средних предприятиях ситуация обстоит намного хуже.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов, С. А. Управление затратами и контроллинг: учебное пособие / С. А. Борисов, К. И. Колесов, А. Ф. Плеханова. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, 2017. — 167 с.
2. Белозерова Л. А. Роль и значение внутреннего контроля в деятельности организации // Молодой ученый. — 2019. — № 24. — С. 316–320. — URL <https://moluch.ru/archive/262/60616/>
3. Долганова Н.А., Тришкина Н. А., Аналитические исследования как основа принятия эффективных управленческих решений // Сборник IV Международной научно-практической конференции «Техника и технологии, политика и экономика: проблемы и перспективы» Коломенский БОУ ВПО «Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ), — Коломна, 2017. — 248 с. ISBN978–5–905529–45–0
4. Задорнов К. С. Развитие методических подходов к формированию системы контроллинга на промышленных предприятиях: Дисс. канд. эконом наук: 08.00.05. — М., 2016. — 137с.
5. Козлова, Е. В. Интегрированное планирование: концепция, методология, организация: [монография] / Е. В. Козлова. — Саратов: Наука, 2014. — 100 с.
6. Хорошилова, О. В. Система интегрированного внутрифирменного планирования. — Воронеж: Воронежский гос. технический ун-т, 2011. — 193 с.

7. Lasi H. et al. Industry 4.0 //Business & Information Systems Engineering.— 2014.— Vol. 6.— N4.— P. 239–242.
8. Li D. et al. A big data enabled load-balancing control for smart manufacturing of Industry 4.0 //Cluster Computing.— 2017.— Vol. 20.— N2.— P. 1855–1864.
9. Romero D., Vernadat F. Enterprise information systems state of the art: Past, present and future trends //Computers in Industry.— 2016.— Vol. 79.— P. 3–13.
10. Westerman G., Bonnet D., McAfee A. The Nine Elements of Digital Transformation [E-source]. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/the-nine-elements-of-digital-transformation>. Retrieved: June, 27, 2019.

© Горемыкина Татьяна Константиновна (5149611@mail.ru), Тришкина Надежда Антоновна (ntrishkina@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Московский международный университет

ТУРИСТСКИЕ УСЛУГИ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

TOURIST SERVICES OF A PHYSICAL CULTURE AND HEALTH DIRECTION IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ST. PETERSBURG

**V. Yermilova
S. Maltseva
V. Turianskaia**

Summary. The tourist services of a physical-health-improving orientation are considered by the authors as one of the factors improving the socio-economic development of the territory. The article analyzes the urgent problems of providing tourist services of a physical-health-improving orientation, develops the author's definition and classification of this type of service, identifies and characterizes the prospects for their development in the context of sustainable development of St. Petersburg, as well as presents recommendations aimed at improving the process of forming tours that include services sports and fitness orientation.

Keywords: tourism, sustainable development, health and fitness services.

Ермилова Виктория Валерьевна

*К.п.н., доцент, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург
ya.vika6406@yandex.ru*

Мальцева Светлана Георгиевна

К.ф.н., доцент, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург

Турянская Варвара Александровна

Ассистент, аспирант, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург

Аннотация. Туристские услуги физкультурно-оздоровительно направленности рассматриваются авторами как один из факторов улучшения социально-экономического развития территории. В статье проанализированы актуальные проблемы предоставления туристских услуг физкультурно-оздоровительной направленности, разработано авторское определение и классификация данного вида услуг, выявлены и охарактеризованы перспективы их развития в контексте устойчивого развития Санкт-Петербурга, а также представлены рекомендации, направленные на совершенствование процесса формирования туров, включающих услуги физкультурно-оздоровительной направленности.

Ключевые слова: туризм, устойчивое развитие, услуги физкультурно-оздоровительной направленности.

Одним из важнейших факторов формирования устойчивого развития Санкт-Петербурга в настоящее время является туристская деятельность. В «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года» в разделе «Приоритеты, цели, задачи и направления социально-экономической политики Санкт-Петербурга» одной из целей направления «Обеспечение устойчивого экономического роста» определено развитие сферы туризма. «Традиционно высокая привлекательность Санкт-Петербурга как культурно-исторического и административно-делового центра создает предпосылки для развития туризма в качестве ключевого фактора устойчивого развития Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург может стать

одним из крупнейших туристских центров Центральной и Восточной Европы, принимающим более 10 млн. туристов в год» [1].

Достижение данной цели планируется осуществить за счет реализации следующих задач: стимулирование создания и развития туристской инфраструктуры; развитие морского и речного круизного туризма, а также индивидуального яхтенного туризма; расширение предложений на рынке туристских услуг; повышение качества и конкурентоспособности туристских услуг; активное продвижение туристского продукта Санкт-Петербурга на целевых рынках и в целевых сегментах. Показатели достижения цели представлены в Табл. 1

Таблица 1. Показатели достижения целей социально-экономического развития Санкт-Петербурга и индикаторы устойчивого развития Санкт-Петербурга [1].

N п/п	Направления и цели социально-экономической политики Санкт-Петербурга	Наименование показателя (индикатора), единица измерения	Значение показателя (индикатора) по годам			
			2021 год	2024 год	2030 год	2035 год
1	2	3	4	5	6	
3,4	Цель «Развитие сферы туризма»	Темп роста туристских прибытий в Санкт-Петербург (ежегодно в среднем за период),%	103,2	103,9	102,8	102,4
		Темп роста объема платных услуг, предоставляемых гостиницами и аналогичными средствами размещения (ежегодно в среднем за период),%	107,3	106,0	104,8	103,8

Безусловно, Санкт-Петербург является одним из наиболее конкурентоспособных городов в сфере туризма, не только в России, но и в мире. Санкт-Петербург неоднократно становился обладателем наиболее престижной премии в области туризма WorldTravelAwards: «Лучшее направление культурного туризма» (2019 год; 2018 год), «Лучшее европейское городское направление» (2017 год), «Лидирующее культурно-туристическое направление мира» (2016 год) и «Лучшее туристическое направление Европы» (2015 год).

В очередной раз полученная Санкт-Петербургом премия «...свидетельствует о том, что достижения города в туристской сфере обоснованы не только культурно-историческим потенциалом города. Безопасность, развитая туристская инфраструктура и гостиничная сеть — часть планомерной государственной политики. В том числе продуманной политики и на городском уровне. Наш город можно назвать новатором, ведь именно здесь впервые в России стали применять программно-целевые методы для развития туризма» [2].

В современной России актуализируется практическая роль маркетинга услуг физкультурно-оздоровительной направленности. Такие услуги не стоит рассматривать только с точки зрения их коммерческой составляющей, они, безусловно, должны пониматься не только как особый вид экономической деятельности, но и как социально-культурное явление, как инструмент модернизации приоритетных направлений развития сферы общественных отношений.

В начале XXI века особенностью современных реалий в России стала ориентация туристов на получение максимальной пользы от путешествия: приобретение новых впечатлений, знаний, проведения досуга с максимальной пользой для здоровья и т.д., то есть достижения максимальной совокупности факторов, позволяющих совместить сразу нескольких целей туризма в одной

поездки. Ценностными ориентирами при этом являются те ориентиры, которые пропагандируются в современном обществе, одним из важнейших является ЗОЖ.

Таким образом, при помощи целенаправленного массового внедрения туристских физкультурно-оздоровительных услуг возможно формирования ценностных ориентаций (прежде всего, валеологической ценностной ориентации) у значительной части современного российского общества.

Туризм — сложное многокомпонентное явление, в котором достижение практических результатов невозможно без постоянного актуализированного расширения теоретической базы. Тем не менее, можно констатировать, что современное отечественное туризмоведение не всегда отражает всю полноту практических достижений. Так в туризмоведении отсутствует дефиниция туристские услуги физкультурно-оздоровительной направленности. В связи с этим нами были разработаны авторское определение и классификация представленные ниже.

Туристские услуги физкультурно-оздоровительной направленности — результат деятельности исполнителя по удовлетворению реальных и мнимых потребностей потребителя (клиентов) в поддержании и укреплении здоровья, физической реабилитации средствами активной туристской деятельности.

Классификация физкультурно-оздоровительных услуг, реализуемых средствами активного туризма:

1. услуги, направленные на поддержание и укрепление физической формы. Предоставляются потребителям во время фитнес-туров, велнес-туров, пеших, водных, или конных походов и т.д.;
2. услуги, направленные на физическую реабилитацию. Предоставляются в бальнеологических, санаторных, курортных, оздоровительных турах.

Универсальность туристских услуг физкультурно-оздоровительной направленности, на наш взгляд, определяется тем, что они могут реализовываться как в массовом, так и в индивидуальном туризме, имеют широчайший возрастной спектр и ценовой диапазон.

Анализируя перспективы развития туристских услуг физкультурно-оздоровительной направленности необходимо акцентировать внимание на том, что в последние годы рынок физкультурно-оздоровительных услуг активно развивается, расширяются его инфраструктурные составляющие, кроме того, заметна переориентация потребительского спроса в сторону интереса к туристскому продукту мультикомплексного характера. Все это свидетельствует о высокой перспективности туристских услуг физкультурно-оздоровительной направленности. Ориентироваться на, наш взгляд, следует, прежде всего, на отечественного потребителя туристских услуг. Особую актуальность данная рекомендация приобретает в усло-

виях современной экономической ситуации (падение цен на нефть, ослабление курса рубля и т.д.) и сложной эпидемиологической обстановки (распространение коронавируса). Формируя тур следует также учитывать, что Санкт-Петербург и Ленинградская область являются единым социально-культурным пространством. В этом пространстве есть как признанные составляющие (культура является брендом и Санкт-Петербурга, и Ленобласти), так и недооцененные (как, например огромный рекреационный потенциал Ленинградской области). Объединенные в одном туре возможности города и области придадут турпродукту искомый потребителем мультикомплексный характер. Туристские услуги физкультурно-оздоровительной направленности, как один из факторов улучшения социально-экономического развития территории, и, соответственно, повышения качества жизни населения, являются мощным катализатором форсированного и, одновременно, устойчивого развития не только Санкт-Петербурга, но и Ленинградской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года. Утверждена Законом Санкт-Петербурга «О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года Принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 19 декабря 2018 года N771-164 <http://docs.cntd.ru/document/551979680> Консорциум кодекс Электронный фонд правовой и нормативной документации
2. Ермилова В.В., Мальцева С. Г., Захаров К. С. Современные проблемы туристской индустрии. — / В. В. Ермилова, С. Г. Мальцева, К. С. Захаров. — Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья, им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург. — СПб.: [б.и.], 2018. — 215 с.
3. Ермилова, В. В. Актуальные проблемы и перспективы развития санаторно-курортного туризма в Российской Федерации / В. В. Ермилова, С. Г. Мальцева, К. С. Захаров // Ценности, традиции и новации современного спорта: материалы Междунар. науч. конгр., Минск, 18–20 апр. 2018 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т физ. культуры; редкол.: С. Б. Репкин (гл. ред.), Т. А. Морозевич-Шилик (гл. ред.) [и др.]. — Минск: БГУФК, 2018. — Ч. 2. — С. 240–241
4. Агамирова, Е. В. Развитие социально-ответственного туризма в России / Е. В. Агамирова // Наука, фитнес, рекреация — 2017: материалы Всероссийской конференции с международным участием 6–7 апреля 2017 г. / Под общ. ред. профессора С. А. Гониянца — Москва, РГУФКСМиТ, 2017. — С. 17–20
5. Игнатъева, И. Ф. Многомерность туризма: Философский, экономический, политический аспекты / И. Ф. Игнатъева // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. — 2017. — т. 33. Вып. 3. — С. 307–315
6. Афанасьева, Ю.Ю., Фитнес-туризм как новое направление развития туристской индустрии в России / Ю. Ю. Афанасьева, Е. А. Павлов // Наука, фитнес, рекреация — 2017: материалы Всероссийской конференции с международным участием 6–7 апреля 2017 г. / Под общ. ред. профессора С. А. Гониянца — Москва, РГУФКСМиТ, 2017. — С. 33–37
7. Соколова, М. В. Туризм на современном этапе: проблемы и перспективы / М. В. Соколова — М.: Экслибрис-Пресс, 2015. — 48 с.
8. Яковенко, И. М. Актуальные задачи стратегического планирования развития туристских кластеров / И. М. Яковенко // Туристско-рекреационный комплекс в системе регионального развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. — С. 67–70

ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ: МАНИПУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ¹

OPPORTUNISTIC BEHAVIOR OF ECONOMIC ENTITIES: MANIPULATION OF ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY IN ECONOMIC INTERESTS

V. Karginova-Gubnova
A. Scherbak
S. Tishkov

Summary. The purpose of the article is to analyze existing forms of manipulation of environmental responsibility in the economic interests and develop mechanisms to prevent such behavior of economic entities to ensure the socio-economic security of territories. The research methodology is based on case study methods, analysis of the legal framework, and correlation analysis. This paper uses data obtained from sociological surveys and statistics of user requests from the Yandex search engine. The article highlights two main forms of manipulation of environmental responsibility in economic interests, used by economic entities. The existing institutions for preventing manipulation are analyzed on the example of organic products, recommendations are made for their improvement and establishment for all types of eco-products. The need to encourage «green» innovations, open publication of reports on the activities of companies and their access to international financial markets, as well as to stimulate the growth of the supply of eco-products in the Russian Federation is shown.

Keywords: ecoshaming, greenwashing, guilt, eco-goods, organic products, socio-economic security.

Каргинова-Губинова Валентина Владимировна

К.э.н., н.с., Институт экономики Карельского
научного центра РАН, г. Петрозаводск
vkarginowa@yandex.ru

Щербак Антон Павлович

К.э.н., н.с., Институт экономики Карельского
научного центра РАН, г. Петрозаводск
scherbaka@mail.ru

Тишков Сергей Вячеславович

К.э.н., Институт экономики Карельского научного
центра РАН, г. Петрозаводск
insteco_85@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является анализ существующих форм манипулирования экологической ответственностью в экономических интересах и разработка механизмов предотвращения подобного поведения хозяйствующих субъектов для обеспечения социально-экономической безопасности территорий. Методология исследования основана на методах кейс-стади, анализа нормативно-правовой базы, корреляционного анализа. В работе использованы данные, полученные в результате социологических опросов, и статистика запросов пользователей поисковой системы Яндекс. В статье выделены две основные формы манипулирования экологической ответственностью в экономических интересах, применяемые хозяйствующими субъектами. На примере органических продуктов проанализированы существующие институты недопущения манипулирования, сделаны рекомендации по их совершенствованию и установлению для всех типов экотоваров. Показана необходимость поощрения «зелёных» инноваций, открытой публикации отчётов о деятельности компаний и их выхода на международные финансовые рынки, а также стимулирования роста предложения экотоваров в Российской Федерации.

Ключевые слова: экошейминг, гринвошинг, чувство вины, экотовары, органическая продукция, социально-экономическая безопасность.

Введение

В связи с тем, что экологические товары зачастую дороже их традиционных аналогов, а также в силу существования неудовлетворенного спроса на рынке экотоваров, компаниям экономически выгод-

но позиционировать свои товары как экологические. Так, в Европейском союзе и США цена органической продукции превышает цену традиционной на 15–50%, а в Российской Федерации, где спрос существенно выше предложения, — в 2–4 раза. При этом себестоимость отечественной органической продукции выше традици-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–010–00245 «Современное состояние и прогнозирование эколого-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации»

онной в отношении растениеводства на 30–50%, говядины — на 30–40%, молочных продуктов и яиц — всего на 10–15% [1].

Целью статьи является выделение и анализ существующих форм манипулирования экологической ответственностью в экономических интересах и разработка механизмов предотвращения подобного поведения хозяйствующих субъектов для обеспечения социально-экономической безопасности территорий.

Теоретической базой выступили работы ведущих специалистов в данной области.

Оппортунистическое поведение предполагает преследование личного интереса с использованием коварства [2]. Различные формы оппортунизма изучали зарубежные (Дж. Акерлоф, Дж. Стиглиц, О. Уильямсон, Т. Эггертсон и др.) и отечественные (А. Н. Олейник, А. Н. Нестеренко, А. Е. Шаститко и др.) авторы. Примером подобного поведения можно назвать манипулирование экологической ответственностью для получения экономической выгоды.

Экологическую ответственность исследуют и на уровне отдельных лиц, и применительно к институциональным акторам, в первую очередь, правительствам и компаниям [3]. Отметим, что даже при высоком уровне ответственности и желании вести экологический образ жизни индивид не всегда совершает экологические действия [4]. Это может определяться социальным контекстом и неверием в эффективность проэкологического поведения [5].

В качестве промежуточного звена между экологическими ответственностью и активностью рассматривают чувство вины [6]. У индивидов, испытывающих вину за нанесённый окружающей среде ущерб, возникает чувственное обязательство по его возмещению [7]. Чувство вины мотивирует индивида на деятельность по защите окружающей среды [6, 8]. При этом данное чувство может возникнуть как при воспоминании личных стандартов поведения [9], так и при воздействии прочих лиц. Например, в последние годы получило распространение движение flygskam, направленное на возникновение у авиапассажиров чувства вины за совершаемые воздушные перелёты, которые повышают выбросы углекислого газа в окружающую среду [10].

В ходе предыдущих исследований было показано, что решающую роль в недопущении манипулирования экологическими интересами играет государство. При этом в отношении компаний, занимающих доминирующее положение на рынке, эффективными являются механизмы как наказания, так и поощрения путём предо-

ставления налоговых субсидий на развитие «зелёных» инноваций. Однако для прочих предприятий налоговые субсидии не столь действенны [11]. Другим механизмом предотвращения манипулирования экологическими интересами может быть более тщательная проверка деятельности компаний со стороны независимых лиц и институциональных инвесторов, а также размещение ценных бумаг компании не только на внутренней бирже, но и на одной или нескольких международных [12].

В исследовании применялись методы кейс-стади, анализа нормативно-правовой базы, корреляционный анализ. Использовались данные, полученные в результате социологических опросов, и статистика запросов пользователей поисковой системы Яндекс.

Формы манипулирования экологической ответственностью

Отметим, что манипулирование экологической ответственностью в экономических интересах может принимать различные формы.

Первой является экошейминг (от англ. «есо» — экологичный и «shaming» — стыд) и провоцирование возникновения у потребителей чувства вины, с помощью чего производители экологических товаров побуждают отказываться от традиционных товаров и приобретать их экологические альтернативы. Это можно признать достаточно эффективной стратегией. По данным международного исследования «GfK Consumer Life» и проекта «Портрет российского потребителя», в Российской Федерации в 2017 году 62% потребителей испытывало чувство вины, когда их действия вредили окружающей среде. В целом по миру доля таких потребителей достигла 66% [13].

Однако отметим, что не всегда использование эко-товаров снижает негативное воздействие на окружающую среду. Так, купленные биоразлагаемые пакеты или памперсы без соблюдения необходимых условий, например, на обычном мусорном полигоне, не разложатся. А товары, требующие длительной транспортировки, существенно повышают выбросы углекислого газа. Таким образом, актуальной задачей становится повышение экологической грамотности, что невозможно без совместных действий органов власти и общественных организаций (см. перечень инструментов в [14]).

Второй формой манипулирования экологической ответственностью является гринвошинг (от англ. «green» — зелёный и «whitewash» — отбеливание) — совокупность основных видов и типов экологического маркетинга, направленного на введение в заблуждение относительно экологических характеристик товара или

Таблица 1. Число запросов пользователей поисковой системы Яндекс в марте 2020 года

№ п/п	Поисковый запрос	Число в месяц, шт.
1	Органические продукты	29 090
2	Натуральные продукты	22 945
3	Фермерские продукты	21 547
4	Деревенские продукты	2 997
5	Экологические продукты	3 317
6	Экологичные продукты	458
7	Экопродукты	14 166
8	Биопродукты	3 279

Указано суммарное число запросов приведённых слов и их сочетаний в единственном и множественном числе. Аналогичные запросы со словом продукция, а не продукты имеют меньшую популярность. Часть поисковых запросов об органических продуктах относится к вопросам органической химии.

Источник: составлено авторами с помощью интернет-сервиса «Яндекс.Wordstat».

услуги [15]. В качестве признаков гринвошинга можно назвать ложные формулировки, несуществующие зелёные маркировки, акцентирование внимание на экологических характеристиках продукции и умалчивание о неэкологических, указание на большую относительную по сравнению с товарами-аналогами, но не на абсолютную экологичность, использование бездоказательных и расплывчатых формулировок, неактуальной информации. Пример общего, расплывчатого, утверждения — фраза «полностью натуральный», которая не свидетельствует об экологичности продукта: мышьяк, уран, ртуть натуральные, но неэкологичные вещества. В качестве примера неактуальной информации приведём указание на отсутствие в составе веществ, которые законодательно запрещены к использованию [16].

Ещё одной иллюстрацией гринвошинга является заявление компании «Starbucks Corporation» о снижении негативного воздействия на окружающую среду путём замены одноразовых пластиковых трубочек для питья на новые крышки. Однако вес пластика, из которого изготовлены эти крышки, превышает вес старых крышек вместе с трубочками. Таким образом, потребление пластика лишь увеличивается. Переработать новые крышки гораздо проще трубочек, но многие из них всё равно попадут на мусорные полигоны [17].

В малой степени гринвошинг характерен для многих производителей. Так, например, при позиционировании органических продуктов как экологических подчёркивается неиспользование синтетических удобрений и пестицидов. Однако не учитывается, что урожайность органического сельского хозяйства до 40–50% ниже традиционного. Соответственно, оно требует больших земельных угодий [18], приводит к вырубке лесов и, как следствие, способствует глобальному потеплению.

Согласно опросу, проведённому НП «Экологический союз» совместно с «Экобюро GREENS», при поддержке Совета министров Северных Стран, в конце 2017 — начале 2018 годов, для почти половины населения, а именно 45,2%, покупку экотоваров сдерживает гринвошинг [19]. Обилие псевдоэкологических товаров снижает общее доверие к рынку.

Инструменты и институты предотвращения манипулирования экологической ответственностью

С целью предотвращения позиционирования неэкологических продуктов в качестве экопродукции, 1 января 2020 г. в Российской Федерации вступил в силу Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятый Государственной Думой 25 июля 2018 г. Этот закон закрепил понятие органическая продукция, установил нормы её производства, упаковки, хранения, транспортировки и реализации. Для маркировки продукции как органической необходимо пройти сертификацию. Потребители могут получить подтверждение о пройденной сертификации в едином государственном реестре производителей органической продукции. За использование маркировки органической продукции без прохождения сертификации предусмотрен штраф.

К недостаткам данного закона можно отнести регламентирование употребления лишь наименования органическая продукция, не отрегулирована маркировка товаров близкими по смыслу понятиям, включающими слова натуральный, фермерский, деревенский, эко и био.

В качестве примера, подтверждающего необходимость урегулирования вышеназванных терминов,

Таблица 2. Коэффициенты корреляции запросов со словом продукты пользователей поисковой системы Яндекс с марта 2018 года по март 2020 года

	1	2	3	4	5	6	7	8
1	1,00							
2	0,84	1,00						
3	0,81	0,84	1,00					
4	0,94	0,80	0,79	1,00				
5	0,74	0,79	0,69	0,60	1,00			
6	0,63	0,71	0,68	0,68	0,54	1,00		
7	0,85	0,90	0,94	0,84	0,67	0,70	1,00	
8	0,40	0,59	0,44	0,30	0,57	0,47	0,47	1,00

1 — органические, 2 — натуральные, 3 — фермерские, 4 — деревенские, 5 — экологические, 6 — экологичные, 7 — эко-, 8 — био-.

Указано суммарное число запросов приведённых слов и их сочетаний в единственном и множественном числе.

Источник: рассчитано авторами с помощью интернет-сервиса «Яндекс.Wordstat».

Таблица 3. Число запросов пользователей поисковой системы Яндекс в отношении отдельных товаров в марте 2020 года

№ п/п	Поисковый запрос	Молоко	Кефир
1	Органическое(ий)	675	21
2	Натуральное(ый)	8 619	498
3	Фермерское(ий)	3 188	324
4	Деревенское(ий)	3 802	500
5	Экологическое(ий)	152	0
6	Экологичное(ый)	0	0
7	Эко-	17	0
8	Био-	10	2 534

Источник: составлено авторами с помощью интернет-сервиса «Яндекс.Wordstat».

приведём число запросов пользователей поисковой системы Яндекс (см. таблицу 1). Видно, что запросы с прилагательными натуральным и фермерский очень распространены, что позволяет сделать предположение об их широком использовании при поиске экотоваров и маркировке псевдоэкопродукции.

Данный вывод можно подтвердить с помощью анализа корреляции между рассматриваемыми категориями. Наиболее сильная связь, а именно высокая прямая, наблюдается между запросами об органических, натуральных, фермерских и деревенских продуктах. Наименее сильная с прочими изучаемыми — у биопродуктов (прямая умеренная связь и лишь с натуральными и экологическими продуктами — заметная) (см. таблицу 2).

Однако можно отметить, что в отношении различных товаров получают распространение разные слова (см. таблицу 3). Так, например, преобладают запросы о натуральном молоке и о биокефире.

Возвращаясь к анализируемому закону, также отметим, что для бизнеса возникает необходимость проходить дорогостоящую сертификацию. С учётом низкой финансовой устойчивости предприятий аграрного сектора, это может быть существенным сдерживающим фактором при переходе к органическому сельскому хозяйству. Кроме того, в настоящее время нормы российской и международной сертификации расходятся. Соответственно, при экспорте продукции сертификацию придётся пройти повторно. И актуальной задачей становится приведение отечественных норм экологической маркировки международным стандартам.

В то же время, в связи со сложностью перехода к органическому сельскому хозяйству, выглядит целесообразным введение дополнительных знаков для продукции, пока не в полной мере соответствующей всем органическим нормам. В данном случае также можно обратиться к международному опыту. Например, в Европейском союзе выделяют три категории органичности (органи-

ческих ингредиентов более 95%, 70–94% и менее 70%), в США — четыре (из органических ингредиентов полностью, на 95–99%, на 70–90% или менее 70%) [20].

По данным уже упомянутого опроса НП «Экологический союз» совместно с «Экобюро GREENS», при поддержке Совета министров Северных Стран, подавляющее большинство потребителей (78,6%) считают основным признаком экотовара официальную маркировку. При этом только 23,4% респондентов из предложенного перечня смогли корректно выбрать экологические знаки. Соответственно, требуется повышение знаний населения об экологической маркировке [19].

На начальном этапе целесообразна популяризация мобильного приложения «Ecolabel Guide», разработанного некоммерческой организацией «Экологический союз» и предназначенного для проверки экологических знаков. Данное приложение позволяет сканировать маркировку на товаре и представляет полную информацию о ней в случае наличия её в базе общепринятых знаков экологической маркировки продукции [21].

Заключение

Таким образом, в данной статье были выделены и рассмотрены формы манипулирования экологической ответственностью в экономических интересах, предложены механизмы его предотвращения. На при-

мере органических продуктов были проанализированы существующие институты недопущения гринвошинга, сделаны рекомендации по их совершенствованию. Схожие нормы, регулирующие экологический маркетинг, необходимо установить для всех типов экотоваров.

Также на основе ранее проведённых исследований можно рекомендовать поощрять развитие «зелёных» инноваций путём предоставления налоговых льгот и субсидий, стимулировать компании публиковать отчёты о своей деятельности в открытом доступе и выходить на международные финансовые рынки.

Кроме того, безусловно, в Российской Федерации на государственном и региональном уровне требуется стимулировать рост предложения экотоваров, так как при прочих равных условиях это приведёт к уменьшению цен на экологическую продукцию и интересу к манипулированию экологической ответственностью потребителей.

Подобные меры, направленные на снижение оппортунистического поведения, будут способствовать развитию территорий и социально-экономической безопасности граждан, хозяйствующих субъектов, особенно работающих на рынке экотоваров, и, как следствие, территориальной безопасности отдельных субъектов страны и национальной безопасности государства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перспективы развития органического сельского хозяйства в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://s0.rbk.ru/v6_top_pics/media/rbcpro_presentations/2019/755562852094349/presentation-d5d9d7b8ff6245b89adb7e521576e7b.pdf.
2. Williamson O. E. The economic institutions of capitalism: firms, markets, relational contracting / O. E. Williamson. — New York: Free Press; London: Collier Macmillan, 1985. — 436 p.
3. Fahlquist J. N. Moral Responsibility for Environmental Problems — Individual or Institutional? / J. N. Fahlquist // Journal of Agricultural and Environmental Ethics. — 2009. — Vol. 22. — Pp. 109–124. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10806-008-9134-5>.
4. Mkono M. Eco-guilt and eco-shame in tourism consumption contexts: understanding the triggers and responses / M. Mkono, K. Hughes // Journal of Sustainable Tourism. — 2020. — Vol. 28. — № 8. — Pp. 1223–1244. DOI: [10.1080/09669582.2020.1730388](https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1730388).
5. Eden S. E. Individual Environmental Responsibility and its Role in Public Environmentalism / S. E. Eden // Environment and Planning A. — 1993. — Vol. 25. — № 12. — Pp. 1743–1758. DOI: <https://doi.org/10.1068/a251743>.
6. Mallett R. K. Eco-guilt motivates eco-friendly behavior / R. K. Mallett // Ecopsychology. — 2012. — Vol. 4. — № 3. — Pp. 223–231. DOI: <https://doi.org/10.1089/eco.2012.0031>.
7. Bamberg S. Twenty years after Hines, Hungerford, and Tomera: A new meta-analysis of psycho-social determinants of pro-environmental behaviour / S. Bamberg, G. Möser // Journal of Environmental Psychology. — 2007. — Vol. 27. — Pp. 14–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2006.12.002>.
8. Harth N. S. Guilt, anger, and pride about in-group environmental behaviour: Different emotions predict distinct intentions / N. S. Harth, C. W. Leach, T. Kessler // Journal of Environmental Psychology. — 2013. — Vol. 34. — Pp. 18–26. DOI: [10.1016/j.jenvp.2012.12.005](https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2012.12.005).
9. Robyn K. M. Eco-Guilt Motivates Eco-Friendly Behavior / K. M. Robyn // Ecopsychology. — 2012. — Vol. 4. — № 3. — Pp. 223–231. DOI: <http://doi.org/10.1089/eco.2012.0031>.
10. Vaughan A. Flying scared / A. Vaughan // New Scientist. — 2020. — Vol. 245. — № 3264. — Pp. 18–19. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0262-4079\(20\)30066-X](https://doi.org/10.1016/S0262-4079(20)30066-X).
11. Sun Z. Do government regulations prevent greenwashing? An evolutionary game analysis of heterogeneous enterprises / Z. Sun, W. Zhang // Journal of Cleaner Production. — 2019. — Vol. 231. — Pp. 1489–1502. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.05.335>.

12. Yu E.P.-Y. Greenwashing in environmental, social and governance disclosures / E.P.-Y. Yu, B.V. Luu, C.H. Chen // *Research in International Business and Finance*. — 2020. — Vol. 52. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2020.101192>.
13. Глобальные тренды и российский потребитель 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/Gfk-Global-Russian-Trends-Sep_2017_Report.pdf.
14. Каргинова-Губинова В. В. Повышение уровня экологической осведомлённости для безопасности жизнедеятельности в приграничных регионах / В. В. Каргинова-Губинова, О. В. Поташева // *Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов: материалы VI международной научно-практической конференции [26–28 сентября 2019 г., г. Петрозаводск] / Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт экономики КарНЦ РАН; отв. ред.: Т. В. Морозова, Н. Г. Колесников*. — Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. — С. 147–151. DOI: 10.36867/BR.2019.15.28.019.
15. Усова С. И. Экологическая грамотность — как способ борьбы с гринвошингом / С. И. Усова, К. О. Кучина, Т. В. Казанцева // *Техническое регулирование в едином экономическом пространстве: сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 23 мая 2019 г., Екатеринбург / Российский государственный профессионально-педагогический университет*. — Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2019. — С. 145–152.
16. Sins of Greenwashing [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ul.com/insights/sins-greenwashing>.
17. Britschgi C. Starbucks Bans Plastic Straws, Winds Up Using More Plastic [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://reason.com/2018/07/12/starbucks-straw-ban-will-see-the-company/>.
18. *Organic Crop Production — Ambitions and Limitations* / Eds. H. Kirchmann, L. Bergstrom. — Dordrecht: Springer, 2008. — 244 p.
19. Как покупатели выбирают экотовары? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oneplanetnetwork.org/sites/default/files/issledovanie-kak-potrebiteli-vybirayut-ekotovary-2018.pdf>.
20. Белякова З. Ю. Современные правовые формы обеспечения производства и оборота органической продукции / З. Ю. Белякова // *Техника и технология пищевых производств*. — 2018. — Том 48. — № 3. — С. 140–151. DOI: <https://doi.org/10.21603/2074-9414-2018-3-140-151>.
21. Ecolabel Guide: найти экомаркировки стало проще [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ecounion.ru/ecolabel-guide-najti-ekomarkirovki-stalo-proshhe/>.

© Каргинова-Губинова Валентина Владимировна (vkarginowa@yandex.ru),
Щербак Антон Павлович (scherbaka@mail.ru), Тишков Сергей Вячеславович (insteco_85@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Г. Петрозаводск

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: РОЛЬ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Кусаинов Бауржан Оразалович

Павлодарский государственный университет имени

С. Торайгырова

A-D888@bk.ru

EURASIAN ECONOMIC UNION: ROLE OF RUSSIA AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

B. Kusainov

Summary. The article discusses the main features and role of Russia in the EAEU aspect. The author presents a critical look at the role of Russia in cooperation with the EAEU member countries, identifies the main problematic issues, as well as the positive aspects of integration. The aim of the study was to highlight and analyze the main interactions and the role of Russia in the framework of the EAEU. The study described the main difficulties in the relations between the participating countries, and the impact of the nature of integration on economic cooperation. The EAEU can be perceived as a structure that has a core and a common strategy for economic development, so today we have to talk about deepening cooperation, which gradually goes beyond the scope of a purely economic field. Moreover, the expansion strategy of the EAEU should correspond to the scenario of forming an “own center of forces”, which implies the creation of a consolidated entity of geoeconomic and geopolitical relations, the introduction of an effective model of regional international cooperation. The EAEU, documented, is an economic, technocratic project that provides some advantages to its members, in particular in facilitating cross-border trade and facilitating labor migration, but also creates economic risks by raising external tariffs and potentially orienting the economy away from global markets. Until now, the EAEU has not had much economic success, although access to the Russian labor market has been an important motivator and, ultimately, a positive result for post-Soviet economies.

Keywords: EAEU, integration, Russia, economy, cooperation, harmonization.

Аннотация. В рамках статьи рассматриваются основные особенности и роль России в аспекте ЕАЭС. Автор представляет критический взгляд на роль России в сотрудничестве со странами-членами ЕАЭС, выделены основные проблемные вопросы, а также положительные стороны интеграции. Целью исследования явилось освещение и анализ основных взаимодействий и роли России в рамках ЕАЭС. В ходе исследования описаны основные сложности взаимоотношений стран-участниц, и влияния характера интеграции на экономическое сотрудничество. ЕАЭС можно воспринимать как структуру, имеющую ядро и общую стратегию экономического развития, поэтому сегодня приходится говорить о углублении сотрудничества, которое постепенно выходит за рамки чисто экономической области. При этом стратегия экспансии ЕАЭС должна соответствовать сценарию формирования «собственного центра сил», предполагающего создание консолидированного субъекта геэкономических и геополитических отношений, внедрение эффективной модели регионального международного сотрудничества. ЕАЭС, документально, — это экономический, технократический проект, который дает некоторые преимущества его членам, в частности в облегчении трансграничной торговли и облегчении трудовой миграции, но также создает экономические риски, повышая внешние тарифы и потенциально ориентируя экономику на отдаление от глобальных рынков. До сих пор ЕАЭС не имел большого экономического успеха, хотя доступ к российскому рынку труда был важным мотиватором и, в конечном счете, позитивным результатом для постсоветских экономик.

Ключевые слова: ЕАЭС, интеграция, Россия, экономика, сотрудничество, гармонизация.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — довольно молодое, но динамичное интеграционное объединение. Продолжается деятельность в области развития и углубления евразийской интеграции, создается новая интеграционная повестка дня, постоянно совершенствуется нормативно-правовая база ЕАЭС, обеспечивается все более полная гармонизация национального законодательства стран Союза [1].

Присутствующий дисбаланс внутри ЕАЭС остается серьезной внутренней проблемой для ЕАЭС. В частности,

Россия остается основным торговым и политическим центром ЕАЭС. Дисбаланс также проявляется в экономическом контексте: большинство макроэкономических показателей не коррелируют между странами-членами. Если судить по величине валового внутреннего продукта, рассчитанной по паритету покупательной способности (ВВП на ППС), то у России данный показатель в 2017 году составил 4007,831 млрд.долл. США. Вторая по величине страна ЕАЭС — Казахстан — достигла 477,593 млрд.долл. США. Иногда интеграционные компромиссы нелегко достичь, но основной системой координат была и остается логика

общего стратегического выбора — продолжения движения к процессам глубокой экономической интеграции

С начала реализации проекта евразийской интеграции была решена значительная часть задач: эксперты стран Евразийской экономической комиссии провели большой объем работы и достигнут значительный прогресс: действует таможенный союз и введен единый таможенный тариф; создается общий рынок труда и услуг, присутствует единый рынок лекарств и медицинской продукции, принимают новые технические регламенты, создается Суд ЕАЭС, Евразийский банк развития, Евразийский фонд стабилизации и развития, в 2025 году планируется создать единый финансовый регулятор.

Современные проблемы, которые вызваны пандемией, могут также сыграть негативную роль в темпах роста экономических показателей в ЕАЭС. Возникнут проблемы развития МСБ, так как в первую очередь пострадает этот бизнес. В этом аспекте могут пострадать и интеграционные связи России со странами-членами ЕАЭС в области экспорта и импорта товаров, может снизиться товарооборот. Помимо этого, в странах ЕАЭС после окончания пандемии, помимо негативных последствий, возможно увеличение сплоченности и как следствие в будущем, будет формироваться более сплоченная интеграционная политика.

С учетом задач по углублению экономической интеграции и необходимости увеличения конкурентоспособности экономик стран наиболее перспективным признается сценарий «собственный центр силы», реализация которого даст возможность государствам-членам увеличить свою долю в мировой экономике, диверсифицировать экспорт (при одновременном увеличении объема экспорта продукции ТЭК (топливно-энергетического комплекса)), понизить зависимость от импорта из третьих стран, продукции ТЭК, создать долгосрочную основу для устойчивого экономического роста и увеличения качества жизни населения [3].

Однако, несмотря на прогнозы, евразийская интеграция сталкивается с трудностями, в том числе с некоторой несогласованностью моделей экономического развития, отсутствием различных институтов и отсутствием консенсуса внутри стран-членов, а также с приоритетностью собственных модернизационных проектов, не всегда совпадающими с приоритетами и рядом других факторов. Основным риском на данном этапе является «уход» от интеграции и превращение Союза в конструкцию, которая сочетает высокий уровень формализации правил и процедур принятия решений с низкими ожиданиями стейкхолдеров (заинтересованных сторон) от соблюдения этих норм. Об этом, в частности, говорит сложность и протяженность процесса согласования

позиций в области стратегических нормативных документов ЕАЭС, принятых в последние годы (ТК ЕАЭС, соглашение по формированию общего рынка лекарственных средств и др.). В связи с этим необходимо принять меры по приданию значимого содержания евразийской повестке дня, включая осуществление совместных программ и проектов, развитие трансграничного промышленно-технологического сотрудничества, формирование региональных производственно-сбытовых цепочек, сочетание национальных преимуществ в процессах производства технологически сложной продукции и т.д. [6]

Перед странами стоит непростая задача балансирования стратегических интересов всех стран-членов союза в условиях зачастую противоречивых тенденций мировой экономики: регионального протекционизма, интеграции ассоциаций в лице внешних партнеров, а также соблюдения курса либерализации торговли, который был провозглашен ВТО и по-прежнему актуален. Помимо этого, нельзя забывать и о геополитических факторах, влияние которых на экономическую составляющую международных отношений значительно повысилось. Таким образом, задача евразийской интеграции представляется не только эффективным экономическим развитием стран Союза и повышением их конкурентоспособности, но и успешной интеграцией евразийского блока в мировую торгово-экономическую архитектуру как конкурентный «центр силы» мировой экономики. Приоритеты развития ЕАЭС на период до 2025 года включают:

- ◆ повышение эффективности единого рынка ЕАЭС и реализацию его возможностей для бизнеса и потребителей;
- ◆ создание инновационной территории и поощрение технического прогресса;
- ◆ раскрытие интеграционных возможностей для людей, улучшение их благосостояния и качества жизни;
- ◆ развитие ЕАЭС, как одного из важнейших центров развития современного мира, открытый для беспроигрышного и равноправного сотрудничества с внешними партнерами и построения новых форматов взаимодействия.

Международное сотрудничество в рамках евразийской интеграции — один из главных стратегических приоритетов России. Как показывает глобальный опыт, участие в региональной интеграции является наиболее эффективным способом реализации собственных экономических интересов. Успешная реализация развития ЕАЭС соответствует стратегическим и геоэкономическим интересам России, оказывая содействие более эффективного осуществления ее национальных приоритетов. Так, согласно п. 51 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г.

№ 640, Российская Федерация рассматривает в качестве ключевой задачи углубление и расширение интеграции в рамках ЕАЭС с Республикой Армения, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой в целях завершения формирования в рамках общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы, включая устранение барьеров, препятствующих интеграции в Евразийский экономический союз, ограничения и отмена изъятий в экономическом сотрудничестве при одновременном повышении активного использования механизмов для проектной деятельности, является одной из целей национального проекта развития международного сотрудничества и экспорта.

Приоритетное направление международной интеграции и экономического сотрудничества для России представлено:

- ◆ включением в орбиту евразийской интеграции новых направлений, в том числе в социально-гуманитарном плане;
- ◆ развитием последовательной политики ЕАЭС в ключевых секторах экономики (они представлены транспортом, энергетикой, промышленностью и сельским хозяйством), постепенным согласованием сферы финансовых рынков с выходом на единый финансовый рынок и наднациональный финансовый регулятор;
- ◆ установлением взаимовыгодных отношений ЕАЭС с третьими странами;
- ◆ взаимодействием ЕАЭС с другими форматами интеграционных объединений — с СНГ, китайской инициативой «Один пояс-один путь», инфраструктурными программами развития Северного морского пути, развитием механизмов сотрудничества между ЕАЭС и ЕС.

Это требует от России интегрированной и системы действий в отношении собственных экономических интересов в ЕАЭС, согласования подходов к стратегическому планированию на национальном уровне с целями евразийской интеграции, переноса опыта управления проектами и реализации международных стандартов. В качестве приоритета в рамках ЕАЭС в 2018–2019 гг. РФ определила некоторые приоритетные инициативы в рамках евразийской интеграции [5].

Президент РФ В. Путин в своем обращении к главам государств ЕАЭС по случаю начала председательства дал понять, что эта задача заключается в необходимости «внутреннего пожертвования для развития ЕАЭС, обеспечения полного и безоговорочного соблюдения всеми государствами-членами норм Союза и принятых обязательств, даже если это предполагает корректировку национального законодательства». Повестка России в рамках председательства в ЕАЭС стала одной из самых

широких и инновационных, включающих в себя не только уже ставшие традиционными направления интеграции (как продолжение курса по определению условий торговли с третьими странами, индустриального и агропромышленного сотрудничества), но и новые направления, в том числе социально-гуманитарное развитие, сотрудничество в сфере образования и научных исследований, сотрудничество в области туризма, спорта, освоения космоса и т.д.

В частности, приоритетное внимание в повестке дня российского председательства было уделено активному формированию единого цифрового пространства ЕАЭС. В этой сфере особенно заметен эффект синхронизации действий стран Союза: в частности, по итогам заседания Евразийского межправительственного совета 28 ноября 2018 года был подписан указ «О разработке концепции применения специальных режимов в рамках реализации цифровой повестки дня Союза». Важный лейтмотив российского председательства в ЕАЭС в 2018 году стал представлен прогнозированием и определением стратегических приоритетов будущего развития евразийской интеграции, что отразилось в декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Важным направлением для России и ЕАЭС является расширение международного сотрудничества Союза и подключение к орбите совместной интеграции других постсоветских стран. Стоит отметить, что Республикой Молдова был получен статус страны-наблюдателя при ЕАЭС, и планируется продолжить совершенствование института стран-наблюдателей при ЕАЭС, в том числе с учетом сочетания двух интеграционных форматов — ЕАЭС и СНГ [2].

Однако, для России участие в ЕАЭС должно формировать некоторые вопросы, на которые необходимо ответить, в частности, как максимизировать влияние евразийской интеграции на национальную экономику, учитывая национальные приоритеты социально-экономического развития; как увеличить уровень восприятия и значимости евразийской интеграции для граждан. Каждая страна-участница ЕАЭС должна ответить на эти вопросы, и от этого во многом зависит эффективность интеграционной ассоциации в целом. В то же время важно не забывать, что ЕАЭС является органической частью мировой экономики и конкурентного мирового рынка. Нынешняя ситуация, безусловно, влияет на экономические показатели всех государств «евразийской пятерки». Поиск точек сближения, общего знаменателя для всех стран ЕАЭС при ответе на внешние вызовы, составление перечня социально совместных интеграционных проектов, включение «Евразийского измерения» в национальные документы стратегического планирования и более глубокое понимание экономических и политических последствий интеграции для стран союза, в том числе для

России, являются важными целями, от решения которых зависит будущее ЕАЭС.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданный в 2015 году Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Беларусью и Арменией, претендует на то, чтобы стать первой успешной постсоветской инициативой по преодолению торговых барьеров и продвижению интеграции в раздробленном, недостаточно развитом регионе. Сторонники утверждают, что это мог бы быть механизм для диалога с Европейским союзом (ЕС) и другими международными партнерами. Критики изображают дестабилизирующий проект, который усиливает доминирование России в регионе и ограничивает отношения других ее членов с Западом. ЕС рассматривает этот проект как вызов суверенному выбору в своем восточном соседстве. Позиции укрепились после выхода Армении в 2013 году из соглашения об ассоциации с ЕС, включая глубокую и всеобъемлющую зону свободной торговли, и событиями в Украине [4].

Более тесная экономическая интеграция в рамках ЕАЭС должна сделать менее вероятными конфликты между ее членами (например, между Россией и Казахстаном). Облегчение трансграничной торговли и передвижения может снизить напряженность в Центральной Азии. Тем не менее, если Россия использует ЕАЭС для политического доминирования в регионе и в качестве платформы для конфронтации с Западом, то другие члены организации, скорее всего, будут рассматривать его как угрозу своей независимости. Конкурирующие экономические партнерства — будь то с ЕС или Китаем — тогда выглядели бы более привлекательными, потенциально создавая напряженность в отношениях между членами ЕАЭС и Москвой.

Неопределенная роль и будущее ЕАЭС, а также противостояние с Россией из-за Крыма и Восточной Украины затрудняют ЕС разработку последовательной политики в отношении нее. Некоторые брюссельские чиновники и государства-члены выступают против любых переговоров, опасаясь, что они узаконят политику России по отношению к ее соседям и разорвут двусторонние отношения между ЕС и Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном и Беларусью — все они за последние годы испытали новый импульс. Другие утверждают, что взаимодействие ЕС с ЕАЭС является возможным каналом для прорыва в отношениях с Россией или, по крайней мере, что оно может помочь построить мосты или даже снять давление со стран Восточного соседства и Центральной Азии, некоторые из которых жаловались на то, что оказались в ловушке между Москвой и Брюсселем.

Политическое взаимодействие между двумя блоками в настоящее время вряд ли реально, особенно до тех пор, пока не будут выполнены такие условия, как выполнение Минских соглашений по украинскому конфликту. В то время как Москва неоднократно выражала заинтересованность в формализации отношений, многие в ЕС опасаются, что такой шаг приведет к, по существу, пустому процессу с видимостью нормальных отношений, но минимальными существенными выгодами.

Однако при условии полного осознания вышеуказанных рисков технические переговоры на низком уровне между должностными лицами ЕС и ЕАЭС могли бы помочь в разработке будущих стратегий и предложить некоторые прагматичные краткосрочные выгоды, по крайней мере с точки зрения определения существа будущих дискуссий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 года) (с изменением от 15.03.2018 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31565247
2. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (утв. распоряжением Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 9).
3. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России [Текст]: докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Т. В. Бордачев, К. О. Вишневецкий, М. К. Глазатова и др.: отв. ред. Т. А. Мешкова: Нан. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 123 с.
4. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством Российской Федерации 29 сентября 2018 г.).
5. Основные направления экономического развития Евразийского экономического союза (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28).
6. The Eurasian Economic Union: Power, Politics and Trade // <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/eurasian-economic-union-power-politics-and-trade>

© Кусаинов Бауржан Оразалович (A-D888@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В БАНКОВСКОЙ ПРАКТИКЕ

USE OF ELECTRONIC PAYMENTS IN BANK PRACTICE

G. Murtazoeva

Summary. The article is devoted to the study of the features of the use of electronic payments in banking practice. Special attention is paid to the importance and role of electronic payment banking system for the stability of the national economy and public finance. In addition, the tasks of using electronic payments by banks have been highlighted. Particular emphasis is placed on the use of electronic payment services by banks in the process of servicing individuals.

Keywords: bank, electronic payments, Internet banking, finance, stability, system.

Муртазоева Гулноз Икромовна

*Российско-Таджикский (славянский) Университет,
Душанбе, Таджикистан
Ikrom.fu@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей использования электронных платежей в банковской практике. Отдельное внимание уделено значению и роли электронной платежной банковской системы для стабильности национальной экономики и государственных финансов. Кроме того, выделены задачи использования электронных платежей банками. Особый акцент сделан на применении банками электронных платежных сервисов в процессе обслуживания частных лиц.

Ключевые слова: банк, электронные платежи, Интернет-банкинг, финансы, стабильность, система.

Глобальная информатизация стала стимулом к формированию новой модели экономики — цифровой, институциональные основы которой реализуются благодаря задействованию механизмов инновационного развития [1]. Ключевое значение в становлении цифровой экономики играет электронная коммерция, которая, с одной стороны, нуждается в создании благоприятного климата для инновационного предпринимательства, а с другой — выдвигает повышенные требования к развитию инфраструктуры онлайн услуг, в том числе платежных.

Как показывает опыт ведущих стран мира, рациональная структура платежной системы и высокий уровень развития ее ключевых элементов способствуют эффективному функционированию финансовой сферы в целом, усовершенствованию денежно-кредитных отношений, обеспечению развития национального хозяйства, а также проведению межгосударственных валютных расчетов [2].

Исключительно важную роль в развитии этих процессов играет банковская система, на которую возложены функции по регулированию деятельности и интеграции электронных платежных систем, созданию единой платежной инфраструктуры для всех видов платежных инструментов, обеспечению операционной надежности платежных услуг, а также обеспечению модернизации и дальнейшего развития рынка электронных платежей.

Однако, несмотря на успешность использования банками электронных платежных систем как на международном, так и на национальном уровнях, не теряет своей актуальности задача их улучшения и постоянной модификации.

Таким образом, обозначенные обстоятельства объясняют постоянный рост интереса к проблеме развития банковских электронных платежных систем, что и предопределило выбор темы данной статьи.

Исследованиями в направлении развития платежных систем занимаются такие зарубежные ученые, как G. Reynolds, F. Stefan, M. Woodford, K. Fullencamp, Saleh M. Nsouli, S. Turnbull.

Более подробно на различных аспектах развития электронных платежных систем и денег сосредоточили свое внимание М. С. Деменков, Х. А. Засадная, Я. М. Кривич, Т. А. Медведь, Т. В. Шевчук и др.

Более предметно влияние электронных платежных систем на финансовую систему страны и на ее составляющие исследуется в работах отечественных авторов, к числу которых можно отнести Д. Е. Евсюкова, Д. А. Кочергина, Н. А. Тлишеву, А. В. Колесника.

Высоко оценивая проведенные исследования, следует отметить, что целый ряд вопросов развития механизмов электронных платежей в банковской системе,

Таблица 1. Наиболее развитые электронные платежные системы банков РФ

Банк	Технологии электронных платежных систем
Сбербанк России	Сбербанк Интернет-банкинг; мобильный банкинг; терминалы для осуществления платежей
ВТБ	VTB Банк Клиент-банк, GSM-банкинг, интернет-банкинг VTBOline
Альфабанк,	Альфа-Банк «Интернет-банкинг + SMS-банкинг + e-mail-банкинг», пакет услуг «Альфа-Престиж»
Газпромбанк	«Клиент-банк»; Интернет-Клиент-банк; мобильный банкинг
Банк ФК Открытие	Открытие Интернет банкинг + мобильный банкинг + Открытие-телевойс
Московский кредитный банк	МКБ банкоматы, терминалы для осуществления платежей, GSM-банкинг, интернет-банкинг МКБ Online
Райффайзен	Райффайзен Банк Аваль Интернет банкинг + мобильный банкинг + Аваль-телевойс
Ситибанк	Сити Интернет-банкинг Citi-Online, Мобильный банкинг, SMS-банкинг, Контакт-центр, система моментальных платежей Portmone

в контексте стремительного развития финансовых инноваций, а также распространения связанных с такими инновациями рисков, еще остаются нерешенными. Это касается, в частности, формирования национального платежного пространства, усовершенствования платежной инфраструктуры, развития механизмов взаимодействия всех участников платежных систем и урегулирования взаимоотношений между ними в соответствии с лучшей мировой практикой.

Таким образом, цель статьи заключается в исследовании особенностей использования электронных платежей в банковской практике.

Электронные платежи банковскими учреждениями осуществляются в рамках национальной системы массовых электронных платежей, которая представляет собой внутригосударственную банковскую платежную систему, в которой расчеты за товары и услуги, получение наличных и другие операции осуществляются с помощью платежных смарт-карт по технологии, разработанной центральным банком страны [3]. Банки не только участвуют в этой системе как обычные плательщики и получатели средств, но и выполняют роль посредников в платежах, благодаря чему в режиме реального времени доставляются денежные средства от плательщика к получателю.

С учетом вышеизложенного, можно отметить, что в современных условиях основными задачами использования электронных платежей банками являются:

- ◆ поддержание устойчивости денежного обращения и стабильности национальной денежной единицы на основе реализации функции денег, являющихся средством платежа;
- ◆ предоставление субъектам рынка платежных средств и инструментов в необходимом объеме и с учетом требуемой функциональности;
- ◆ обеспечение своевременности и точности исполнения всех расчетов и платежей;

- ◆ повышение надежности функционирования платежных и расчетных механизмов;
- ◆ содействие динамичному развитию национальной экономики.

Помимо общегосударственного значения электронных платежей, реализуемых банковскими учреждениями, отдельный акцент также следует сделать на том, что они играют очень важную роль в развитии и усовершенствованию услуг, которые предоставляются частному сектору.

Благодаря возможностям современных электронных платежных систем сегодня стали привычными понятия: *telebanking* — дистанционные операции по телефону; *PC-banking* — операции через персональный компьютер, *handypocketbanking* — операции с помощью мобильного телефона; *direct banking* — прямые банковские операции; *phonebanking, faxbanking* — операции по факсу;

Популярность электронных платежей, которые предлагают банки, во многих странах мира ежегодно растет. Согласно данным консалтинговой компании McKinsey&Company, в настоящее время с помощью компьютеров и мобильных устройств жители России осуществляют около 47% расчетов. К примеру, в Польше с использованием электронных платежных средств происходит более 95% розничных операций [4].

Сегодня электронные платежи в России используют многие банковские учреждения. Наиболее успешными и технологичными участниками рынка являются Сбербанк России, ВТБ, Альфабанк, Газпромбанк, Банк ФК Открытие, Московский кредитный банк, Райффайзен, Ситибанк (см. табл. 1).

По словам банкиров, ключевым аргументом продвижения электронных платежей является то, что себестоимость операций, осуществляемая с их использованием, гораздо ниже, чем операций, выполняемых в отделении.

ях [5]. Однако такая удобная для потребителей ситуация может длиться недолго — можно прогнозировать введение банками платы за обслуживание электронных платежей или повышение действующих расценок.

Таким образом, подводя итоги, отметим, что особенности использования банками электронных платежей на современном этапе связаны с действием таких факторов как глобализация, усложнение организационно-тех-

нических и технологических информационных систем, а также взаимосвязей между отдельными элементами платежных систем в международном измерении, увеличение объемов платежей, количества участников и скорости расчетов. Поэтому электронные платежи, проводимые банками, имеют большое значение как для обеспечения устойчивости национальной финансовой системы, так и для развития и улучшения обслуживания частных клиентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Impact of digital innovation on the processing of electronic payments and contracting: an overview of legal risks. Frankfurt am Main: European Central Bank, 2017. 145 p.
2. Hampshire, Chris A mixed methods empirical exploration of UK consumer perceptions of trust, risk and usefulness of mobile payments // International journal of bank marketing. 2017. Volume 35; Issue 35; pp 354–369.
3. Semerikova, Ekaterina Payment instruments choice of Russian consumers: reasons and pain points // Journal of enterprising communities: people and places in the global economy. 2019. Volume 14: Number 1; pp 22–41.
4. Аббасов А.М., Мамедов З. Ф., Алиев С. А. Цифровизация банковского сектора: новые вызовы и перспективы // Экономика и управление. 2019. № 6(164). С. 81–89.
5. Никонов А.А., Стельмашонок Е. В. Анализ внедрения современных цифровых технологий в финансовой сфере // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 4. С. 111–119.

© Муртазоева Гулноз Икромовна (ikrom.fu@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Г. Душанбе

ЦИФРОВИЗАЦИЯ: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ И ПЕРВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

DIGITALIZATION: THE ROLE AND SIGNIFICANCE FOR THE POPULATION OF REGIONS AND THE FIRST PROBLEMS OF IMPLEMENTATION IN MUNICIPAL MANAGEMENT

*E. Polyanskaya
E. Sharko*

Summary. In this article, the authors discuss issues related to the formation and development of digitalization of state municipal bodies in the subjects of the Federation. The role and importance of popularization of public services for the population through information and communication technologies is proved. The authors performed a retrospective analysis of the dynamics of development and use of municipal information portals in order to obtain services or request open official information. The level of satisfaction with municipal services received in this way in various regions of the country is also given. The result of the study is an assessment of digital inequality in Russia and shows that at the moment the digitalization gap is regionally insignificant.

Keywords: digitalization, ICT, municipal authorities, public services, population, users, active citizen, interaction of authorities and the population.

Полянская Елена Евгеньевна

*К.э.н., доцент, с.н.с., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
el.polyanskaya@mail.ru*

Шарко Елена Романовна

*К.э.н., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ersharko@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье авторы раскрывают вопросы, связанные с формированием и развитием цифровизации государственных муниципальных органов в субъектах федерации. Доказана роль и значение в популяризации государственных услуг для населения посредством информационно-коммуникационных технологий. Авторы выполнили ретроспективный анализ динамики освоения и использования информационных муниципальных порталов с целью получения услуг или запроса открытой официальной информации. Также приводится степень удовлетворенности полученных таким образом муниципальных услуг в различных регионах страны. Результатом исследования служит оценка цифрового неравенства в России и показано, что на сегодняшний момент разрыв цифровизации регионально незначителен.

Ключевые слова: цифровизация, ИКТ, муниципальные органы, государственные услуги, население, пользователи, активный гражданин, взаимодействие органов власти и населения.

«Цифровизацию» стоит рассматривать как инструмент, а не как самоцель. При системном государственном подходе «цифровые» технологии будут значительно стимулировать развитие открытого информационного общества как одного из существенных факторов развития демократии в России, повышение производительности, экономического роста, создание рабочих мест, а также повышение качества жизни граждан Российской Федерации.

«Цифровизация» России нуждается в новых формах солидарности, партнерства и сотрудничества. На основании проанализированных документов по созданию «цифровых» пространств в Европе и мире ниже сформулированы основные принципы цифровизации, которые должны, прежде всего, воплощаться на государственном уровне в виде диджитализации всех форм государственного и муниципального управления.

Соблюдение этих принципов будет определяющим для создания, реализации и использования преимуществ, которые предоставляют «цифровые технологии». Создание идей, ИТ-продуктов, программного кода, цифровых услуг — это примеры использования интеллекта, создающего продукты с высокой добавленной стоимостью, другими словами, это примеры капитализации знаний, то есть проявление «экономики знаний», а не экономики природных ресурсов.

Ключевой принцип успешной политики в этой сфере — это не регулирование или формальное отношение, а попечительство с целью развить, приумножить и использовать возможности и наработки ИКТ-компаний (локальных и международных) для конкурентоспособности и эффективности всех других компаний, то есть компаний из других секторов экономики.

Структура рынка ИКТ очень дифференцирована. Это десятки видов деятельности, каждая из которых способна капитализироваться и «жить» отдельно от других (генерация идеи, дизайн, создание продуктов и услуг, тестирование, интеграция, телеком-провайдеры и т. д.). Каждый вид деятельности имеет свою специфику, проблемы, рынки. Таким образом, модели для поддержки, развития и стимулирования различны по своей сути. И так, «цифровизация» России — это вопрос развития внутреннего рынка потребления продукции и услуг сферы ИКТ. Нет рынка — нет «цифровизации», нет «цифровизации» — нет эффективной и конкурентоспособной экономики.

Россия — огромная страна, и говорить о дифференциальном развитии ее всех федеральных округов не приходится — это очевидно, в результате чего возникает, кроме экономического и социального, еще и цифровое неравенство. Курс на полный переход к цифровым технологиям во всех отраслях экономики может быть осуществлен по двум сценариям.

Базовый сценарий предполагает инерционное продолжение тенденций восприятия инновационной экономики, развития человеческого капитала, цифровизации экономики как неприоритетных, что будет в дальнейшем приводить к трудовой миграции и оттоку «мозгов», неэффективной экономики, низкой конкурентоспособности, а государство, которое если и будет осуществлять стандартные и формальные шаги, то для ощутимого роста их будет недостаточно. Этот сценарий будет иметь лишь незначительное влияние на модернизацию экономики, развитие рынка инноваций, инновационного предпринимательства, и общего состояния «цифровизации» страны.

Форсированный сценарий предусматривает устранение законодательных, институциональных, фискально-налоговых, валютно-денежных барьеров, препятствующих развитию инновационной экономики «цифровизации», принятие мощных мер по стимуляции «цифровизации» секторов экономики и бизнеса, инициация государством масштабных трансформационных инициатив и проектов «цифровизации» в т.ч. на базе современных моделей государственно-частного партнерства.

Главной мотивацией государства пойти по форсированному сценарию развития должна стать способность «цифровых» технологий влиять на производительность и эффективность экономики и бизнеса. Отрасли, что их используют, растут в 2–4 раза быстрее, чем в среднем по отраслям. Сферы жизнедеятельности (образование, медицина, транспорт и т.д.), которые модернизируются благодаря «цифровым» технологиям, становятся намно-

го эффективнее и создают новую ценность и качество, которые очень часто приводят к полной трансформации старой системы [13].

Многое уже сделано: сегодня во многих регионах есть федеральные порталы и сайты, которые позволяют получать государственные услуги высокого качества, общедоступную официальную информацию и даже посредством обратной связи влиять на развитие и совершенствование этих электронных систем. Хорошо организованное взаимодействие органов муниципальной и региональной власти с населением является важнейшим фактором привлечения граждан к решению вопросов местного значения, их активного участия в решении проблем на местах, учету мнений жителей, их инициатив и предложений. Такое взаимодействие необходимо обеим сторонам, так как позволяет органам местного самоуправления строить свою работу исходя из реальных проблем, которые волнуют население, выявлять и ранжировать приоритеты решения стоящих задач и проблем развития территории в целом, расширять объем и качество оказываемых услуг в соответствии с потребностями граждан и др. Население при таком взаимодействии получает информацию о деятельности местных органов и имеющихся проблемах, о планах властей, о предоставляемых услугах и пр. Кроме того, граждане получают возможность находиться в режиме диалога с властью и доносить до нее свои проблемы, участвовать в решении задач территории совместно с органами власти.

Взаимодействие власти и граждан осуществляется путем открытого обсуждения важных и актуальных проблем, информирования граждан о принятых решениях, участия граждан в выработке решений, проведения экспертной оценки принимаемых решений, анализ и совместное обсуждение последствий принимаемых решений, выявление отношения граждан к принятым решениям, публикации отчетов органов власти о работе и реализованных планах и др.

Сотрудничество органов власти и населения реализуется через прямые и обратные коммуникационные связи. Целевые установки, задачи и информирование граждан составляют содержание прямых связей, а оформленная реакция населения на разрабатываемую и проводимую политику, действия или бездействие властей поступает через обратные связи.

При непосредственном взаимодействии власти и населения происходит реальная оценка власти гражданами. Впечатление, которое остается у граждан от общения со служащим о знании им тех или иных вопросов, его личностных качествах, готовности оказать содействие и помощь в решении вопроса и др., что в совокупно-

сти свидетельствует об уровне компетенции работника и в конечном итоге, влияет на формирование положительного (или отрицательного) образа власти и повышает уровень доверия к ней.

Взаимодействие граждан с органами власти невозможно без доверия к органам управления и их должностным лицам. Доверие к власти во многом определяется открытостью ее при осуществлении ее деятельности и решении вопросов, затрагивающих интересы граждан. Между тем, открытость органов власти и региональной, и местной присутствует в их деятельности далеко не всегда. В частности, решение многих вопросов в регионах и в муниципальных образованиях связано с привлечением финансовых ресурсов, в частности, бюджетных средств, которых, как правило «на все» не хватает. Однако, население не всегда доверяет этому, так как не имеет доступа к соответствующей информации. Возникают конфликты, для устранения которых необходимо проводить открытую политику, постоянно взаимодействовать с населением, расширять, используя современные ИКТ, возможности для получения достоверной информации гражданами.

Однако в настоящее время еще не все регионы построили действенную и эффективную систему открытости. Научно-исследовательский финансовый институт (НИФИ)¹ на протяжении ряда лет проводит оценку уровня открытости бюджетных данных субъектов РФ

Результаты оценки уровня открытости бюджетных данных субъектов Российской Федерации по разделу Первоначально утвержденный бюджет за 2019 год [6] показали, что наибольшее число баллов набрали 37 регионов (из 85), которые вошли:

- ◆ в группу А: очень высокий уровень открытости бюджетных данных группу. Из них максимальный балл получили 12 регионов — Белгородская область, Вологодская область, Мурманская область, Республика Адыгея (Адыгея), Республика Крым, Астраханская область, Ростовская область, Республика Башкортостан, Оренбургская область, Саратовская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Алтай;
- ◆ в группу В: высокий уровень открытости бюджетных данных вошли 22 региона, из которых наилучшие результаты у Ярославской, Архангельской и Псковской областей;
- ◆ в группу С: средний уровень открытости бюджетных данных 23 субъекта РФ. Наилучшие результаты здесь у Новгородской области и Приморского

края. Обе столицы заняли места во второй половине списка из 85 регионов: Санкт-Петербург — на 55 месте, Москва — на 71;

- ◆ в группа D: низкий уровень открытости представлена четырьмя регионами: Пермский край, Кировская область, Республика Тыва, Томская область;
- ◆ в группу E: очень низкий уровень открытости бюджетных данных вошла одна — Орловская область.

Для повышения уровня открытости бюджета в регионах разрабатываются Бюджеты для граждан, которые содержат информацию о проекте бюджета (утвержденном бюджете), внесении изменений, годовом отчете об исполнении бюджета и др., отражающую основные положения в форме, понятной и доступной для большей части населения. Бюджеты для граждан повышают доверие населения к власти и способствуют усилению взаимодействия власти и граждан при решении социально-экономических проблем развития территорий. Однако, разработка таких бюджетов, доведение их до населения и обеспечение обратной связи с гражданами в ходе обсуждений требует, учитывая большие объемы информации, использования соответствующих современных цифровых технологий.

Как показывает практика, в настоящее время механизмы взаимодействия власти и граждан до конца не отрегулированы. Нередки случаи, когда у граждан и их объединений при взаимодействии с местными органами возникает достаточно много проблем.

В ряде случаев непонимание, разногласия и даже конфликты между гражданами и работниками органов власти происходят из-за отсутствия у последних не только необходимых профессиональных знаний, но и навыков работы с населением, включающих умение устанавливать контакт с населением, объяснять свои решения, слышать запросы различных социальных групп, учитывать их мнения и предложения. Нередко работники местных органов управления не расположены к взаимодействию с гражданами, так как считают, что инициативы не всегда целесообразны, а граждане, в большинстве своем, не готовы к их реализации и активному участию в решении местных проблем, что рассмотрение предложений граждан и учет их интересов не повышает эффективности работы, а попросту, отвлекает от решения действительно важных проблем.

Однако, нельзя не отметить, что в последнее годы и региональные власти, и органы местного самоуправления постепенно меняют свое отношение к участию граждан в самоуправлении, к взаимодействию с ними. При этом во многих случаях именно органы власти, об-

¹ НИФИ — Федеральное государственное бюджетное учреждение «Научно-исследовательский финансовый институт» Министерства финансов Российской Федерации

ладая необходимыми полномочиями и определенными ресурсами для решения социально-экономических проблем территории, становятся центром взаимодействия местного сообщества. Во многом это объясняется имеющимися примерами положительных результатов, достигаемыми в ходе такого взаимодействия.

Определенные проблемы при взаимодействии граждан с органами власти связаны с разнородностью состава жителей, с различиями в их социальном и материальном положении, с разными запросами и возможностями. Это, в свою очередь, приводит к тому, что разные группы населения по-разному оценивают ту или иную проблему, важность и очередность ее решения, возможность своего участия и др.

Также следует отметить, что разные группы населения не только неодинаково относятся к предполагаемым или проводимым изменениям, но и по-разному проявляют себя при обсуждении вопросов, касающихся нововведений. Практика показывает, что большую активность демонстрируют противники предлагаемых изменений, организуя инициативные группы, устраивая обсуждения, проводя коллективные действия и акции. В то же время сторонники изменений выражают свою позицию слабо и весьма пассивно, вследствие чего она часто не получает четкого выражения и остается незамеченной властями. В результате этого «главными» переговорщиками, взаимодействующими с органами власти со стороны населения, становятся именно противники нововведений.

Власти должны быть заинтересованы в увеличении числа граждан, а также различных групп населения, участвующих в обсуждении предполагаемых к осуществлению проектов, в организации, по существу, общественной экспертизы этих проектов, что, в конечном итоге, позволит достичь наибольшей эффективности при их реализации. Это возможно лишь при обеспечении соответствующей обратной связи власти с населением, которая позволит в полной мере задействовать весь потенциал заинтересованных сторон и отдельных граждан и групп населения.

Именно проблема обратной связи при организации взаимодействия органов власти и граждан выходит в последнее время на одно из первых мест. Федеральным законом [11] определен целый ряд механизмов, обеспечивающих обратную связь, таких как публичные слушания, местные референдумы, опросы и др., используя которые органы власти могут получить от граждан информацию, необходимую в дальнейшей работе о наличии и необходимости решения тех или иных проблем, об оценке работы органов власти и пр., а также задействовать, на основе полученной информации, инициативы граждан.

Говоря о взаимодействии органов власти и населения, мы имеем в виду, как правило, информационное взаимодействие. Это связано, в первую очередь с тем, что в современном обществе информация является важнейшим ресурсом, а развитые информационно-коммуникационные технологии — одним из инструментов повышения эффективности государственного и муниципального управления. Поэтому так важно решение вопросов, связанных с организацией информационно-коммуникационных связей между властью и обществом.

Одним из направлений, обеспечивающим качественно новый уровень организации такого взаимодействия является широкое использование современных информационно-коммуникационных технологий. Внедрение ИКТ в институты власти — одна из главных тенденций современного развития.

Продвижение ИКТ в регионах и муниципальных образованиях требует, в свою очередь, формирования соответствующей инфраструктуры, которая позволит использовать новые возможности цифровых технологий органами власти и населением. Создание информационной инфраструктуры и развитие современных информационно-коммуникационных технологий общества предоставляет принципиально новые возможности для совершенствования системы взаимодействия органов власти и населения.

Внедрение и распространение цифровых технологий расширяет и предоставляет новые возможности и преимущества, как для населения, так и для органов управления.

Для граждан это:

- ◆ снижение в большинстве случаев необходимость в непосредственных контактах с чиновниками при решении тех или иных проблем;
- ◆ повышения качества и доступности предоставляемых услуг населению;
- ◆ сокращение времени получения государственных и муниципальных услуг;
- ◆ доступ к получению актуальной информации по широкому кругу вопросов, затрагивающих интересы граждан;
- ◆ возможность участия в широком обсуждении различных законопроектов, других правовых актов при их подготовке и выработке решений;
- ◆ участие в процессах управления, в доведении до властей общественного мнения;
- ◆ получение достоверной и качественной информации о деятельности органов управления;
- ◆ повышение уровня прозрачности власти и др.

Для органов власти это:

- ◆ расширение доступа к различной информации, получаемой как от различных властных структур, организаций, так и от граждан;
- ◆ возможность быстро доносить необходимую информацию до населения;
- ◆ организация обратной связи с гражданами и различными организациями;
- ◆ быстрота обработки, систематизации и анализа больших объемов информации;
- ◆ устранение необходимости осуществлять управляющее воздействие по длинным цепочкам, состоящим из чиновников;
- ◆ уменьшение, как числа самих чиновников, так и расходов на их содержание;
- ◆ снижение зависимости служащих от вышестоящих должностных лиц;
- ◆ сведение к минимуму возможности для злоупотреблений со стороны должностных лиц, которые могут возникать при личных контактах с гражданами, при решении тех или иных проблем;
- ◆ повышение качества и доступности предоставляемых услуг населению и организациям, повышения результативности, качества и прозрачности работы государственного аппарата;
- ◆ снижение уровня коррупции;
- ◆ повышение доверия к власти со стороны населения и др.

В настоящее время во многих субъектах РФ региональными и местными органами власти проводится определенная работа по организации такой «обратной связи», по вовлечению граждан в процессы местного самоуправления: реализуются проекты поддержки местных инициатив, выдвигаемых гражданами, «народный бюджет», когда жители участвуют в выборе конкретных направлений использования денежных средств и др. Ведется и по внедрению в эти процессы новых цифровых технологий, по использованию ИКТ при организации взаимодействия органов власти с населением. Одновременно реализуются масштабные программы и проекты по созданию государственных информационных систем, обеспечивающих автоматизацию процедур сбора, обработки и хранения сведений, необходимых для выполнения органами государственной власти основных функций.

Субъекты РФ разработали концепции информатизации регионов. В органах региональной власти субъектов России созданы специальные подразделения (Департаменты), занимающиеся вопросами информационных технологий и цифрового развития, отделы информационных систем и электронного правительства, действуют порталы государственных услуг, информационные системы государственных и муниципальных платежей и др. В регионах разрабатываются соответствующие

нормативные акты по внедрению информационно-коммуникационных технологий, как на уровне субъектов РФ, так и на муниципальном уровне.

Работа эта проводится на основе принятых в последние годы в стране документов, таких как: Государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)» [7], «Цифровая экономика Российской Федерации» [4], Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации Концепции региональной информатизации [5] и Доктрина информационной безопасности РФ [8]; приняты ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9] и «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [10] и др.

На уровне муниципальных образований, работа по внедрению ИКТ, направлена в первую очередь, на создание систем информационного обслуживания при оказании услуг населению. Об этом свидетельствует и отчетность муниципальных органов перед региональными по внедрению и развитию ИКТ, где используются такие показатели, как общее количество заявлений на получение муниципальных услуг с ЕПГУ (Единого портала государственных услуг), количество заявлений с ЕПГУ по услуге «Запись на прием к врачу», количество заявлений с ЕПГУ по услуге «Электронный дневник», количество заявлений с ЕПГУ по услуге «Запись актов гражданского состояния», количество заявлений с ЕПГУ по услугам в сфере строительства, доля заявлений поданных через мобильное приложение Госуслуги, количество граждан (старше 14 лет), прошедших процедуру подтверждения личности, количество межведомственных запросов, доля документов, отправленных в электронной форме от общего числа исходящих документов и др.

Говоря об использовании цифровых технологий при взаимодействии органов власти и населения, нельзя не сказать об опыте города Москвы по эффективной и успешной организации обратной связи и такого взаимодействия, связанном с реализацией московского проекта «Активный гражданин». Данный проект был разработан в 2014 году по инициативе Правительства Москвы. Цель проекта — выявления мнений и оценок граждан по различным вопросам, требующим решения путем проведения открытых голосований, опросов, референдумов. По количеству активных пользователей и объему вопросов, выносимых на обсуждение, проект является уникальным в мире и отмечен несколькими престижными наградами, в том числе Smart Cities Awards-2015.

Каждую неделю по поручению мэра, департаментов, префектур и управ районов жителям предлагают

Таблица 1. Взаимодействие населения с органами государственной власти и органами местного самоуправления для получения услуг

Взаимодействовали (% от общей численности населения)	2015	2016	2017	2018	2019*	Темп роста 17/15	Темп роста 19/18	Темп роста 19/15
Всего	46,4	56,1	65,7	67,2	76,8	142%	114%	166%
через Интернет с использованием официальных сайтов и порталов государственных и муниципальных услуг)	18,3	26,8	32,1	45,1	57,05	175%	126%	312%
В многофункциональных центрах государственных и муниципальных услуг (МФЦ)	7,1	10,8	13,7	15,3	16,2	193%	106%	228%
путем личного посещения	21,1	22,5	24	16	18	114%	113%	85%
Не взаимодействовали	53,5	39,9	30,2	23,6	8,75	56%	37%	16%

* — прогнозное значение

Источник: составлено авторами на основе [10]

Таблица 2. Доля населения, взаимодействующего с органами государственной власти и местного самоуправления для получения услуг (% от общей численности населения)

Субъект	Доля взаимодействующих граждан							
	Всего		Лично		Через Интернет		Через МФЦ	
	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017
Российская Федерация	56,1	65,7	22,5	24,0	28,8	42,3	11,8	18,9
Федеральные округа:								
Центральный	55,0	69,7	18,3	22,0	31,0	49,7	12,6	22,2
Северо-Западный	42,5	57,0	18,9	21,2	18,6	32,0	7,4	17,4
Южный	65,6	68,1	23,8	20,7	23,8	43,8	24,5	29,1
Северо-Кавказский	49,0	54,9	15,5	15,7	22,3	29,1	15,7	21,5
Приволжский	64,5	69,9	27,9	25,9	35,7	47,0	8,0	14,4
Уральский	71,0	77,2	32,7	35,7	37,7	45,5	14,3	20,3
Сибирский	45,7	59,0	23,5	27,5	18,6	35,2	6,4	11,3
Дальневосточный	42,4	48,3	16,2	21,3	20,3	27,3	8,9	12,3

Источник: составлено авторами на основе [10]

ся на обсуждение важные для города вопросы. Проект имеет официальный сайт «Активный гражданин».

Граждане, участвующие в опросах и голосованиях могут следить за ходом голосований и контролировать итоговые показатели, проверять правильность фиксации и учета, отданного ими голоса, отслеживать в онлайн режиме общую картину и динамику результатов, что позволяет им убедиться в открытости и достоверности всего голосования [2].

Принять участие в голосовании могут все, кто проживает в Москве, вне зависимости от наличия прописки. За участие в голосовании начисляются баллы. Набравшим 1000 баллов пользователям присваивается статус «Активный гражданин» и возможность обменивать баллы на городские услуги, такие, например, как парковочные часы, посещение театров и музеев и др.

Следует отметить, что итоги опросов напрямую влияют на дальнейшие решения властей и их действия.

Таблица 3. Цели использования Интернета при взаимодействии граждан с органами власти для получения государственных и муниципальных услуг (% от общей численности населения)

Государственные услуги и запросы	2015	2016	2017	2018	2019*
Получение информации через официальные сайты и порталы государственных и муниципальных услуг	65,8	66,8	69,3	72,4	74,2
Запись на прием к должностным лицам через сеть Интернет	44,7	50,6	57,5	59,2	65,6
Платежи (пошлины, налоги, штрафы)	30	35,9	40,2	42,8	47,9
Скачивание типовых форм для заполнения	26,6	27	30,8	34,5	36,6
Отправление документов в государственные и муниципальные органы и организации в электронном виде	26,5	24,2	28,6	32,1	33,15
Получение на портале государственных и муниципальных услуг результатов предоставления услуг в электронном виде, включая получение в личный кабинет	16,2	19,3	21,4	25,7	28,3
Получение уведомлений с порталов услуг на электронную почту и в SMS-сообщении	10,1	15	17,3	18,2	21,8

* — прогнозное значение

Источник: составлено авторами на основе [10]

Таблица 4. Оценка населением качества государственных и муниципальных услуг, получаемых через Интернет

Субъект	удовлетворенность качеством услуг (% от общей численности населения, получающего услуги через Интернет)					
	полностью		частично		Не удовлетворены	
	2016	2017	2016	2017	2016	2017
Российская Федерация	66,1	70,5	32,4	28,4	1,4	1,1
Федеральные округа:						
Центральный	68,0	71,1	30,7	27,3	1,3	1,6
Северо-Западный	67,6	64,3	31,4	34,7	1,0	1,0
Южный	60,9	73,9	37,2	25,3	1,8	0,8
Северо-Кавказский	60,1	64,7	36,0	34,2	3,9	1,1
Приволжский	68,1	72,5	30,9	26,9	1,1	0,7
Уральский	65,2	66,8	33,9	32,4	0,9	0,9
Сибирский	69,6	72,7	28,9	26,2	1,5	1,1
Дальневосточный	54,2	63,6	43,3	34,9	2,5	1,4

Источник: составлено авторами на основе [10]

Результаты передаются в профильные ведомства для принятия соответствующих приказов и постановлений. Сформировалось несколько групп тем, среди которых «законопроекты по различным проблемам», «благоустройство», «социальная защита», «образование» и др.

Непосредственное реагирование власти на мнение граждан является одной из главных причин того, что данный проект пользуется популярностью и доверием у жителей города. Каждую неделю к portalу присоединяется несколько тысяч пользователей. К настоящему

времени в проекте участвуют уже почти два миллиона жителей, проведено более 2600 голосований и принято почти 80 миллионов мнений граждан, по результатам опросов и голосований выполнено более 1600 решений по различным вопросам [9].

Реализация данного проекта была бы невозможна без использования новых современных цифровых информационно-коммуникационных технологий, позволяющих обрабатывать большие объемы информации и использовать данные результатов анализа с существенно большей эффективностью по сравнению с тра-

диционными формами хозяйствования. Однако, здесь нельзя не сказать о том, что Москва обладает существенными преимуществами как в плане обеспечения необходимой техникой, программным обеспечением, так и квалифицированными кадрами, которые могут работать в новых условиях внедрения цифровой экономики.

Далее мы рассмотрим использование информационно-коммуникационных технологий при взаимодействии населения с органами власти. Как показывает практика, доля населения, взаимодействующего с органами власти, для получения услуг, в последние 5 лет растет. Так, в целом с 2015 г. по 2019 г. она выросла более, чем на 66% (см. таблицу 1). Взаимодействие осуществляется как посредством личных встреч, личного общения, так и с использованием современных информационно-коммуникационных технологий.

В наибольшей степени растет число граждан, взаимодействующих через Интернет, то есть самостоятельно и через многофункциональные центры (МФЦ), которые созданы органами власти для предоставления гражданам государственных и муниципальных услуг с использованием (ИКТ).

В таблице 2 представлены данные по взаимодействию граждан с органами власти в Федеральных округах (ФО) РФ.

Из таблицы видно, что доля взаимодействующих с органами власти граждан растет во всех ФО.

Больше всего для получения государственных и муниципальных услуг граждане используют сеть Интернет. Число лиц пользующихся Интернетом для получения услуг растет, как в целом, так и в городской местности и в сельской местности. Однако, в городах таких пользователей больше, чем на селе.

Граждане при взаимодействии с государственными и муниципальными органами власти используют Интернет для получения информации, для записи на прием к должностным лицам, получение услуг и для других целей (см. таблицу 3).

Мы видим, что по всем направлениям отмечается рост, что свидетельствует, с одной стороны о потребности во взаимодействии, а, с другой — о новых возможностях для граждан, предоставляемых новыми ИКТ.

Следует отметить, что подавляющее большинство граждан полностью или частично удовлетворены качеством услуг, которые они имеют возможность получить через сеть Интернет (см. таблицу 4).

Данные таблицы, свидетельствующие о степени удовлетворенности граждан качеством получаемых услуг, подтверждают, что использование современных технологий дает позитивный результат для граждан и способствует более активному вовлечению граждан в процессы взаимодействия через получение таких услуг и, в то же время, существенно облегчает деятельность органов власти, которые при предоставлении услуг также пользуются ИКТ и за счет чего могут в быстром режиме оказывать услуги.

Кроме того, мы видим, что разброс данных, как в целом по РФ, так и по отдельным Федеральным округам весьма невелик. «Цифровой разрыв» наряду с материальным измерением имеет также интеллектуальное и социальное измерения, что означает недостаточное применение фундаментальных компетенций и знаний для пользования новейшими информационными технологиями и эксплуатации их содержимого, а также недостаточные социальные ресурсы для получения достойной позиции в «цифровом мире». Доступ к культуре, туризму, охране здоровья, трудоустройству происходит все больше и больше с использованием сетевых услуг. Быть лишенным компьютера или доступа к сети Интернет — это потерять не только время, но и деньги. Социальные ресурсы позволяют конструировать автономное применение новейших информационных технологий, как в частном, так и в социальной и профессиональной жизни. Важным является подход, который рассматривает динамический характер этого феномена и характеризует «цифровое неравенство» скорее как социальный процесс, чем как стационарное состояние общества [12]. Динамичный характер этого явления является важным, поскольку он позволяет тщательно исследовать распространенную идею, согласно которой существует четкое и стабильное разграничение между теми, кто имеет материальный и интеллектуальный доступ к «цифровому миру» через новейшие информационные технологии, и теми, кто его не имеет. Разделяют «цифровой разрыв», обусловленный, с одной стороны, неравными возможностями доступа к сети Интернет и новейших информационных технологий — «цифровой разрыв первого уровня», а с другой — неравностями, которые развиваются у пользователей сети Интернет, которые уже имеют доступ к сети Интернет — «цифровой разрыв второго уровня». В России исследования показали, что работа по внедрению ИКТ идет достаточно равномерно на различных территориях страны и граждане получают услуги примерно одного качества.

Говоря об использовании цифровых технологий, в частности, сети Интернет и населением и органами власти, необходимо отметить, что в последние годы в стране наблюдается рост числа персональных компьютеров (ПК), подключений к Интернету, как в домашних хозяйствах, так и в организациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационное общество в Российской Федерации. 2018: статистический сборник / М. А. Сабельникова, Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, О. Ю. Дудорова и др.; Росстат; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст дан. (9 Мб). М.: НИУ ВШЭ, 2018.
2. Полянская Е. Е. Использование цифровых технологий в организации взаимодействия органов власти и населения // Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в региональном и муниципальном управлении: коллективная монография / Под ред. В. К. Ковальчука, А. П. Сысоева, А. И. Усова, М. С. Халикова. 270 с. С. 116–138.
3. Портал «Активный гражданин. URL: <https://ag.mos.ru/home> (дата обращения 15.04.2020).
4. Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» от 15.04.2014 N313 (ред. от 31.03.2020) // Нормативно-правовая справочная система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184 (дата обращения 02.04.2020).
5. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции региональной информатизации» от 29.12.2014 N2769-р (ред. от 18.10.2018) // Нормативно-правовая справочная система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173678 (дата обращения 02.04.2020).
6. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню открытости бюджетных данных за 2019 год // НИФИ. URL: <https://nifi.ru/ru/rating> (дата обращения 12.04.2020).
7. Указ Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 09.05.2017 N203 // Нормативно-правовая справочная система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363 (дата обращения 02.04.2020).
8. Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 05.12.2016 N646 // Нормативно-правовая справочная система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191 (дата обращения 02.04.2020).
9. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N149-ФЗ (последняя редакция) // Нормативно-правовая справочная система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (дата обращения 02.04.2020).
10. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 N8-ФЗ (последняя редакция) // Нормативно-правовая справочная система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602 (дата обращения 02.04.2020).
11. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N131-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Нормативно-правовая справочная система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571 (дата обращения 02.04.2020).
12. Шарко Е. Р., Савельев И. И. Применение цифровых технологий при формировании стратегии отечественных компаний // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2019. Т. 11. № 2 (32). С. 107–121.
13. Шерешева М. Ю., Савельев И. И., Шарко Е. Р. Роль цифровых технологий в эффективном формировании взаимоотношений муниципальной власти с местными сообществами // Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в региональном и муниципальном управлении: коллективная монография / Под ред. В. К. Ковальчука, А. П. Сысоева, А. И. Усова, М. С. Халикова. 270 с., С. 65–72.

© Полянская Елена Евгеньевна (el.polyanskaya@mail.ru), Шарко Елена Романовна (ersharko@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНТРАКТЫ НА ОКАЗАНИЕ УСЛУГ ПО ОТЛОВУ И СОДЕРЖАНИЮ БЕЗНАДЗОРНЫХ ЖИВОТНЫХ В ГОРОДАХ РФ: РАСХОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

CONTRACTS FOR THE PROVISION OF SERVICES FOR TRAPPING AND KEEPING STRAY ANIMALS IN CITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: COSTS AND RESULTS

I. Rusakova

Summary. The relevance of the problem of the presence of stray animals in urban areas is confirmed by publications in the media and federal legislation, and is discussed at meetings of the municipal and regional levels. As experience and statistics show, measures to regulate the number of street animals, financed mainly from the state budget, do not lead to a solution to the problem. The article analyzes the contracts for the provision of services for trapping and keeping stray animals in a number of Russian cities, draws conclusions about the degree of effectiveness and justification of the costs of the measures taken, and the reasons for the unsatisfactory results.

Keywords: number of stray animals, procurement, trapping and keeping, procurement documentation.

Русакова Инна Викторовна

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
rusakova_i@mail.ru

Аннотация. Актуальность проблемы наличия безнадзорных животных на территориях городов подтверждается публикациями в средствах массовой информации и федеральным законодательством, обсуждается на совещаниях муниципального и регионального уровня. Как показывает опыт и статистические данные, мероприятия по регулированию численности безнадзорных животных, финансируемые в основном из государственного бюджета, не приводят к решению проблемы. В статье анализируются контракты на оказание услуг по отлову и содержанию безнадзорных животных в ряде российских городов, делаются выводы о степени обоснованности и результативности расходов на проводимые мероприятия, и о причинах неудовлетворительных результатов.

Ключевые слова: численность безнадзорных животных, закупки, отлов и содержание, закупочная документация.

Введение

Проблема наличия бродячих (безнадзорных) животных, в частности, собак, в городской среде — одна из тех, решить которые в полной мере не удастся в течение долгого времени. Среди причин на одном из первых мест стоит отсутствие точной и регулярно обновляемой информации о фактической численности бродячих животных на территории городов. Это приводит в одних случаях к недостаточному финансированию мероприятий по регулированию численности безнадзорных животных, в других, — к необоснованным расходам на упомянутые мероприятия. Проблема учета численности бродячих животных регулярно поднимается в средствах массовой информации [4–8] и в научных работах [см., например, 1, 2, 3]. С 1 января 2020 г. вступил в силу принятый в 2018 году закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 N498-ФЗ, устанавливающий дополнительные требования к поставщикам. Анализ содержания нескольких десятков контрактов за 2017 год показал, что

одна из причин неисполнения — несоответствие поставщиков установленным требованиям. Время покажет, как изменится ситуация в сфере закупок услуг по регулированию численности безнадзорных животных в соответствии с принятым законом и усложнением условий. Подготовка к проведению мероприятий с учетом положений закона, направленного на гуманное регулирование численности безнадзорных животных, требует знания количества бродячих животных в конкретном населенном пункте. Иначе невозможно спланировать требуемое количество мест в приютах, ветеринарных препаратов и оборудования. В данной статье проводятся сопоставления имеющихся результатов подсчета бродячих животных в российских городах с численностью, заявленной к отлову, и суммами бюджетных ассигнований, выделенных на мероприятия по регулированию их численности.

Теория

Объект исследования — тендерная документация на мероприятия по отлову и содержанию безнадзорных

Таблица 1. Сведения о количестве безнадзорных животных, заявленном к отлову, и суммах, выделенных на отлов, стерилизацию и содержание, РФ, 2017

№ п/п	Город	Число безнадзорных животных, заявленное к отлову, гол.	Сумма контракта, руб.
1.	Барнаул	1118	1959309
2.	Благовещенск	120	197136
3.	Брянск	668	438923
4.	Великий Новгород	282	2276101
5.	Владимир	1032	6561115
6.	Воронеж	93	524021
7.	Иваново	277	1537730
8.	Ижевск	2710	2168000
9.	Иркутск	1943	4841375
10.	Калуга	340	1605451
11.	Кемерово	452	1730641
12.	Киров	1889	3013200
13.	Красноярск	1083	3991778
14.	Курган	146	367584
15.	Липецк	176	3558926
16.	Нижний Новгород	4678	14580117
17.	Орел	228	747213
18.	Оренбург	57	178647
19.	Пенза	242	540120
20.	Ростов-на Дону	799	1549524
21.	Салехард	68	320300
22.	Сыктывкар	332	2611207
23.	Тверь	227	678606
24.	Тольятти	801	2002500
25.	Ульяновск	1831	1108300
26.	Уфа	11352	12 035 469
27.	Хабаровск	2656	3541965
28.	Якутск	600	356000
29.	Ярославль	1089	2992730
	ИТОГО	37289	78013988

Составлено по данным ЕИС госзакупок [9]

животных в городах Российской Федерации за 2017 г. Предмет исследования — количество отловленных животных и суммы финансирования мероприятий по отлову. Цель исследования состоит в оценке обоснованности финансирования проводимых в российских городах мероприятий по регулированию численности безнадзорных животных. Для проведения оценки по каждому отобранному городу необходимо определить соотношение численности, заявленной к отлову, и фактической численности бродячих животных на территории населенного пункта, а затем установить связь размера сумм, выделенных на финансирование мероприятий, и численности животных, выделенной к отлову. Под фактической численностью бродячих животных понимается та, которая фигурирует в отчетах официальных лиц и ссылающиеся на них средства массовой информации.

Исследование основано на данных ценовой группы городов, использовании табличного и графического методов, корреляционно-регрессионного анализа.

Данные и методы

В статье использованы данные по заключенным контрактам в 2017 году в городах Российской Федерации на услуги по отлову и содержанию безнадзорных (бродячих, бездомных) животных. В выборку включены преимущественно административные центры, поскольку исследуется именно городская ситуация, которая существенно отличается от сельской, как в содержании домашних животных, так и в регулировании численности бездомных животных. Тендерная документация для анализа бралась с официального сайта государствен-

Таблица 2.

№ п/п	Город	Сумма на мероприятия по регулированию численности безнадзорных животных, руб.	Отлов, гол.	Официальная численность безнадзорных животных, гол.	Процент отлова от официальной численности	Сумма, выделенная на отлов 1 головы, руб
1	Благовещенск	197136	120	1300	9,23	1642,80
2	Владимир	6561115	1032	500	206,40	6357,67
3	Воронеж	524021	93	3500	2,66	5634,63
4	Иркутск	4841375	1943	700	277,57	2491,70
5	Кемерово	1730641	452	500	90,40	3828,85
6	Красноярск	3991778	1083	15000	7,22	3685,85
7	Магадан	3558926	176	1700	10,35	20221,17
8	Нижний Новгород	14580117	4678	4700	99,53	3116,74
9	Ростов-на Дону	1549524	799	4500	17,76	1939,33
10	Салехард	320300	68	500	13,60	4710,29
11	Тольятти	2002500	801	3500	22,89	2500,00
12	Хабаровск	3541965	2656	3000	88,53	1333,57
	ИТОГО	43399398	13901	39400		

Данные о численности безнадзорных животных, количестве их, запланированном к отлову, и суммах, выделенных на мероприятия по регулированию численности безнадзорных животных. РФ, 2017 г. Составлено по данным СМИ и ЕИС госзакупок [4–16].

ных закупок за 2017 год [9]. Поиск закупок проведен, по ключевым словам, «отлов, безнадзорных животных, город». Период 2017 г выбран по следующим причинам. В 2019 году в России проводился чемпионат мира по футболу, в связи с чем мероприятия по отлову безнадзорных животных были в 2018 году усилены, и объем их финансирования не может рассматриваться в качестве типичного. По этой же причине были отвергнуты данные 2019 года.

В найденных сведениях о закупках устанавливалось, был ли заключен контракт; в документах по заключенным контрактам выделялись сведения об исполнении. Таким образом была сформирована совокупность из 29 городов, которая составила основу для первичного анализа (табл. 1).

В число заявленных к отлову животных данные по г. Липецку включены по факту исполненных контрактов, так как в закупочной документации сказано, что предварительно количество их определить невозможно.

Для дальнейшего исследования и получения более обоснованных данных была сформирована дополнительная совокупность, в которую вошли города — преимущественно административные центры, где имелись данные о численности безнадзорных животных за 2016–2017 гг., опубликованные в открытых источниках: докладах ответственных лиц в СМИ, отчетах управлений

ветеринарии по административным округам и др. Полученная совокупность составила 12 городов (табл. 2).

Анализ

Корреляционно-регрессионный анализ совокупности из 29 городов свидетельствует о наличии связи средней тесноты. Уравнение регрессии (рис. 1) показывает, что при увеличении числа отловленных животных на одну особь расходы на отлов увеличатся в среднем на 1,19 тыс. руб. На основании значения t-статистики ($t=6,58$, выше табличного $t= 2,05$), а также критерия Фишера ($F=43,4$ больше $F_{табл} = 4,21$) при заданном уровне значимости 0,05 считаем уравнение регрессии значимым.

Расположение точек на поле корреляции свидетельствует о прямой связи между показателями. Однородность совокупности нарушают два нетипичных значения заявленной к отлову численности безнадзорных животных. Эти величины относятся к городам Нижний Новгород и Уфа — 4678 и 11352 голов, соответственно. Для выявления возможных причин выбросов рассмотрим подробнее материалы закупок этих городов.

По Нижнему Новгороду существуют официальные данные об общей численности бродячих животных, и она практически совпадает с заявленной к отлову — 4700 голов [14]. То есть администрация города организовала закупку с целью отловить и стерилизовать либо

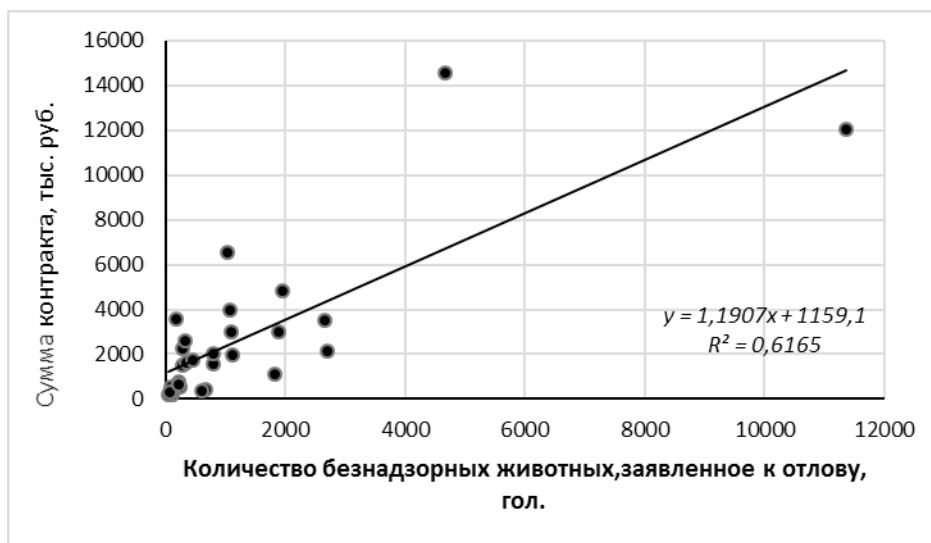


Рис. 1. Поле корреляции между количеством безнадзорных животных, заявленных к отлову, и суммами контракта на мероприятия по регулированию численности безнадзорных животных по 29 городам РФ, 2017 г.



Рис. 2. Поле корреляции между количеством безнадзорных животных, заявленных к отлову, и суммами контрактов на мероприятия по регулированию численности безнадзорных животных (27 городов, без аномальных значений), РФ, 2017 г.

подвергнуть эвтаназии абсолютно всю существующую популяцию на своей территории. Судя по актам исполнения работ, это ей удалось. Однако, сведения, содержащиеся в ЕИС госзакупок, это опровергают: на 2018 год снова был заключен контракт на отлов, хотя уже меньшего числа голов (3752 голов) на сумму 11532945 руб. [17]. Откуда взялось это количество, если на конец 2017 г., согласно акту о выполненных работах, популяция была ликвидирована? Возможные ответы: 1) неверно рассчитано общее число бродячих животных на 2017 год; 2) число к отлову на 2018 год не имеет обоснования, взято по опыту предыдущего года, без учета утраты способности популяции к самовосстановлению [1]. В любом

случае очевидно, что потраченные 14,6 млн. руб. не решили проблему.

По Уфе официальных данных о численности бродячих животных на 2017 год найти не удалось. Согласно закупочной документации, контракт заключен на отлов 8360 собак и 2992 кошек на сумму около 12 млн. руб. Однако, согласно актам выполненных работ, отловлено 3164 собаки, из которых абсолютное большинство уничтожено, и лишь 26 после содержания в пункте передержки были выпущены в среду обитания или переданы владельцам, новым или прежним. Контракт был исполнен на сумму 1 903 274 руб., то есть на сумму, примерно в 6

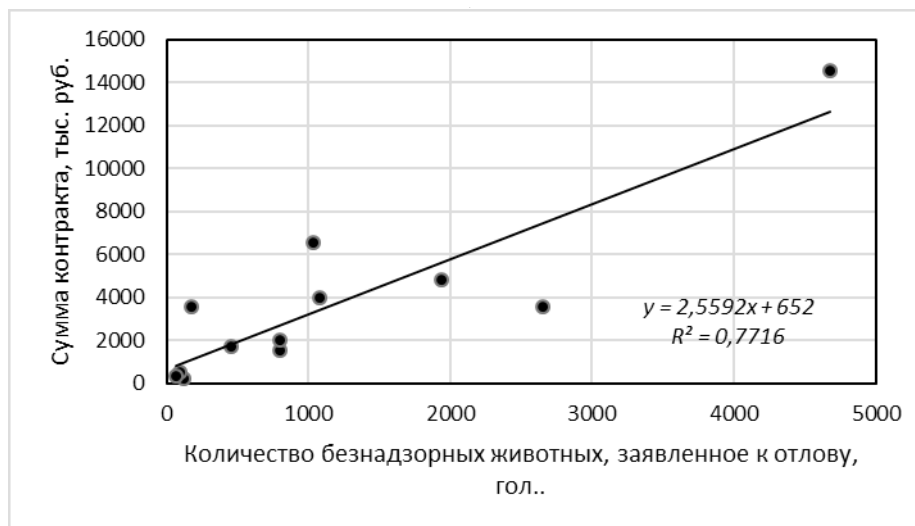


Рис. 3. Поле корреляции количества безнадзорных животных, заявленного к отлову, и суммой контракта на мероприятия по регулированию численности безнадзорных животных в 12 городах РФ с известной численностью бродячих животных за 2017 г.

раз меньшую заявленной. Исполнение было прекращено по соглашению сторон в установленный срок. Это может говорить о том, что число животных к отлову было завышено.

Обобщив результаты, можем сказать, что в обоих случаях наблюдаются признаки некорректности исходных данных о численности безнадзорных животных в городе.

Исключив Нижний Новгород и Уфу из совокупности 1, получим совокупность из 27 городов. Корреляционное поле по 27 городам представлено на рис. 2.

Несмотря на снижение тесноты связи ($R^2=0,25$), полученное уравнение остается статистически значимым ($F=8,46$ больше $F_{табл} = 4,24$) при заданном уровне значимости 0,05.

По результатам корреляционно-регрессионного анализа данных 12 городов с известной численностью безнадзорных животных (табл. 2) выявлена статистически значимая линейная связь между числом отловленных животных и суммами средств на мероприятия по регулированию их численности (рис. 3).

Довольно высокое значение R^2 (0,77) говорит о том, что выделение средств на отлов и содержание безнадзорных животных имеет примерно одинаковое во всех городах обоснование. Интерпретируя коэффициент регрессии, можно сказать, что увеличение заявленного к отлову числа количества животных на одну особь приводит к увеличению расходов на отлов в среднем

на 2,56 тыс. руб. Корреляцию можно считать тесной. На основании значения t-статистики ($t=5,81$, что больше табличного значения 1,8), а также критерия Фишера ($F=33,79$ больше $F_{табл} = 4,96$) при заданном уровне значимости 0,05 уравнение регрессии является значимым.

Дальнейший анализ совокупности не выявил корреляции между размером выделенной суммы и фактической численностью безнадзорных животных. Заявленное к отлову количество животных с фактической численностью безнадзорных животных также не коррелирует. Возникает вопрос, из чего исходят решения о выделении средств к отлову?

Рассматривая соотношение отловленных животных с общим фактическим количеством, можно заключить следующее.

Во-первых, процент отлова сильно варьирует. Вероятно, численность заявленных к отлову животных зависит скорее от выделенных средств, чем от расчетной необходимой численности отловленных безнадзорных животных. В семи из двенадцати исследуемых городов процент отлова не превышает четверти от общей численности, тогда как в двух городах, напротив, число к отлову в два раза превышает официальную численность, что указывает на некорректность официальных данных. Во-вторых, суммы на мероприятия по регулированию численности безнадзорных животных также весьма различаются. По всем административным центрам средняя величина расходов на одну голову составляет 2092 руб. Несколько выше эта сумма в совокупности, где присутствуют данные о количестве

Таблица 3. Распределение расходов в актах оказанных услуг исполненных контрактов

	Расходы на мероприятия, руб.						
	Отлов и транспортировка	Стерилизация	Содержание	ОСВ в комплексе	Отлов и эвтаназия	Эвтаназия	Утилизация
Количество городов	22	6	12	1	3	9	7
Общая сумма расходов на мероприятия	16186467	9556842	8624136	459940	221471	1512144	1522158

Составлено по данным ЕИС госзакупок [9]

бродячих животных — 3122 руб. Можно предположить, что в городах, где ведется учет численности бродячих животных, меры по ее регулированию направлены не только на отлов и уничтожение, но и на содержание животных.

На основе актов выполненных работ была сделана попытка детализации расходов с целью рассчитать долю расходов на мероприятия, направленные на сохранение жизни отловленным животным (содержание в пункте временного содержания, осмотр ветеринаром, стерилизация, биркование) и мероприятия по эвтаназии и утилизации животных. В совокупность включены 23 города, в контрактах которых определены суммы на различные виды услуг. Расчет показал, что расходы на мероприятия по сохранению жизни животным составляют около 7,33 млн. руб., то есть 30 процентов от общей суммы исполненных контрактов. Однако следует учесть, что большинство актов приемки-сдачи услуг в закупочной документации не содержат расшифровки расходов. В подавляющем большинстве актов указано «отлов и транспортировка», без уточнения. Суммы на отлов и транспортировку одной особи колеблются от 160 до 700 руб. Создается впечатление, что все мероприятия сводятся к перевозу собак с одного места на другое. Судя по тому, что проблема сокращения численности бродячих животных в городах год от года не решается, в этом предположении есть доля правды.

По видам указанных в актах мероприятий количество городов распределялись следующим образом (табл. 3):

Из таблицы 3 очевидно, что выявить точные суммы на проведение того или иного мероприятия (то есть отделить эвтаназию от отлова, либо отлов от содержания и т.д.) не представляется возможным, так как в закупочной документации зачастую две-три услуги объединены в одну. Представленные сведения позволяют сделать вывод о недостаточной структурированности расходов на мероприятия по регулированию численности бродячих животных, что не дает возможности провести детальный анализ проведенных мероприятий.

Данные закупочной документации отдельных городов указывают на различия в подходах к обоснованию финансирования мероприятий по регулированию численности бродячих животных. Например, в тендерной документации г. Липецка данные о численности безнадзорных животных, как уже отмечалось, отсутствуют, и в проекте двух контрактов прямо указано, что объем работ невозможно определить, а запрошенные суммы по этим контрактам составляют 2195000 руб. и 3800000 руб., соответственно. При этом на городском портале Липецка со ссылкой на сообщение мэрии называется число бродячих животных: 1 тысяча голов, и сообщается, что отлов их бюджету Липецка обойдется в несколько сотен тысяч рублей [7]. Действительно, в системе госзакупок размещено несколько контрактов и два акта выполненных работ, согласно которым всего отловлено 41 животное и подобрано 39 трупов павших животных. Остальных актов в системе найти не удалось, можно лишь сказать, что в целом на мероприятия было выделено около 1,75 млн., однако один из контрактов был расторгнут в связи с отсутствием у поставщика условий для содержания животных. Далее, в 2017 году согласно актам выполненных работ в Липецке отловлено 5676 животных, то есть в 5,6 раз больше их общего количества на территории города, согласно официальным данным. Если это соответствует действительности, то учет бродячих животных, на результаты которого ссылались ранее представители мэрии, вероятно, осуществлялся некорректно.

В контрактах г. Владимира услуги расписаны подробно. Но согласно закупочной документации и отчету администрации по итогам 2017 года оказалось, что отловленное число бродячих животных в два раза превышает их заявленную общую численность на территории города [4].

В целом, по итогам анализа 62 контрактов, заключенных в 29 городах РФ следует отметить, что доля контрактов, в которых в услуги включена стерилизация и вакцинация, от общего числа контрактов составляет 18%. В остальных контрактах акты либо включают только отлов, передержку и эвтаназию, либо только отлов и транспортировка, либо вовсе не содержат расшифров-

ки оказанных услуг. Исполнение ряда контрактов прекращалось досрочно по таким причинам, как отсутствие у поставщика необходимых для исполнения условий, в частности, пунктов передержки или по соглашению сторон, в связи с отсутствием потребности в дальнейших услугах. В среднем на 1 особь выделялось около 2 тыс. руб., однако эта величина не отражает фактических расходов и потребности в конкретных мероприятиях.

Результаты

На основе результатов анализа двух совокупностей можно сделать следующие выводы. Документация тех городов, по которым известна ориентировочная численность бродячих животных, отличается более высокой степенью обоснованности расходов. То есть там, где ведется учет бродячих животных, наблюдается более ответственный подход к составлению закупочной документации на их отлов. Можно также отметить, что в городах, где ведется учет животных, процент мероприятий, направленных на сохранение жизни отловленных животных, выше, чем в остальных.

Отсутствие в контрактах требований к детализации расходов на мероприятия по регулированию численности бродячих животных не позволяет в полной мере проанализировать их и определить объем потребности в той или иной услуге в этой сфере, а также сравнить структуру расходов в разных регионах и выявить региональные особенности.

Численность животных, заявленная к отлову, в ряде случаев превышает фактическую, что говорит о расхождении работы служб, которые занимаются учетом численности животных, со службами, отвечающими за регулирование их численности. Очевидна потребность в разработке и внедрении единой методики оценки численности бродячих животных.

Процент заявленной к отлову численности животных от общей в большинстве городов невысок, тогда как уста-

новлено, что для сокращения популяции, то есть утраты ею способности к самовосстановлению, необходимо сократить численность бродячих животных на 70–80% [1]. Таким образом, мероприятия по отлову безнадзорных животных, по крайней мере, в половине российских городов изначально не направлены на сокращение популяции, а значит, нельзя говорить об их результативности. Кроме того, не имея начального значения численности безнадзорных животных на территории, невозможно доказать результативность проведенных мероприятий.

Заключение

Проблема учета и регулирования безнадзорных животных практически не исследуется экономистами, хотя имеются все основания рассматривать ее как значимое социально-экономическое явление. Расходование бюджетных средств на ее решение не приводит к ощутимому результату. Негуманность и нерезультативность проводимых мероприятий, как правило, вызывает общественный резонанс, осознание необходимости изменения существующей практики на законодательном уровне. Среди причин неэффективности принимаемых мер следует назвать отсутствие контроля за исполнением контрактов подрядчиками, а также неприемлемость в российских условиях западной практики (кратковременное содержание в приюте и умерщвление при невостробованности). Первым шагом к исправлению ситуации должна стать организация регулярного учета безнадзорных животных по единой методике.

Вопрос об организации учета и получения корректных данных о численности безнадзорных животных поднимался в работах отечественных исследователей в различных областях науки. Это говорит о том, что проблема наличия безнадзорных животных в городской среде — междисциплинарная. Для решения ее требуется объединение усилий ветеринаров, экологов, социологов, экономистов, и, только осознав масштаб заявленной проблемы, современное общество сможет найти пути ее решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбалко В. А. Обзор мирового опыта в решении проблемы бездомных животных [Текст] / В. А. Рыбалко // Ветеринарная патология. — 2006. — № 2 (17). — С. 12–18.
2. Сабирьянов А. Ф. Государственное регулирование отлова и содержания безнадзорных животных [Текст] / А. Ф. Сабирьянов // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н. Э. Баумана. — 2018. — Т. 234. — № 2. — С. 166–169
3. Темникова А. И. Регистрация домашних животных как эффективный метод правового регулирования проблемы безнадзорности животных [Текст] / А. И. Темникова // Правовая политика и правовая жизнь. — 2016. — № 1. — С. 55–59
4. Александрова В. Собачий вопрос [Электронный ресурс] / В. Александрова // Зеб: ра. Новостной портал г. Владимира (дата публикации 21.11.2017). — URL: <https://zebra-tv.ru/novosti/jizn/sobachiy-vopros/> (Дата обращения: 02.12.2019);
5. В 2016 году в Магадане было умерщвлено 1707 безнадзорных животных [Электронный ресурс] // Колыма.ру. (дата публикации 08.05.2017) URL: <http://www.kolyma.ru/index.php?newsid=67247> (Дата обращения: 02.12.2019);

6. В Благовещенске вдвое снизилась численность бродячих собак [Электронный ресурс] // Амурская правда. Дата публикации 20.08.2015 URL: <https://www.ampravda.ru/2015/08/20/059806.html> (Дата обращения: 02.12.2019);
7. В Липецке собираются уничтожить тысячу бездомных кошек и собак. — Городской портал Липецка [Электронный ресурс]. Дата публикации 09.02.2016 URL: <http://cod48.ru/novosti-kompanij/v-lipecke-sobirayutsya-unichtozhit-tysyachu-bezdomnyh-koshek-i-sobak-12570.html> (Дата обращения 12.01.2020);
8. В ожидании зоозакон [Электронный ресурс] // Кузбасс. Областная газета. Дата публикации 27.09.2017 URL: <http://kuzbass85.ru/2017/09/27/v-ozhidanii-zoozakona/> (Дата обращения: 02.12.2019)
9. Единая информационная система госзакупок [Электронный ресурс] URL: www.zakupki.gov.ru (Дата обращения: 02.12.2019)
10. В Салехарде 500 бездомных собак. Борьба за безопасность должны все вместе [Электронный ресурс] // Север-пресс. Информационное агентство. Дата публикации 03.04.2018 URL: <http://sever-press.ru/obshchestvo/bezopasnost/item/38842-v-salekharde-500-bezdomnykh-sobak-borotsya-za-bezopasnost-dolzny-vse-vmeste> (Дата обращения: 02.12.2019);
11. К чемпионату мира по футболу города зачищают от собак [Электронный ресурс] // k-9.ru. Дата публикации 28.02.2018 URL: <http://k-9.ru/archives/1478> (Дата обращения: 02.12.2019);
12. Ланская Е. Бюджет финансирует живодеров. [Электронный ресурс] // Красноярская версия Дата публикации 22.07.2015 URL: <http://www.centrosib.info/2015/07/22/byudzhnet-finansiruet-zhivodyorov/> (Дата обращения: 02.12.2019);
13. Молотов М. Хабаровский следком нашел решение катастрофической ситуации в городе с безнадзорными животными [Электронный ресурс] // Новости Хабаровска на DVHаб.ru Дата публикации 12.05.2017. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2017/05/12/66288/> (Дата обращения: 02.12.2019);
14. Мэрия Нижнего Новгорода отрицает причастность к работе «Концлагеря для собак» [Электронный ресурс] // NN.RU Дата публикации 23.01.2017. URL: https://www.nn.ru/news/more/meriya_nizhnego_novgoroda_otriytaet_prichastnost_k_rabote_kontslagerya_dlya_sobak/50244041/ (Дата обращения: 02.12.2019);
15. На улицах Воронежа продолжают оставаться около 3250 безнадзорных животных [Электронный ресурс] // Коммуна. Новостной портал Воронежа и Воронежской области. Дата публикации 15.11.2017 URL: https://communa.ru/ekologiya/na_ulitsakh_voronezha_prodlzhayut_ostavatsya_okolo_3250-beznadzornykh_zhivotnykh/ (Дата обращения: 02.12.2019);
16. Служба ветеринарии Иркутской области. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://irkobl.ru/sites/vet/brodiagi/> (Дата обращения: 01.02.2017)
17. ИКЗ 183525300103652604500400010177500244, Единая информационная система госзакупок [Электронный ресурс] URL: www.zakupki.gov.ru (Дата обращения: 02.12.2019);

© Русакова Инна Викторовна (rusakova_i@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



О НЕКОТОРЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ОТНОШЕНИЯХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ТРУДА

SOME TENSIONS IN DISTRIBUTION DELIVERABLES RELATIONS

V. Rylov

Summary. The paper reviews relations between a holder of means of production and employee in-process of production and distribution produced prosperity. The paper allocated three aspects of the production process (government, a holder of means of production and employee), set out reasons for participation in the production process. Also tried to reflect basis of different relation of the participants in the production process to distribution deliverables.

Keywords: distribution deliverables, capitalism, employee, holder of means of production, productive relations, balance of distribution produced prosperity.

Рылов Василий Александрович

Начальник Земельно-имущественного управления,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный
университет»
rv-1975@mail.ru

Аннотация. Статья затрагивает отношения, возникающие между собственником средств производства и наемным работником в процессе производства и распределения произведенных благ. В работе выделены три стороны процесса производства (государство, собственник средств производства и наемный работник), изложены мотивы, побуждающие к участию в процессе производства. Также предпринята попытка осмыслить основу различного отношения участников процесса производства к распределению результатов труда.

Ключевые слова: распределение результатов труда, капитализм, наемный работник, собственник средств производства, производственные отношения, баланс распределения произведенных благ.

Развитие экономики предусматривает отношения субъектов в решении вопросов распределения результатов производственной деятельности. [2,4] Такие отношения в условиях капиталистического развития в основном возникают между капиталистами (собственниками средств производства) и наемными работниками. [5] Основой конфликта интересов является в большинстве случаев поиск баланса распределения произведенных благ (результатов труда). Существующее механизмы, по средствам которых формируется компромиссное положение на рынке труда, сложившееся в стране в пореформенный период, может рассматриваться как следствие эволюционных, общественных и экономических процессов. По сути, историю последних столетий можно рассматривать с позиций борьбы между сторонами за ресурсы, в которой каждая из противоборствующих сторон боролась за обладание большей частью произведенного.

В данной работе мы постараемся найти суть противоречия в отношениях между наемным работником и собственником средств производства, существующих в сфере распределения произведенных результатов труда, понять их основу.

В наиболее общем виде для производства материального блага в капиталистических условиях хозяйствования необходимо задействовать две стороны: рабочую силу и капитал. Сам же процесс производства

всегда гарантируется и контролируется усилиями государства. Из изложено выше следует, что в производстве любого блага, в последующем предназначенного для распределения, участвуют три субъекта: рабочая сила (носитель — наемный работник), капитал (владелец — собственник средств производства), сформированные необходимые условия (обладатель права — государство). Выражение — «сформированные необходимые условия» применено лишь для лаконичности изложения и подразумевает собой всю многообразную систему государственного устройства, влияющую на процесс производства (такие функции и системы государства как фискальная, контролирующая, монетарная, протекционистская так же имеются в виду).

После того как благо произведено и реализовано каждый участник процесса производства претендует на часть дохода (наемный работник за свою использованную рабочую силу, собственник средств производства за затраченный на процесс производства капитал, государство за затраты понесенные им в период производства блага).

Упрощенно, процесс производства и распределения можно представить в виде схемы (рис. 1).

Как уже упоминалось выше, цель нашей работы мы видим в поиске противоречий в отношениях между наемным работником и собственником средств производ-

Таблица 1. Основные фонды по формам собственности (млрд. руб.)

	1990		2017	
Основные фонды, всего:	2958	100%	194 649,464	100%
в том числе:				
Государственная собственность	2624	88,8%	42 822,882	22%
Не государственная собственность	334	11,2%	151 826,582	78%

Источник: Народное хозяйство СССР в 1990 г.; Статистический ежегодник/Госкомстат СССР.-М.: Финансы и статистика, 1991. (стр.— 291), официальный сайт статистики России: <http://gks.ru>, дата обращения 21.03.2019 (вкладка «основные фонды»)

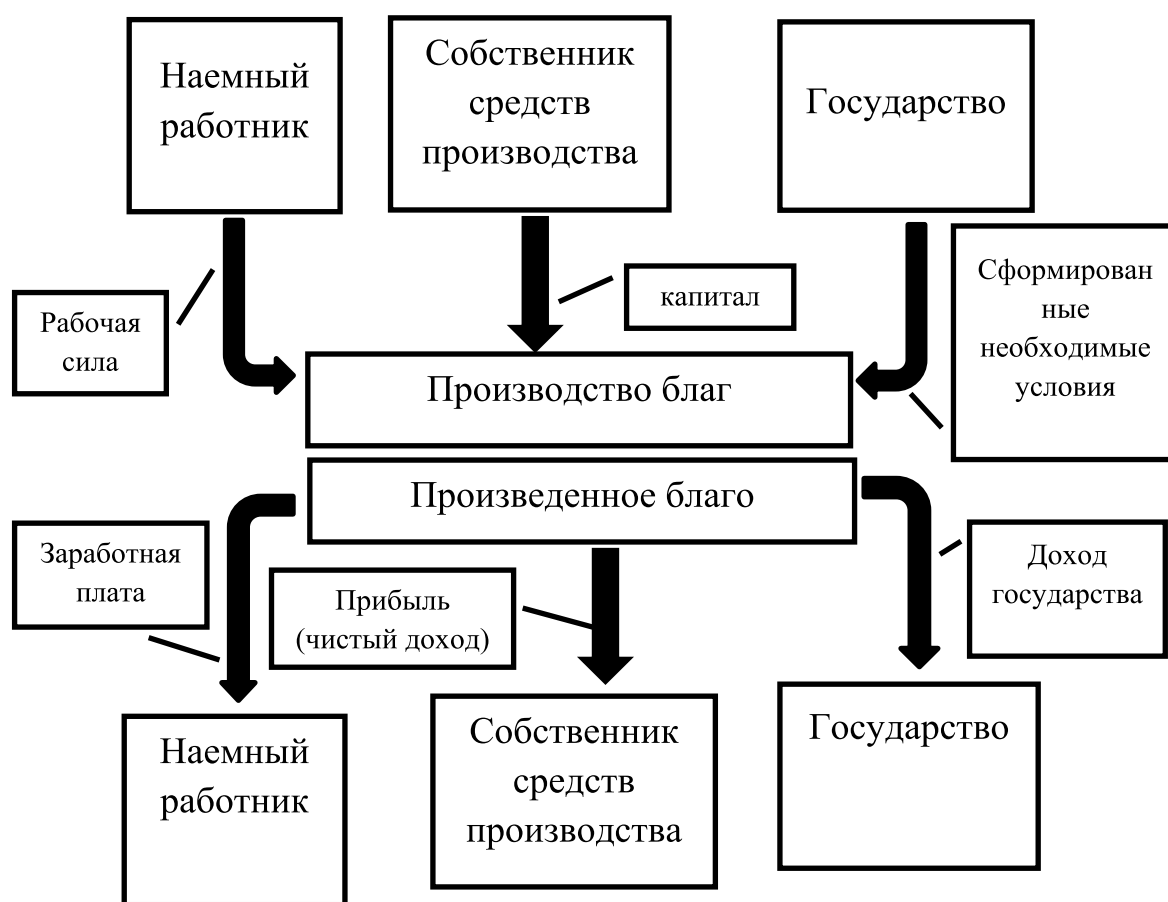


Рис. 1

ства в вопросах распределения результатов труда, если таковые имеются. Как видно из схемы, представленной выше в производство и распределение блага вовлечены три стороны, каждая из которых вносит необходимый вклад и получает часть произведенного. Соответственно, если и существуют какие-либо противоречия возникающие в процессе распределения произведенных благ, между наемными рабочими и собственниками средств производства, то они не расположены в области производственных отношений, а их поиск должен проходить в части определения долей, внесенных в процесс производства и долей, полученных в ходе распределения.

Такая схема функционировала в России не всегда. В дореформенный (социалистический) период развития страны средства производства в основе своей принадлежали государству. Население работало по найму, получало установленную часть дохода в виде регламентированной заработной платы. Практически отсутствовала частная собственность на средства производства. Поэтому не возникало отношений между капиталистом и наемным работником.

В России начала 21 века капитал сменил собственника. В дореформенной стране большая часть основных

Таблица 2. Средняя заработная плата, начисленная в России (по формам собственности), в руб.

Форма собственности	2015	2016
Государственная	37 312	39 312
Частная	30 026	32 664

Источник: официальный сайт статистики России: <http://gks.ru>, дата обращения 06.06.2019 (вкладка «труд и занятость в России.2017.», стр. 226)

Таблица 3. Распределение ВВП в млн. руб.

	2014	2015	2016
Валовый внутренний продукт, всего	79199658,5	83232618,4	86043648,9
из него оплата труда наемных рабочих	37387176,4	38091452,2	40779288,6
из него налоги на производство и импорт	11497947,1	9787221,3	9937267,5
из него валовая прибыль экономики и иные доходы	30808241,9	35868474,6	35851105,2
Доля оплаты труда наемных работников в ввп, %	47,2	45,7	47,3
Доля налогов в ввп, %	14,5	11,7	11,5
Доля валовой прибыли в ввп (с учетом субсидий), %	38,9	43,1	41,7

Источник: официальный сайт статистики России: <http://gks.ru>, дата обращения 11.06.2019 (вкладка «национальные счета России в 2011–2016 годах», стр. 23)

фондов принадлежала государству, после проведения реформ, государственным остается лишь 22% всех основных фондов страны. (см. таблицу 1).

Тем не менее, по состоянию на 2017 год на предприятиях негосударственной формы собственности задействовано 26 970 тыс. человек, что составляет 61% от общей численности занятых на предприятиях. При этом всего в России по данным на 2017 год занято в экономике 71 843 тыс. человек¹. То есть, количество наемных работников, осуществляющих деятельность в частных организациях, составляет 37,5% от общего числа занятых в стране.

Следует отметить, что частный капитал не превалирует на рынке труда, тем не менее, имея существенную долю, оказывает прямое влияние на его развитие. При этом частный капитал аккумулирует 78% всех основных фондов страны. Иными словами, 37,5% наемных работников задействованы в труде с использованием 78% всех основных средств, не принадлежащих государству, и 62,5% наемных работников используют 22% основных средств страны, принадлежащих государству. Соответ-

ственно, основным работодателем в стране остается государство. При этом, государство оплачивает труд выше, в среднем на 17–20%, чем предприятия с негосударственными активами. (см. таблицу 2).

Сложность в изучении отношений «работодатель — наемный рабочий», их экономической части, состоит в определении измеримых показателей, в которых может быть выражена оптимальное распределение долей полученного результата труда.

Видимая часть конфликта интересов, в официальной статистике, представлена лишь показателем «численность забастовок», основной задачей которых являлось повышение уровня оплаты за труд. В период с 2014 по 2016 год в России официально зарегистрировано 10 забастовок, в которых приняло участие 1,4 млн. человек². Данная статистика не может использоваться в анализе и не дает понимания сложившейся ситуации. Поэтому, в целях визуализации конфликта, рассмотрим каким образом распределяется между наемным работником и работодателем произведенный продукт. (см. таблицу 3).

¹ Источник: сборник «Российский статистический ежегодник.2018», стр. 112, размещен на Сайт официальной статистики <http://www.gks.ru>, дата обращения 25.08.2019

² Источник: Труд и занятость в России. 2017: Стат.сб./Росстат Т78 М., 2017. 261 с.— стр. 155. Размещен на официальном сайте статистики <http://gks.ru>

Таблица 4. Оплата труда и валовая прибыль предприятий в России

	2015	2016	2017
Оплата труда, всего, в млн. руб.	38 697 771,5	40 941 461,9	43 904 226,5
Валовая прибыль, всего, в млн. руб.	35 418 918,4	35 786 247,6	38 178 160,7

Информация представлена автором на основании источника: официальный сайт статистики России: <http://gks.ru>, дата обращения 11.12.2019 (вкладка «приложение к ежегоднику»)

Таблица 5. Распределение населения по величине доходов (в % к итогу) в 2018 году

Все население, %	100
В том числе со среднедушевым денежным доходом: ниже 7 000 руб.	5,1
7 001–10 000	7,1
10 001–14 000	11,2
14 001–19 000	13,8
19 001–27 000	18,1
27 001–45 000	23,6
45 001–60 000	9,2
свыше 60 000	11,9

Информация подготовлена автором на основании источника: Сайт официальной статистики <http://www.gks.ru>, вкладка «Россия в цифрах.2019» стр. 125 дата обращения 12.11.2019

В период с 2014 по 2016 годы валовый продукт в России составлял от 79 до 86 трлн. рублей, из которых на оплату наемного труда направлялось от 45,7 до 47,3%, валовая прибыль же составила от 38,9 до 43,1%. Как видим, большая часть валового продукта распределяется на оплату труда наемных рабочих. Необходимо отметить, что оплата труда является основным источником дохода населения и составляет 65% от всех получаемых населением доходов¹. Иными словами, наемный работник (в обобщенном понимании), заинтересован в успешном развитии производства, так как заработная плата составляет основу его дохода.

Как известно, основной мотивацией развития производства у капиталиста является получение максимальной прибыли. Основной же задачей наемного работника является получение максимальной заработной платы. Объем заработной платы регламентирован трудовым договором, объем прибыли не регламентирован и может составлять любую величину. Ходя задачи капиталиста и наемного работника в ходе участия в производстве различны, никто из них не заинтересован в свертывании или ограничении процесса производства. Статистика показывает, что рост прибыли и рост затрат на оплату труда параллелен (см. таблицу 4).

Если экономические механизмы срабатывают таким образом, что рост прибыли сопровождается ростом за-

трат на оплату труда, необходимость их трансформации не очевидна. Как известно, оплачивает труд работодатель. Возможно, механизмы распределения заработной платы содержат элементы конфликта отношений между наемным рабочим и работодателем. (см. таблицу 5).

Информация, представленная выше свидетельствует о том, что весь объем выплачиваемой заработной платы распределяется не равномерно. При этом, как отмечено выше, основным работодателем в стране остается государство, которое держит уровень оплаты труда в среднем на 17–20% выше, чем заработные платы, получаемые наемными работниками у частных работодателей. Ранее, при плановой системе хозяйствования, устанавливались «тарифные сетки», которые определили единую систему формирования оплаты труда в стране, при этом основным параметром, влияющим на оплату труда, являлась квалификация сотрудника. [Источник: Статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1990 г» стр. 40–44] При переходе на рыночную систему хозяйствования основным показателем формирующим способность хозяйствующего субъекта платить определенную заработную плату становится рентабельность, его эффективность, не зависимо от формы собственности. Соответственно, дифференциация опыта труда на предприятиях и организациях является в том числе результатом всесторонней конкуренции, иначе проявлением результатов рыночного хозяйствования. А такие результаты, как сказано выше, являются следствием совместных усилий собственника капитала и наемного работника. Поэтому при распределении установленного

¹ Источник: Сборник «Россия в цифрах.2018», стр. 122, размещен на Сайте официальной статистики <http://www.gks.ru>, дата обращения 25.03.2019

Таблица 6. Объем потребления за счет средств от оплаты труда, кредитов и иных источников

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Отношение оплаты труда к ВВП	50%	44%	44%	46%	47%	46%	48%	48%
Отношение объема выданных кредитов к ВВП	8,8%	9,2%	11,4%	13,6%	14,3%	12,8%	12,5%	13,2%
Отношение конечного потребления за счет иных источников к ВВП	11,2%	14,8%	13,6%	11,4%	9,7%	11,2%	10,5%	8,8%
Отношение конечного потребления к ВВП	70%	68%	69%	71%	71%	70%	71%	70%

Информация подготовлена автором на основании источника: Сайт официальной статистики <http://www.gks.ru>, вкладка «приложение к ежегоднику», дата обращения 31.07.2019



Рис. 2. Основные мотивы деятельности участников процесса производства и распределения благ

(выделенного) объема оплаты труда работодатель не заинтересован в нарушении интересов наемного работника, так как последний принимает непосредственное участие в формировании конкурентоспособности первого.

И так, возможности капиталиста выделять на оплату труда наибольший объем средств ограничиваются рыночными механизмами. При этом капиталист должен понимать, что основой его благосостояния в условиях

капиталистического производства является потребление производимой им продукции. Соответственно, чем больше общество потребляет, тем быстрее возрастает доход капиталиста (собственника средств производства). Зависимость капиталиста от потребления наемного работника приведена в таблице 6.

Как видно из представленных данных, конечное потребление производится в среднем более чем на 60%

за счет средств, формирующих оплату труда. Потребление за счет доходов от капитала и заимствования не превышает 40% от всего конечного потребления. Основываясь на вышеизложенном, капиталист может формировать рынок сбыта тремя способами: формирую соответствующую оплату труда наемных работников, стимулировать кредитование (заимствование), способствовать потреблению за счет доходов от капитала, последнее сопряжено с развитием конкуренции. Потребление за счет кредитования, как показывает практика, не безгранично. Поэтому капиталист не имеет экономической заинтересованности в ухудшении уровня жизни наемных работников, более того он хочет иметь на производстве только лучший, а потому наиболее востребованный, (соответственно высокооплачиваемый) персонал.

Однако, существующие реалии рынка, отраслевая конкурентоспособность производства, принадлежащего капиталисту, внедренные на производстве технологии, влияющие на энергоэффективность и потребление сырья, уровень организации труда вносят соответствующие коррективы в его, капиталиста, возможность подерживать наиболее высокий уровень оплаты труда.

Каждый наемный работник, объективно, стремится получать наиболее высокую оплату труда. Тем не менее, его желание ограничивается его вкладом в обобществленный результат того или иного производства, а также рентабельностью предприятия, на котором он работает. Необходимо отметить, что далеко не всегда доход, полученный от усилий наемного работника, зависит от его компетенций и его вклада в производство блага. В таком случае возникает диссонанс, который, в зависимости от ситуации на рынке труда, приводит к смене работодателя.

Из вышеизложенного не следует понимания противоречий в отношениях собственника средств производства и наемного рабочего в вопросах распределения произведенных благ. Оба этих субъекта заинтересованных в развитии производства, оба ставят своей целью получения максимального дохода, оба принимают участие в государственном строительстве путем передачи части своего дохода в государственную казну, оба получают часть произведенного блага, в той или иной степени определенную (ограниченную) рыночными реалиями. Возможно, причина таких противоречий может находиться в контексте целеполагания деятельности. Важной является первопричина побуждающая субъекта производственных отношений принимать в них участие. (см. схему на рис. 2).

Данная схема представляет собой наиболее общее понимание нами экономических мотивов хозяйствен-

ной деятельности участников процесса производства и распределения (приоритеты выставлены по принципу первостепенности). Представленная схема сознательно упрощена и необходима лишь для того, чтобы наглядно показать объективную необходимость, побуждающую каждую из сторон учувствовать в производственном процессе.

Человек не может жить без питания, жилища, одежды и лекарственных средств, поэтому первый и самый важный мотив, побуждающий его принимать участие в процессе производства — обеспечить свое выживание в природе. После того, как такое выживание обеспечено, оставшиеся средства вероятнее всего будут направлены на развитие, т.е. на улучшение его существования, как материального, так и духовного.

В отличии от наемного работника, собственник средств производства в первую очередь должен обеспечить восстановление авансированного капитала, так как он служит источником его дохода. Только потом обеспечить себя и семью средствами для выживания и уже потом развивать бизнес. Такая необходимость существенно отличает капиталиста от наемного работника, является причиной уязвимости в период экономических кризисов.

Согласно данной схеме, государству требуется средства на еще большее количество задач, прежде чем оно направит ресурсы на свое развитие. В первую очередь государство должно обеспечить функционирование общественных институтов (обеспечить деятельность власти, на минимальном уровне организовать образование, здравоохранение, обеспечить охрану границ и т.п.), так как без этого государство не сможет существовать. Второй пункт, изложен как «компенсация жизненных потерь части общества». Под такой формулировкой нами понимается необходимость поддержки населения не имеющего возможности трудиться (пенсионеры, инвалиды и другие социально незащищенные части общества). Далее государству необходимо обеспечить инфраструктуру (связь, дороги и иное транспортное сообщение и т.п.). Только после определенных установленных расходов на первые три позиции, возможно дальнейшее развитие государства.

На наш взгляд, основные противоречия в отношениях между наемным работником и собственником средств производства в вопросах распределения результатов деятельности находятся в области определения минимальных порогов необходимых для удовлетворения, представленных выше мотивов. Так, позиция государства на необходимый прожиточный минимум и взгляды наемных работников могут существенно различаться. Также может иметь различия позиция собственника

средств производства и позиция наемного рабочего на минимальный порог оплаты труда. Экономические основы таких противоречий в отношениях между сторонами-участниками производственного процесса необходимо искать в организации процесса производства благ, а также в последующим их распределении. Рассмотрение процесса производства как экономической категории сложная теоретическая и практическая задача, которая не является предметом данной работы, поэтому мы остановимся лишь на вышеизложенном.

Как видим, причина возникающих противоречий в вопросах распределения произведенных благ между наемным работником и собственником средств производства находится в границах поиска баланса распределения долей произведенного блага основанного на различиях в мотивах участия в производственном процессе. Иными словами, собственник средств производства должен обеспечить восстановление потраченного капитала и только потом обеспечить личные нужды, а наемный работник обеспечивает в первую очередь траты на свое существование.

Практическая реализация механизмов собственника средств производства, направленных на обеспечение своей жизнедеятельности в отличии от наемного работника всегда связана с применением капитала. В свою очередь, применение капитала также всегда оказывает влияние на те или иные сферы существования общества, то есть применение капитала формирует трансформацию. Изменения возникающие в процессе применения капитала влияют, в том числе на массы людей, которые

в свою очередь не хотят меняться, так как любое изменение это затраты энергии, временные затраты связанные с необходимостью совершенствоваться, изменять себя под другие реалии, которые приносит капитал.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что в современном мире, мире всевозрастающих технологий и развивающейся науки, капитал не может возрасти без постоянных изменений, что неминуемо тянет за собой весь спектр общественных трансформаций. Общественные устои, образ жизни, традиции — все это не может мгновенно трансформироваться, так как является результатом многовекового общественного существования. В настоящий период капитал стремится к высоте технологий и постоянному прогрессу в производстве, таковы реалии развития. Вот и получается, что капиталист со своим капиталом вынужден функционировать на грани цейтнота, постоянно быть в поиске новых форм дальнейшего развития, иначе он потеряет капитал, а наемный работник не заинтересован в такой быстрой смене формаций, так как уже упоминалось выше, такая смена требует от него личных и (или) в конечном итоге финансовых затрат. Такая ситуация и порождает противостояние(противоречие) между собственником средств производства и наемным работником, одним развитие приносит доход, другим необходимость постоянно трансформироваться под меняющиеся реалии, или говоря иначе, одни меняют мир, другие вынуждены меняться, принимая предлагаемые условия — вот, на наш взгляд, сущность противоречия во взаимоотношениях собственников средств производства и наемных рабочих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аитова Г.Ш., Бузгалина А. В., Булавка-Бузгалина Л. А. Критический марксизм: поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию. М.: ЛЕНАНД, 2014. — 392 с.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Издательство «Юрист», 1994. 704 с.
3. Григорьева О.Ю., Попов Б. А. Переход к рынку: борьба мнений. — М.: Наука, 1993. — 192 с.
4. Менгер К. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. — 496 с.
5. Кларк Дж. Б. Распределение богатства. М-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. — 299 с.
6. Сафиуллин Л. Н. Общественное благосостояние в условиях неоднородности рынков. Казань.: Изд-во Казанского университета, 2006. — 296 с.
7. Струмилин С. Г. Статистико-экономические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1958 г. — 735 с.
8. Шумпетер Й. А. История экономического анализа. 1,2,3 Т. С-П.: Издательство «экономическая школа», 2001. — 1664 с.
9. Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / пер. в англ. под ред. Г. Дерлугьяна. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.-320 с.

© Рылов Василий Александрович (rv-1975@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗЕЛЕННЫЕ ОБЛИГАЦИИ ОАО «РЖД», КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ И НОВАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТОМ

Селина Ольга Викторовна

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО Уральский государственный университет путей сообщения (гор. Екатеринбург)
ovselina@usurt.ru

GREEN RUSSIAN RAILWAYS BONDS, AS A TOOL FOR INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT AND A NEW TRANSPORT MANAGEMENT SYSTEM

O. Selina

Summary. Russian Railways (Russian Railways) is a state-owned company that owns and operates the Russian railway network and infrastructure. The company issued the first international green bond in the Russian Federation. This is what became the main topic of the article. It will use several questions: like all those who became an investor in this project. In addition, the article analyzes the amount of CO2 emissions from rail, road and air modes of transport.

Keywords: Russian railways, green bonds, investments, electrified trains.

Аннотация. Российские железные дороги («РЖД») — государственная компания, которая владеет и управляет железнодорожной сетью и инфраструктурой России. Не так давно компания выпустила первую международную зеленую облигацию в Российской Федерации. Именно это стало основной темой статьи. В ней будут рассматриваться несколько вопросов: как повлияют «Зеленые облигации» на развитие РЖД и экологическую обстановку в России, и кто же стал инвесторами в данном проекте. Кроме того, в статье анализируется количество выбросов CO2 от железнодорожных, автомобильных и воздушных видов транспорта.

Ключевые слова: Российские железные дороги, зеленые облигации, инвестиции, электрифицированные поезда.

ОАО «РЖД» выпустило первую «зеленую» облигацию компании и первую международную «зеленую» облигацию, выпущенную российской компанией. 8-летняя «Green Bond» привлекла 500 миллионов евро и была, в итоге, оценена в 2,2%. Выпуск был подготовлен в соответствии с принципами «зеленых» облигаций Международной ассоциации рынков капитала и сертифицирован в рамках Инициативы по климатическим облигациям. Подтверждение было предоставлено «Sustainalytics», ведущей независимой исследовательской и рейтинговой компанией ESG и корпоративного управления [3].

Большинством, кто вложил свои средства в «Зеленые облигации», являются иностранные инвесторы (более 75%). Российские инвесторы владеют около 25% «зеленых» облигаций. Что касается географической разбивки книги заказов «зеленых» облигаций, то более 30% — Германия, Австрия, 15% — Великобритания, 11% — Швейцария, 14% — инвесторы стран континентальной Европы, 4% — страны Азии, 1% — США (рис. 1) [4].

Не стоит забывать, что сама компания в 2018 г. инвестировала в экологическую безопасность 8,5 млрд. руб. Это позволило компании сократить вредные выбросы в атмосферу на 4,3%, сбросы загрязненных сточных вод на 11% и устранить 12 участков накопленного экологического

ущерба (например, нефтепродукты, склады и ремонтные мастерские, отработанное мазут, дизельное топливо и другие химические соединения). Каковы будут результаты от «Зеленых облигаций», нам предстоит только догадываться. Однако ОАО «РЖД» уже предложили примерный план вложения.

Привлеченный капитал будет использован для покупки электропоездов, поскольку РЖД продолжает модернизировать свой подвижной состав, постепенно отказываясь от дизельных и старых электропоездов. Также средства облигации будут направлены на финансирование и рефинансирование покупки пассажирских электропоездов «Ласточка», увеличив число действующих поездов на 183 к 2021 г. Поезда будут выполнять пассажирские транзитные функции на пригородных и междугородних маршрутах. Кроме того, компания объявила о планах приобрести 1000 новых электропоездов в течение следующих трех лет по цене около 2 млрд. евро [2].

Программа 2025 г. также предусматривает приобретение нового подвижного состава и модернизацию существующего парка, включая тяговые агрегаты, а также внедрение новой технологии для ускорения развития цифровых технологий. Планируется модернизировать и расширить магистральную инфраструктуру, в том

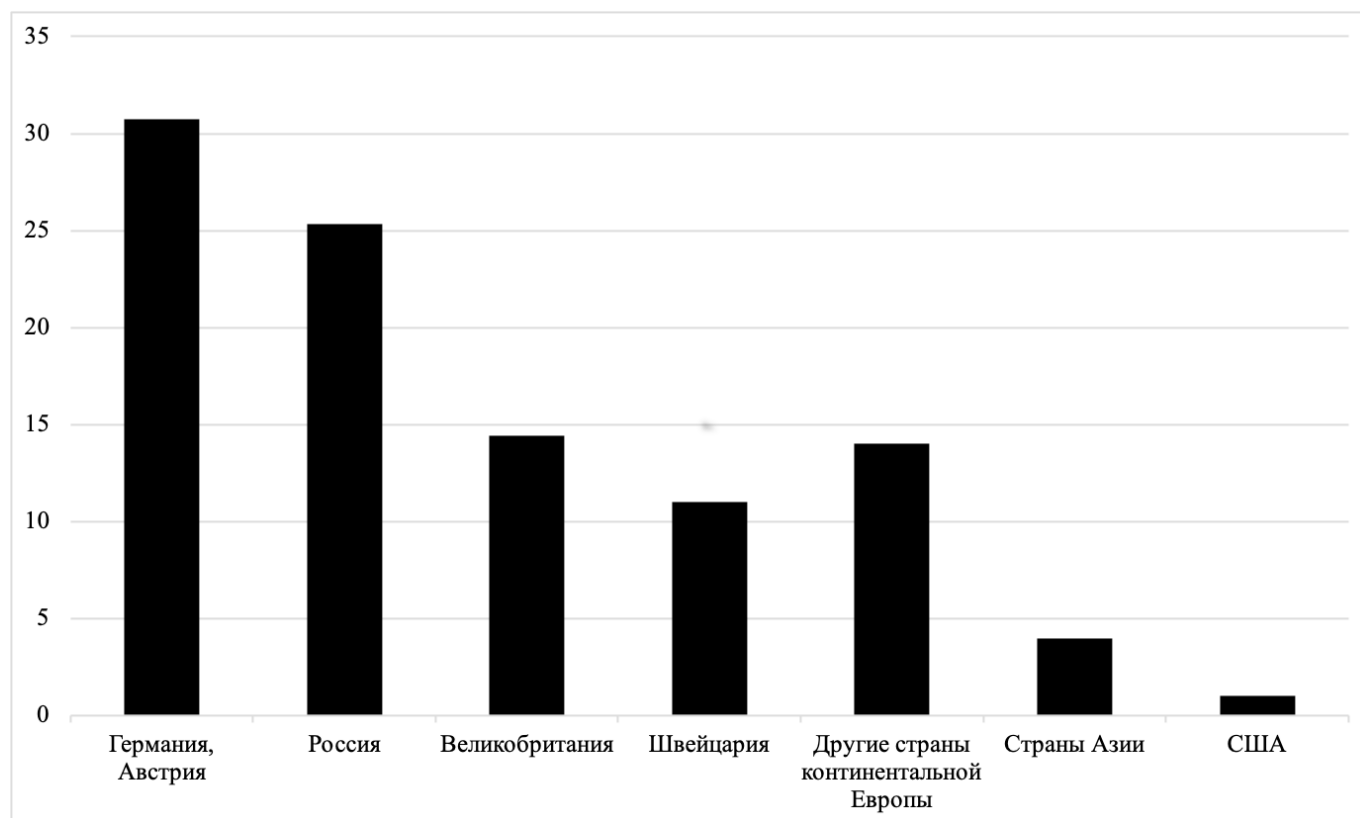


Рис. 1. Инвесторы «зеленых» облигаций

Источники: Авторский расчет на основе данных, заявленных Ириной Лолуа, исполнительным директором JP Morgan в России.

числе железнодорожную сеть в Азово-Черноморском бассейне, а также развивать Байкало-Амурскую и Транссибирскую железнодорожные линии. Для Байкало-Амурской и Транссибирской модернизации до 2025 года необходимо инвестировать около 3 млрд. долларов США. Проекты должны способствовать увеличению контейнерных перевозок в четыре раза, в том числе сокращению времени железнодорожных контейнерных перевозок, в частности от Дальнего Востока до западной границы России до семи дней.

Как мы знаем, железнодорожный транспорт является одним из самых экологически чистых видов транспорта. Энергоэффективность железнодорожного транспорта лучше, чем автомобильного, в 2–3 раза, как в грузовых, так и в пассажирских перевозках. Более половины (43,8 тыс. км) из 85,6 тыс. км эксплуатационной длины российских железных дорог электрифицировано. Кроме того, более 86% грузов и пассажиров перевозятся по электрифицированным железнодорожным системам. Электрификация наиболее загруженных линий страны и вывод из эксплуатации тепловозов являются одним из стратегических приоритетов ОАО «РЖД» [1].

По данным Международного энергетического агентства и Международного союза железных дорог, ОАО «РЖД» — одна из самых энергоэффективных железнодорожных компаний во всем мире. Россия занимает первое место по энергоэффективности грузовых железнодорожных перевозок по сравнению с другими европейскими железнодорожными системами, железными дорогами Китая, Японии, Индии и США, и занимает четвертое место по энергоэффективности пассажирских железнодорожных перевозок после Индии, Китая и Японии.

Кроме того, в связи с увеличением количества рейсов пассажиров из городских центров в близлежащие регионы, холдинг РЖД строит свою электрифицированную сеть и подвижной состав, чтобы предлагать перевозки по наилучшему сочетанию скорости и цены и с минимально возможным воздействием углерода. Маршруты с интенсивным движением, по прогнозам, возрастут, и действия ОАО «РЖД» должны помочь отвлечь путешественников от автомобилей и автобусов на электрифицированные поезда [1].

Железнодорожные перевозки уже предлагают значительные преимущества перед автомобильными и воз-

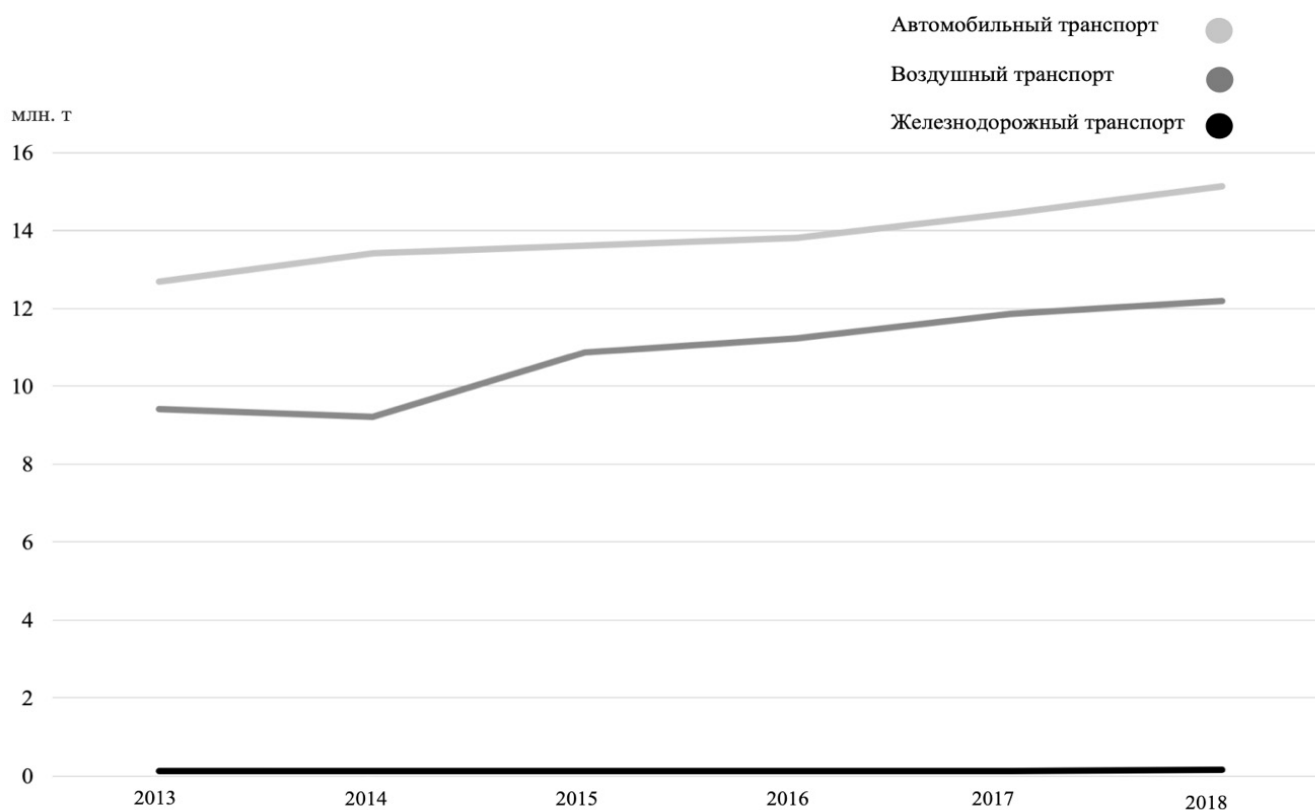


Рис. 2. Эмиссия CO₂ разными видами транспорта

Источники: Авторский расчет на основе данных аналитического центра при правительстве Российской Федерации.

душными перевозками с точки зрения выбросов CO₂ и потребления ресурсов. Новое поколение поездов «Ласточка» снова улучшит эти показатели, достигнув выбросов CO₂, как правило, в 3,5 раза ниже, чем автомобильного транспорта, и почти в 10 раз ниже, чем воздушного транспорта.

Однако, в то время как у железных дорог, естественно, меньше выбросов, чем у других видов транспорта, ОАО «РЖД» поставила перед собой амбициозные цели по постоянному улучшению своих экологических показателей, стремясь к 2030 г. вдвое сократить общее воздействие на окружающую среду.

Постоянные инвестиции в базу активов позволяют Российским железным дорогам добиваться этих сокращений и дают дополнительную выгоду, привлекая пассажиров в поезда и избегая более экологически вредных видов транспорта [5].

Помимо электрификации сети и локомотивов, ОАО «РЖД» проводит все более и более развитую экологическую политику, в том числе:

1. 56 лабораторий по всей стране измеряют и сообщают о выбросах в разных местах, а также регулярно проверяют поезда;
2. годовые цели сокращения выбросов, использования пластмасс и воды;
3. «Зеленый день» для всей компании каждый месяц, поощряющий осведомленность сотрудников и пассажиров;
4. текущая программа посадки деревьев;
5. переработка старых железнодорожных шпал в биомассу и коммунальные системы отопления.

Одной из ключевых стратегических целей ОАО «РЖД» к 2030 г. является приоритетное использование экологически чистых технологий и двукратное снижение нагрузки на окружающую среду, признавая, что железная дорога по-прежнему является одним из видов транспорта с самым низким уровнем вредного воздействия на окружающую среду [6].

Таким образом, можно утверждать, что инвестиционная привлекательность компании ОАО РЖД на современном этапе представляет собой высокий уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурмистрова С., Казарновский П. «Зеленым» кредитам дают зеленый свет // Официальный сайт информационного агентства «РБК» [Электронный ресурс].
2. Жундриков А., Якунина Е. Инвестиции в инфраструктуру // Российская независимая инвестиционная компания Infraone No9, 23.04–21.05.2019. (Дата обращения: 28.03.2020 г.).
3. Третьяк А., Штанов В., Астапенко А. Российская компания впервые выпустит зеленые евробонды // Электронное периодическое издание «Ведомости» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/05/08/>. / (Дата обращения: 02.04.2020 г.).
4. Интервью с Ириной Лолуа, исполнительным директором JP Morgan в России // ООО «РЖД ТВ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/02/25/5e4f9b4c9a7947c073db340f> (Дата обращения: 26.03.2020 г.).
5. Селина О. В. Особенности реализации целевой программы в ОАО РЖД на современном этапе развития холдинга // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 11–6. — С. 1249–1252.
6. Юрин К. С., Обухова О. В. Модернизация железнодорожного транспорта, как фактор повышения качества транспортного обслуживания // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2012. — № 12 (48). — С. 44.

© Селина Ольга Викторовна (ovselina@usurt.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Уральский государственный университет путей сообщения

СТАНДАРТИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ КОММЕРЧЕСКОГО ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ

STANDARDIZATION AS A WAY TO REDUCE THE RISKS OF COMMERCIAL MORTGAGE LENDING

A. Ushanov

Summary. A loan secured by commercial real estate (commercial mortgage), being one of the most popular types of corporate loans, has a number of undeniable advantages over other types of borrowing. At the same time, this product is characterized by specific risks, which are often the reason for refusal of lending or their implementation in the course of debt servicing: unacceptable for the lender level of capitalization and liquidity of collateral, the degree of occupancy of commercial real estate and indexation of rates under lease agreements; whether the object is not suitable for commercial use; whether the accepted collateral is encumbered with other obligations, etc. One of the ways to improve the process of commercial mortgage lending in order to reduce transaction risks is to standardize it. In the article, as part of the proposal to develop a Standard for the process of lending secured by commercial real estate, a Matrix of requirements for the components of this process is provided, reflecting the best practices of leading domestic banks working in the field of commercial mortgages.

Keywords: commercial mortgage, credit risk, process approach, business process of the Bank, the standards of banking activities.

Ушанов Александр Евгеньевич

*К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ (г. Москва)
Ushanov_0656@mail.ru*

Аннотация. Кредит под залог коммерческой недвижимости (коммерческая ипотека), являясь одним из самых востребованных видов корпоративных кредитов, обладает рядом неоспоримых преимуществ по сравнению с другими видами заимствования. В то же время данному продукту свойственны специфические риски, часто являющимися причиной отказа от кредитования или их реализации в ходе обслуживания долга: неприемлемые для кредитора уровень капитализации и ликвидности залога, степень заповняемости объекта коммерческой недвижимости и индексации ставок по договорам аренды; арендонепригодность объекта для коммерческого использования; наличие обременения принимаемого залога иными обязательствами и др. Одно из направлений совершенствования процесса коммерческого ипотечного кредитования в целях снижения рисков сделок — его стандартизация. В статье в рамках предложения о разработке Стандарта процесса кредитования под залог коммерческой недвижимости приводится Матрица требований по составляющим указанного процесса, отражающая лучшие практики ведущих отечественных банков, работающих в сфере коммерческой ипотеки.

Ключевые слова: коммерческая ипотека, кредитные риски, процессный подход, бизнес-процесс банка, стандарты банковской деятельности.

Одним из самых востребованных видов корпоративных кредитов является кредит под залог коммерческой недвижимости, или коммерческая ипотека. В общем виде, коммерческая ипотека — это финансирование приобретения коммерческой недвижимости под залог либо приобретаемой недвижимости, либо коммерческого помещения, находящегося в собственности заемщика. Иными словами, она возникает при обеспечении исполнения обязательства коммерческой недвижимостью.

Объектами коммерческой недвижимости являются нежилые фонды (офисы, торговые площади, производственные помещения, склады, административные здания, постройки и т.п.), а также и жилые помещения, и земельные участки, используемые в коммерческих, сельскохозяйственных или производственных целях для извлечения прибыли.

Преимуществами коммерческой ипотеки являются развитие и расширение бизнеса заемщика, генерирование прибыли как результат использования коммерческих объектов, оптимизация налогообложения (уплата процентов по кредиту относится на расходы компании).

Данный вид займов выгоден как заемщику, так и банку. Первые имеют возможность срочно получить необходимую сумму денег на любые нужды — расширение бизнеса, пополнение оборотных средств, возможность финансировать крупные сделки [1] [2] [3], вторые получают ликвидное имущество, быстрая продажа которого покрывает убытки в случае невыполнения заемщиком условий погашения ссуды. Главным преимуществом данной разновидности банковских продуктов является то, что коммерческая недвижимость остается в распоряжении клиента, что дает возможность получать доход от ее использования.

Кроме этого, достаточно привлекательны сами параметры заимствования: относительно низкая, по сравнению с большинством других кредитных программ, процентная ставка, длительный срок возврата, посильный размер ежемесячных платежей, а также лояльность к заемщику и индивидуальные условия сделки.

Условия, ограничения и риски

Существуют строгие ограничения на собственность, которую можно использовать в качестве обеспечения кредита. Ликвидной коммерческой недвижимостью считаются объекты, применяемые для получения прибыли или роста капитала. Такая собственность не пригодна для проживания и приносит предпринимателю стабильный доход. Залоговым имуществом может выступать офисная недвижимость: кабинеты, здания, офисы, бизнес-центры и т.д.; промышленная собственность: производственные цеха, склады, объекты для хранения товаров и т.д.; розничная недвижимость: магазины, фитнес-центры, гостиницы, торговые центры и т.д.

Типовыми условиями предоставления кредита в форме коммерческой ипотеки являются следующие:

- ◆ валюта кредитования — рубли;
- ◆ размер ссуды составляет 70–80% от рыночной стоимости объекта залога;
- ◆ график погашения кредита — ежемесячный /ежеквартальный; составляется, как правило, так, чтобы отношение чистого операционного дохода к сумме погашаемого «тела» кредита и процентов было не менее 1,2 в каждом отчетном периоде. Допускается погашение части ссуды в конце срока кредитования (баллон), но в объеме не более 50% от рыночной стоимости объекта;
- ◆ страхование объекта недвижимости на рыночную стоимость;
- ◆ перевод 95–100% доходов от аренды объектов недвижимости на расчетный счет в банке-кредиторе.

При принятии решения о возможности совершения сделки кредитная организация осуществляет комплексный анализ основных аспектов финансово-хозяйственной деятельности заемщика, включающий:

- ◆ тщательное изучение балансов компании за последние 4–6 отчетные даты;
- ◆ оценку длительности ее пребывания на данном рынке, степень успешности бизнеса и т.п.);
- ◆ оценку уровня ликвидности, определение рыночной стоимости залога.

Для проведения указанного анализа заемщик представляет в банк пакет документов, перечень которых представлен на стр. 14 (см. Матрицу требований...).

Коммерческая ипотека, не имея должного законодательного регулирования, несет определенные специфические риски для кредитных организаций, которые зачастую являются причиной отказа от кредитования, либо, что намного хуже, реализуются в ходе обслуживания долга. Этим объясняется, в частности, готовность банков предоставлять бизнесу ссуды под залог коммерческой недвижимости в размере 70–80% от ее рыночной стоимости. К таким рискам относятся:

- ◆ риски капитализации (стоимость в случае продажи) и ликвидности (возможность оперативно и выгодно реализовать залог). Как только появляется просроченная задолженность по ссуде и заложенная недвижимость переходит в собственность банка, все риски либо, наоборот, выгодные перспективы также ложатся на банк;
- ◆ оформление правоустанавливающих документов в ненадлежащем порядке;
- ◆ отсутствие разрешения на использование земли под объектом;
- ◆ арендонепригодность объекта для коммерческого использования;
- ◆ наличие обременения принимаемого залога иными обязательствами;
- ◆ заполняемость объекта коммерческой недвижимости (бизнес-центр и др.) ниже прогнозируемой при проработке проекта;
- ◆ индексация ставок по договорам аренды ниже прогнозируемой при проработке проекта;
- ◆ наличие низколиквидных или специальных объектов (пожарного водоема, газохранилища, котельной, трансформаторной подстанции), которые являются неотъемлемой частью имущественного комплекса и др.

Одним из путей совершенствования бизнес-процесса кредитования компаний под залог коммерческой недвижимости, в целях снижения рисков сделок является его *стандартизация*.

Стандартизация процесса кредитования под залог коммерческой недвижимости

Стандарты — это имеющие сугубо практическое значение требования к организации процессов производства банковских продуктов, отраженные в соответствующем документе и применяемые кредитными организациями добровольно на постоянной основе. В основе документа о стандарте — передовой зарубежный и отечественный опыт управления, лучшая банковская практика, международные стандарты.

В России разработка стандартов банковской деятельности — прерогатива Ассоциации российских бан-

Таблица 1. Матрица требований по составляющим процесса кредитования инвестиционных проектов
(продолжение на стр. 74)

NN п/п	Составляющие требований Стандарта	Содержание требований Стандарта
1	Цель кредитования	Крупный и средний бизнес: <ul style="list-style-type: none"> • расширение сферы своей деятельности, увеличение оборота предприятия • чаще всего — приобретение нового оборудования, земли, центра розничной торговли и т.п. • наиболее распространенный вид — нецелевой кредит на крупную сумму. Малый бизнес: <ul style="list-style-type: none"> • покупка объектов жилой недвижимости для предпринимательской деятельности, ремонт коммерческого имущества, строительство объекта для предпринимательской деятельности.
2	Срок кредитования	От 3 лет до 10 лет
3	Обеспечение по кредиту	<ul style="list-style-type: none"> • офисная недвижимость: • кабинеты, здания, офисы, бизнес-центры и т.д. • промышленная собственность: производственные цеха, склады, объекты для хранения товаров и т.д. • розничная недвижимость
4	Процентная ставка по кредиту	9,5–17% годовых
5	Условия погашения кредита	<ul style="list-style-type: none"> • ежемесячно/ежеквартально • отношение ЧОД (чистого операционного дохода) к общей сумме погашения кредита в каждом отчетном периоде было $\geq 1,2$ • допускается погашение части ссуды в конце срока кредитования в объеме $\leq 50\%$ от рыночной стоимости залога
6	Способы погашения кредита	<ul style="list-style-type: none"> • перевод средств со счета, принадлежащего ИП, физ. лицу или компании • внесение наличных денег в кассу банка • использование терминалов
7	Требования к информации заемщика	<ul style="list-style-type: none"> • история образования, учредители, количество сотрудников, преобладающие виды деятельности, профильная продукция, опыт работы в отрасли, сведения контрагентах и конкурентах, кредитная история • собственником какой недвижимости является: общая площадь объекта, арендопригодная площадь, адрес объекта • сведения о собственнике заемщика: юридический статус, опыт работы в недвижимости, информация о других активах и обязательствах • основные конкуренты, расположенные в районе (бизнес-центры, ТРЦ и т.п.)
8	Требования к объекту коммерческой недвижимости	<ul style="list-style-type: none"> • используется в бизнес-целях для получения прибыли или увеличения капитала • ликвидность — чем большую ценность объект представляет на рынке, тем больше вероятность одобрения сделки • расположение желательно в зоне обслуживания банка, в регионе ведения бизнеса организации • отсутствие обременений и ареста • здание, в котором расположен объект, не числится в списках на снос/реконструкцию • возможны дополнительные требования: к материалам, фундаменту, состоянию кровли, перекрытиям и т.п.
9	Проведение маркетинговых исследований	<ul style="list-style-type: none"> • какие средние цены аренды помещений в аналогичных объектах¹ • как менялись цены в течение последних 5 лет • какова средняя заполняемость объектов данного класса в населенном пункте • как менялась заполняемость и ставки аренды в кризис • оценка стоимости объекта методом капитализации²: • ставка капитализации 10,5% • NOI (ЧОД) объекта считать исходя из ставки аренды в объекте с учетом операционных расходов 10% от выручки и среднерыночной заполняемости • оценка стоимости объекта методом сравнения с другими предложениями на рынке

Таблица 1 (продолжение). Матрица требований по составляющим процесса кредитования инвестиционных проектов (продолжение на стр. 75)

NN п/п	Составляющие требова- ний Стандарта	Содержание требований Стандарта
10	Требования при расчете финансовой модели	<ul style="list-style-type: none"> • денежный поток прогнозируется в поквартальной разбивке • кредит обслуживается и гасится исключительно из денежных потоков объекта • соответствие уровня ставок аренды и заполняемости помещений рыночным • соответствие темпов индексации ставок аренды рыночным • учет необходимости текущего и капитального ремонта для поддержания объекта в хорошем состоянии • учет возможного налога на недвижимость • индексация расходов как минимум на размер инфляции • устойчивость модели к стресссценарию (снижение заполняемости, более низкая индексация ставок) • амортизация основного долга по кредиту равными долями или с постепенным увеличением суммы платежа • остаток непогашенного к концу срока кредита не должен превышать 65–70% основного долга³ • стоимость заложенного имущества должна в любой момент с запасом превышать сумму остатка долга, чтобы в случае дефолта по кредиту банк имел возможность в судебном порядке истребовать предмета залога и быстро его реализовать, предоставив покупателю скидку • основные показатели модели • LTV — loan to value (остаток основного долга по кредиту на конец каждого периода в модели/рыночная стоимость объекта недвижимости без НДС) • CFADS — cash flow available for debt service — операционный денежный поток (OCF) до уплаты процентов и основного долга по кредитам, до инвестиционных вложений (= OCF + % по кредитам + ICF + поступление кредитов) • DSCR — debt service coverage ratio — отношение CFADS к сумме текущих платежей по кредиту (= CFADS за каждый период (квартал) в модели/платеж по основному долгу + платеж по процентам за тот же период)
11	Требования к составу договорной и иной документации	<ul style="list-style-type: none"> • учредительные документы: Устав со всеми изменениями и Учредительный договор (при наличии) • свидетельство о государственной регистрации, постановке на налоговый учет, присвоении ОГРН • финансовая и налоговая отчетность за последний отчетный период • копии контрактов с партнерами, контрагентами • документы на объект обеспечения • личные документы собственника недвижимости, учредителей организации, заявителя по кредиту • выписка из ЕГРИП • ИНН • протоколы (решения) о назначении руководителей • балансы организации за определенный период • документ с оценкой закладываемой недвижимости от независимого оценщика • свежие документы БТИ на здание/сооружение
12	Организация оценки эффективности проекта	<p>Анализ кредитующим подразделением:</p> <ul style="list-style-type: none"> • инвестиционных возможностей компании, эффективности проекта, реальности источников погашения, рисков проекта • показателей бизнес-плана

¹ Изучить сайты агентств – Knight Frank, SA Ricci, JLL, сайты по аренде – cian.ru, прочие источники – Ведомости, РБК и др.

² Стоимость объекта = NOI (чистый операционный доход) / cap. rate (ставка капитализации)

³ Эта цифра может быть больше или меньше, важно, чтобы к концу срока кредитования заемщик мог свободно рефинансировать остаток долга в другом банке или погасить кредит из накопленных свободных средств

Таблица 1 (продолжение). Матрица требований по составляющим процесса кредитования инвестиционных проектов

NN п/п	Составляющие требований Стандарта	Содержание требований Стандарта
13	Распределение функциональных обязанностей	<ul style="list-style-type: none"> • наличие выделенных кредитных специалистов либо самостоятельного инвестиционного подразделения • наличие в ВНД банка (внутренних нормативных документах) разграничения функций экспертизы проекта, принятия решения, мониторинга, контроля уровня риска, оценки стоимости залога, работы с проблемной задолженностью
14	Организация юридического сопровождения	Правовая экспертиза документов службой юрисконсультов
15	Обеспечение экономической безопасности	Анализ заемщика ОБИЗИ (отделом безопасности и защиты информации)
16	Организация оценки рисков	Проработка стресс-сценария: индексация ставки долгосрочной и краткосрочной аренды: первый год индексируется на темп прироста инфляции, затем в течение 6 кварталов фиксированная, затем снова индексируется на темп прироста инфляции заполняемость БЦ — 85% на протяжении всего периода прогнозирования, но снижается до 50% на протяжении 3-х кварталов подряд через 1 год после выдачи кредита (1й квартал 60%, 2й квартал 50%, 3й квартал 60%, затем восстановление до 85%)

Составлено автором

ков (АРБ), где был создан Координационный комитет по стандартам качества банковской деятельности. К настоящему времени АРБ одобрено более 15 стандартов, основная часть которых — стандарты качества банковских бизнес-процессов, методологические документы.

Представляется, что назрела необходимость создания Стандарта процесса кредитования заемщиков под залог объектов коммерческой недвижимости как инструмента управления вышеуказанными кредитными и иными рисками.

Цель Стандарта — содействие развитию банковского кредитования под залог коммерческой недвижимости путем решения следующих задач:

- ♦ выработка единых требований и подходов к организации процесса кредитования под залог объектов коммерческой недвижимости;
- ♦ снижение кредитных и иных рисков;
- ♦ вовлечение в сферу кредитования под залог коммерческой недвижимости, банков, представителей бизнес-сообщества и др.

Целесообразность стандартизации залогового кредитования отмечается и в экономической литературе [4] [5].

Императивами Стандарта организации процесса кредитования под залог коммерческой недвижимости, в частности, являются: информация о заемщике; требования к компании, объекту коммерческой недвижимо-

сти и к составу договорной и иной документации; рекомендации при расчете финансовой модели; условия погашения кредита и др.

Заинтересованными сторонами в использовании Стандарта, с точки зрения ожидаемого результата, являются:

- ♦ кредитные организации: повышение их конкурентоспособности, эффективности управления рисками, качества системы внутреннего контроля, снижение издержек, рост рентабельности кредитных операций;
- ♦ заемщики: стандартизированные требования к проектам, оценке кредитоспособности, мониторингу хода проекта, а также регламентация процесса выдачи, сопровождения и погашения ссуд.

Цели и задачи Стандарта, требования к заемщикам, предмету залога, структура финансовой модели отражаются в Матрице требований по составляющим процесса данного вида кредитования (см. табл. 1).

Выводы

Одним из инструментов совершенствования бизнес-процесса кредитования компаний под залог коммерческой недвижимости, в целях снижения рисков сделок, является его стандартизация. Предлагаемый Стандарт находится на стыке двух направлений: продуктового и технологического. В нем содержатся требова-

ния, во-первых, к банковскому продукту с учётом его качественных и количественных характеристик, во-вторых, к качеству оформления процесса и его составных частей. Центральный элемент Стандарта — построение финансовой модели в виде максимально детализированного

плана снижения рисков при кредитовании. Внедрение Стандарта в банковскую практику будет способствовать непрерывному совершенствованию бизнес-процессов в целях снижения рисков банковского кредитования клиентов под залог коммерческой недвижимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варфоломеева В.А., Иванова Н.А., Архипова И.И. Особенности предоставления коммерческой ипотеки юридическим лицам банками в Российской Федерации // Транспортное дело в России. 2017. №2. С. 31–33.
2. Перхайло В.В. Коммерческая ипотека в Российской Федерации: риск для банков, возможность для предпринимателей // Инновационная наука. 2016. № 1–3. С. 137–139.
3. Мартыненко Н.Н. Коммерческая ипотека для малого и среднего бизнеса: проблемы и перспективы внедрения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». —2014. -№ 11. -С. 66–70.
4. Семенова Н.Н. Залоговый механизм как эффективный способ обеспечения возвратности кредита // В сборнике: Современные проблемы и перспективы развития банковского сектора России. Материалы II всероссийской научно-практической конференции с международным участием (заочной). 2017. С. 389–397.
5. Никерясов А.В. Проблемы развития ипотеки под коммерческую недвижимость в России в современных условиях // Экономические науки. 2012. №87. С. 288–291.

© Ушанов Александр Евгеньевич (Ushanov_0656@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Финансовый университет при Правительстве РФ

МАРКИРОВКА МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ: ОБЗОР МНЕНИЙ

DAIRY PRODUCT LABELING: AN OVERVIEW OF OPINIONS

O. Yakovleva
G. Loktionova
O. Liseykina

Summary. The article deals with the introduction of labeling of dairy products using a QR code. Foreign and domestic experience in the use of marking is presented. The opinions of experts, specialists and consumers are highlighted. Conclusions are made about the emerging economic risks and the need for more balanced approaches to the introduction of labeling due to the social significance of dairy products is noted.

Keywords: dairy industry, labeling of dairy products, opinions of experts, specialists, consumers.

Яковлева Ольга Анатольевна

К.с.-х.н., доцент, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологий — МВА им. К. И. Скрябина», г. Москва
yakovleffo@yandex.ru

Локтионова Галина Робертовна

К.с.-х.н., доцент, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологий — МВА им. К. И. Скрябина», г. Москва
galina.lokti@yandex.ru

Лисейкина Ольга Витальевна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологий — МВА им. К. И. Скрябина», г. Москва
ofoxi73@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены аспекты введения маркировки молочной продукции с помощью QR-кода. Представлен зарубежный и отечественный опыт применения маркировки. Освещены мнения экспертов, специалистов и потребителей. Сделаны выводы о возникающих экономических рисках и отмечена необходимость более взвешенных подходов к введению маркировки в силу социальной значимости молочной продукции.

Ключевые слова: молочная отрасль, маркировка молочной продукции, мнения экспертов, специалистов, потребителей.

В Российской Федерации ежегодно производится более 5 млн. тонн переработанного питьевого молока, более 3,5 млн. тонн кисломолочных продуктов и 400 тыс. тонн мороженого. Несмотря на усилия контрольных ведомств, риски фальсификата и контрафакта на рынке молочных продуктов не теряют своей актуальности. По оценке экспертов доля фальсификата составляет 4,5–5%.

С 1 июля 2018 г. вступила в действие ФГИС «Меркурий», задачей которой является автоматизация ветеринарной сертификации и обеспечение надзора за производством, оборотом и перемещением животноводческой продукции. В 2020 г. наравне с использованием системы электронной ветеринарной сертификации «Меркурий» для участников молочного рынка предложено введение цифровой системы маркировки молочной продукции.

Распоряжением Правительства № 1533 от 13 июля 2019 г. в перечень товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации [1] были включены отдельные виды молочной продукции. Распоряжением № 2647-р от 8 ноября 2019 г. срок введения обязательной маркировки отдельных видов молочной

продукции установлен 1 июня 2020 г. [2]. Позже начало обязательной маркировки было перенесено на 20 января 2021 г.

Эксперимент по маркировке начался в июле 2019 г. и должен был завершиться в начале 2020 г. Ранее Минпромторг предлагал продлить сроки эксперимента по маркировке молочной продукции до 31 августа 2020 г., что по мнению ведомства позволило бы молочной отрасли получить больше времени для отработки всех процессов и форматов взаимодействия с Центром развития перспективных технологий (ЦРПТ), являющимся оператором цифровой системой маркировки «Честный Знак».

По данным ЦРПТ общее число участников эксперимента на конец марта 2020 г. составляло 1288 компаний, при этом подавляющая часть участников — это ритейлеры [3].

Технологически маркировка молочной продукции идентична процессам маркирования других продуктов. На каждую единицу (упаковку), а в некоторых случаях более крупную тару, крепится специальная метка. Она

представляет собой QR-код в виде квадрата с черными точками в формате Data Matrix. В нем зашифрованы все данные о товаре: наименование производителя, товара, бренд, номер декларации соответствия, срок годности и иное. Потребители смогут проверить подлинность продукции с помощью мобильного приложения «Честный знак», установленного на любой гаджет.

Россия не является первооткрывателем процедуры и технологии маркировки. Существует несколько глобальных подходов к решению задачи по созданию национальных систем обязательной маркировки товаров.

В Евросоюзе решение об обязательной маркировке построено на жесткой централизации и главенстве государства в управлении процессом. Такой подход позволяет сохранять честную конкуренцию, поскольку основной регулятор выступает в качестве гаранта чистоты рынка.

Альтернативное решение реализовано в США: на территории государства функционирует несколько систем маркировки одновременно, они конкурируют между собой.

В Китае не существует жестких правил, обязывающих участников товарооборота маркировать свой товар, однако она считается хорошей практикой в бизнесе. Поэтому производители добровольно делают небольшие взносы на поддержание данной системы контроля, так как именно они являются основными ее бенефициарами.

Ключевая цель таких систем — вытеснение с рынка контрафактной продукции — достигается достаточно быстро. Это подтверждается и российским опытом, и мировой практикой [4].

В России в настоящее время уже существуют системы маркировки для алкоголя и меховых изделий. Они продемонстрировали эффективность. Так, например, благодаря запуску обязательной маркировки шуб в 2016 г. только за год доля легального оборота изделий выросла в 10 раз. А в рамках эксперимента по маркировке лекарств было выявлено нарушений на полмиллиарда рублей и пресечены случаи вторичной продажи дорогостоящих препаратов [5].

Сейчас проходят эксперименты по маркировке товаров в нескольких отраслях. В 2019 г. обязательной стала маркировка духов, табака, шин и пневматических покрышек, фотокамер и ламп-вспышек, а также пяти групп изделий легкой промышленности, в том числе обувь, и с 1 июля 2020 г. предусмотрена обязательная маркировка лекарств.

Несмотря на заявленную благую цель и задачу маркировки молочной продукции — обеспечить население качественными продуктами, у нее оказалось очень много критиков.

Первый вопрос, который возник у экспертов, «не будет ли система маркировки дублировать работу системы «Меркурий»? На данном этапе уже ясно, что эти две системы являются единой цепью, позволяющей показать покупателю полную историю продукта — «от коровы до прилавка», так как «Меркурий» дает возможность отследить продукт от фермы до завода. А маркировка QR-кодом позволит определить путь товара от предприятия до конечного потребителя. Уже создан и запущен единый интерфейс для работы в системе маркировки «Честный знак» и системе ветеринарного сопровождения «Меркурий» для молочной отрасли [6].

Очень важным аспектом сомнений в целесообразности введения маркировки каждой единицы продукции является расходы на внедрение проекта для производителей. Еще в начале эксперимента по оценкам ЦРПТ затраты на маркировку единицы продукции в молочной отрасли могли составлять от 1 до 8 копеек. Но в отраслевом союзе отмечают, что подобная стоимость будет актуальна только для тех, кто сможет распределить вложения на внедрение системы как минимум на 60 лет. Те же участники рынка, кто будет вынужден сразу инвестировать в оборудование для маркировки, будут тратить до 62 копеек на каждую единицу продукции. Учитывая стоимость расходных материалов, техническое обслуживание, временные затраты сотрудников и обучение персонала, по предварительным оценкам, совокупные единовременные инвестиции отрасли могут составить около 25 млрд. руб., а ежегодные затраты — около 20 млрд. руб. Позднее, анализируя результаты пилотного проекта, сумма вложений была уточнена до не менее 61,3 млрд. руб. только в первый год.

По мнению Россельхознадзора введение маркировки в большей мере скажется на стоимости дешевой продукции, где упаковочная единица стоит недорого. Как известно, сам QR-код стоит 50 копеек, к которым придется добавить и процедуру нанесения, покупку принтеров, ридеров, операционные расходы и прочее [7].

Того же мнения придерживаются и переработчики сырья. По мнению заместителя гендиректора Санкт-Петербургского молочного завода «Пискаревский» Г. Житмарева, «...результаты эксперимента пока не дают сделать вывод о готовности отрасли к маркировке». Только прямые затраты на нанесение кода оцениваются суммарно в 3% от стоимости продукции.

Технический директор компании «Курское молоко» К. Горин отмечает, что «...нет понимания, даже ориенти-

ровочно, о стоимости полного комплекта оборудования для маркировки. Оборудование, которое предлагается установить, на 99% импортное, крайне дорогостоящее. Дополнительно потребуются затраты на обучение персонала. При этом для глазированного сырка с отпускной ценой пять рублей рост себестоимости при маркировке составит 10%. Все это грозит ростом цен, так как потянет затраты на логистику и у ритейлеров» [8].

Председатель совета директоров «Тульского молочного комбината» А. Ширинкин оценивает увеличение себестоимости на 5–6% при введении маркировки и прогнозирует, что для многих, особенно мелких производителей это повлечет уход с рынка [9].

Таким образом, участники эксперимента в молочной отрасли подсчитали, что в среднем расходы на маркировку поднимут себестоимость их продукции примерно на 10%, а прямые затраты на оборудование и нанесение маркировки могут достигнуть 3% от себестоимости производства. Как вывод — небольшие и средние переработчики могут не справиться с такими затратами.

В Союзмолоко подчеркивают, что в нынешних экономических условиях дополнительная и нецелесообразная нагрузка отрасли не нужна. По их мнению, необходимо отказаться от введения обязательной маркировки молочной продукции. По итогам тестового нанесения кодов на предприятиях не удалось подобрать оптимальные опции нанесения и типы оборудования для многих видов упаковки. Все производственные линии обследованных предприятий нуждаются в дооснащении. Некоторые решения приводят к существенному замедлению линий (вплоть до 50%), что негативно отразится на производительности всей отрасли [10]. Это ставит под угрозу стабильность поставок отечественной молочной продукции. Дополнительные затраты на маркировку приведут к снижению доступности качественной молочной продукции и росту себестоимости производства продукции минимум на 3–4% и, как следствие, — к повышению цен для потребителей.

Производители упаковки предупреждают, что необходимость инвестиций и замедление скорости печати приведут также к росту стоимости упаковочных решений. Кроме того, до текущего момента не проводилось тестирования логистических операций, хранения и учета маркированной продукции. В среднем чтобы оснастить одну производственную линию требуется от 4 млн. до 10 млн. руб. При этом поставщики оборудования не гарантируют стопроцентную считываемость кодов, и часть продукции должна быть списана, а это дополнительные потери бизнеса [11].

Таким образом, все эксперты и представители бизнеса однозначно утверждают, что из-за маркировки неиз-

бежно повышение цены на готовую продукцию, потому что за каждый уникальный код на единицу продукции придется заплатить переработчикам, а те, в свою очередь, переложат свои затраты на потребителя. Кроме этого, они делают заключение, что предложенная система не справляется с заявленными функциями, так как не обладает специфическими характеристиками, направленными на противодействие обороту фальсифицированной продукции, такими, как контроль сырья и состава продукции. При этом отмечая, что есть специальные надзорные органы, у которых должна быть возможность привлекать недобросовестных производителей к уголовной, а не только административной ответственности.

Здесь интересна точка зрения потребителей. В Российской Федерации потребление молока и молочных продуктов в среднем на человека составляет 81,7% от рациональной нормы, при этом доля расходов на покупку продуктов питания в потребительских расходах занимает около трети, доля молока и молочных продуктов в них составляет около 17%.

По результатам опросов ВЦИОМ около двух третей респондентов за введение маркировки: на продуктах питания (47%), молочной продукции (23%), товарах и продуктах для детей (18%), на алкоголе (17%), на мясной и рыбной продукции (14%). Большинство респондентов (92%) считают, что производители контрафакта должны нести административную или уголовную ответственность, 94% также поддерживают ответственность для государственных органов, допустивших производство или продажу нелегальной продукции, 83% выступают за введение ответственности для продавцов [12].

Это однозначно говорит о существующем в обществе запросе на безопасность и качество потребления, а также на реальную ответственность производителей и продавцов нелегальной продукции.

При этом около трети опрошенных потребителей готовы платить, но не более 5% роста стоимости продуктов питания, 18% респондентов — свыше 5–10% от стоимости и почти половина опрошенных категорически не готовы платить больше из-за введения маркировки за продукты [13].

Мнение экспертов и специалистов, отмечающих неготовность отрасли и возникающие в связи со значительными вложениями риски, с одной стороны, и неготовность населения взять на себя дополнительные траты, с другой стороны, позволяют сделать вывод о том, что в сложившихся экономических условиях введение маркировки на молочную продукцию нельзя рассматривать своевременным и целесообразным. Механизм, в силу социальной значимости молочной продукции, требует дополнительной проработки и уточнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайт Правительства РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения 19.04.2020)
2. Сайт Правительства РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://government.ru/docs/38350/> (дата обращения 19.04.2020)
3. Сайт «Честный знак». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://честныйзнак.рф/business/projects/dairy/> (дата обращения 19.04.2020)
4. Закон об обязательной маркировке: мировой опыт и российские реалии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://infostart.ru/journal/news/uchet-nalogi-pravo/zakon-ob-obyazatelnoy-markirovke-mirovoy-opyt-i-rossiyskie-realii_977584/ (дата обращения 20.04.2020)
5. Все о маркировке товаров. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://kontur.ru/articles/5365> (дата обращения 18.04.2020)
6. В молочной отрасли заработал единый интерфейс системы маркировки и «Меркурий»//DairyNews.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.dairynews.ru/news/v-molochnoy-otrasli-zarabotal-edinyy-interfeys-sis.html> (дата обращения 18.04.2020)
7. Промежуточные результаты и мнение о маркировке молочных товаров. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://меркурий-россельхознадзор.рф/блог/промежуточные-результаты-и-мнение-о-м/> (дата обращения 20.04.2020)
8. Производители «молочки» оценили эксперимент по маркировке товаров. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20200203/1564174352.html> (дата обращения 19.04.2020)
9. В Госдуме обсудили результаты эксперимента по маркировке молочной продукции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://milknews.ru/longridy/V-Gosdume-obsudili-rezultaty-po-markirovke-molochnoj-produkcii.html> (дата обращения 19.04.2020)
10. Союзмолоко просит перенести маркировку молочной продукции до конца эпидемии коронавируса. // DairyNews.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.dairynews.ru/news/soyuzmoloko-prosit-perenesti-markirovku-molochnoy-.html> (дата обращения 19.04.2020)
11. Артем Белов: Союзмолоко по-прежнему убеждено, что обязательная маркировка молочному рынку не нужна. // DairyNews.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.dairynews.ru/news/artem-belov-soyuzmoloko-po-prezhnemu-ubezhdeny-cht.html> (дата обращения 19.04.2020)
12. ВЦИОМ. Аналитический обзор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10138> (дата обращения 20.04.2020)
13. Россияне готовы платить за белый творог, а не за серый творожный продукт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2F2020-02-04%2F100_milk040220.html (дата обращения 20.04.2020)

© Яковлева Ольга Анатольевна (yakovleffo@yandex.ru),

Локтионова Галина Робертовна (galina.lokti@yandex.ru), Лисейкина Ольга Витальевна (ofoxi73@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ

Булгакова Луиза Сираджеддиновна

Старший преподаватель, Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации
bluiza@mail.ru

CORRUPTION IN THE ACTIVITIES OF OFFICIALS IN THE FIELD OF ECOLOGY

L. Bulgakova

Summary. The article is devoted to corrupt appearances by environmental officials. This article reveals not only the concept of “corruption”, but also touches on various environmental fields, where corruption factors are manifested in this field. At the end, some solutions to this problem are suggested.

Keywords: corruption, ecology, environment, unlawful acts, nature management, environmental safety.

Аннотация. Статья посвящена коррупционным проявлениям со стороны должностных лиц в сфере экологии. В данной статье раскрывается не только понятие «коррупция», а также и затронуты различные сферы экологии, где проявляется коррупционные факторы в указанной сфере. В конце предлагаются некоторые пути решения указанной проблемы.

Ключевые слова: коррупция, экология, окружающая среда, противоправные деяния, природопользование, экологическая безопасность.

Для современного общества экология является весьма актуальной сферой и связано это с тем, что человек, в связи с боязнью нарастания экологических проблем, истощения природных ресурсов и иных экологических проблем, изменил свое отношение к окружающей среде. Многие страны мира уже давно проводят совместные мероприятия, форумы, различные съезды, которые в дальнейшем дают свои положительные плоды в сфере экологии.

Проблема коррупции в различных сферах деятельности органов государственной власти и местного самоуправления носит глобальный и системный характер. Важной составляющей процесса противодействия коррупции и соблюдения указанных ограничений являются меры административной и уголовной ответственности.

В настоящее время вопросу охраны окружающей среды и природопользования в Российской Федерации

уделяется особое внимание, в том числе и со стороны законодательной системы.

На постоянной основе в различные нормативно-правовые акты страны вносятся изменения в данной сфере, ответственность за нарушение которых ужесточается с каждым днем, однако данная мера не позволяет до конца искоренить коррупционные проявления в сфере экологии.

Сфера экологии и природопользования является потенциально коррупциогенной сферой, которая существует с древних времен и вопрос урегулирования затронут весьма непродуктивно.

Перед тем как рассматривать коррупционные проявления в сфере экологии и природопользования со стороны должностных лиц необходимо понять, что же такое коррупция в целом, в толковом словаре русского языка

коррупция представляет из себя моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении [5].

Юридическая литература под коррупцией понимает действия должностных лиц государственной власти, либо служащих коммерческих или иных организаций направленные на получения выгоды в виде денег, ценностей, либо иного имущества, путем совершения возложенных на них полномочий и обязанностей.

Также вышеуказанное понятие закреплено в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» согласно которому, коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение деяний, от имени или в интересах юридического лица [6].

В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ существует понятие как государственный экологический надзор, под которым понимаются деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, их уполномоченными представителями и гражданами требований, установленных в соответствии с международными договорами Российской Федерации, федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации в области охраны окружающей среды, посредством организации и проведения проверок указанных лиц, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений, и деятельность уполномоченных органов государственной власти по систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния соблюдения обязательных требований при осуществлении органами государственной власти, органами местного самоуправ-

ления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами своей деятельности.

Вышеуказанный надзор осуществляется уполномоченными федеральными органами исполнительной власти (федеральный государственный экологический надзор) и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (региональный государственный экологический надзор) (далее — органы государственного надзора) согласно их компетенции в соответствии с законодательством Российской Федерации в установленном порядке.

Государственный экологический надзор включает в себя:

- ◆ государственный надзор за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр;
- ◆ государственный земельный надзор; — государственный надзор в области обращения с отходами;
- ◆ государственный надзор в области охраны атмосферного воздуха;
- ◆ государственный надзор в области использования и охраны водных объектов;
- ◆ государственный экологический надзор на континентальном шельфе Российской Федерации и иное.

Возникает вопрос, почему коррупция в сфере экологии столь актуальна.

Дело в том, что экология это не паханое поле различных благ, такие как земля, недра, леса, животный мир и иное.

К основным коррупциогенным сферам в области экологии и природопользования в Российской Федерации можно отнести следующие направления:

- ◆ незаконная добыча природных ресурсов;
- ◆ незаконная вырубка лесных насаждений;
- ◆ загрязнение атмосферы, водоемов, почвы;
- ◆ контрабанда животных, а также объектов флоры и фауны;
- ◆ выдача должностными лицами различных лицензий и иные противоправные деяния в изучаемой сфере.

Эти и многие другие направления являются востребованными и несут за собой правонарушения коррупционного характера как со стороны должностных лиц, так и с другой стороны.

Проявления коррупции в природопользовании весьма разнообразны, что связано с большим количеством

природных ресурсов и компонентов природной среды (земля, недра, животный и растительный мир), а также с возможностями распоряжаться ими.

Согласно статистическим данным 15% уголовных дел коррупционной направленности относятся к сфере экологии и возбуждены в отношении должностных лиц [2], большая часть указанных дел возбуждена в связи с такими правонарушениями как:

1. Получение определенных лицензий на использование вод, лесов, атмосферного воздуха, недр, животного мира, а также иных лицензий, предусмотренных законодательством Российской Федерации.
2. Незаконное пересечение таможенной границы Российской Федерации, путем содействия в уклонении от уплаты таможенных платежей, перевозки объектов флоры и фауны и иное;
3. Уклонение от уголовной ответственности и административной;
4. Охрана незаконной добычи природных ресурсов от правоохранительных и иных контрольно-надзорных органов.

Данный список является не исчерпывающим, однако данные «услуги» являются наиболее востребованными и как следствие является высокооплачиваемыми.

Рассмотрим такую сферу в экологии как лесопользование, коррупция в данной сфере сопровождается на всех этапах, например: выделение лесных участков, незаконная рубка лесных насаждений, заготовка леса, транспортировка и сбыт леса.

В указанной сфере есть ряд определенных действий со стороны должностных лиц, за совершение которых указанные лица получают определенное вознаграждение:

1. Выделение лесных участков в пользование: проведение конкурсов и аукционов с нарушениями требований федерального законодательства, незаконное предоставление различных участков различной категории для проведения лесозаготовок под видом санитарных рубок и иное.
2. При осуществлении заготовки леса: бесконтрольная рубка без разрешительных документов, вне предел предоставленных участков, несоответствие предоставленным объемам.
3. При транспортировке и сбыте: обеспечение бесконтрольного перемещения срубленного леса и иное.

Анализируя судебную практику, можно сделать вывод, что сфера недропользования является весьма проблематичной сферой и самые распространенные

нарушения в данной сфере является безлицензионная добыча полезных ископаемых: гравия, песка, песчано-гравийных отложений.

Указанные нарушения причиняют ущерб в том числе и водным объектам, рыбному хозяйству, природной среде и иное.

Затрагивая сферу недропользования, можно выделить ряд различных коррупционных проявлений, связанные с сокрытием нарушений в указанной сфере:

1. Незаконное использование недр, без разрешительных документов, при осуществлении строительства, размещения и иное;
2. Ненадлежащее использование недр, либо их использование вопреки выданной лицензии;
3. Добыча полезных ископаемых сверх установленного в лицензии объема;
4. Использование недр по незаконно полученной или просроченной лицензии и др.

Хотелось бы отметить, что нарушения в сфере добычи песчано-гравийной смеси выявляются крайне редко.

Основная часть нарушений допускается со стороны местной администрации при заключении соглашения на благоустройство и укрепление берегов рек.

Также одной из весьма коррупционных направлений является охрана и использование водных объектов, так например:

1. Сокрытие правонарушений выявленных контролирующими органами в ходе проведенной проверки;
2. Осуществление водопользование без разрешительных документов и иное.

Объекты животного мира, флоры и фауны также являются весьма коррупционной сферой. Браконьерство на сегодняшний день весь распространенный вид правонарушения, попустительство со стороны должностных лиц также сопутствует указанному проявлению.

Еще одним видом преступления является перемещение через границу редких видов животных, в том числе занесенных в Красную книгу.

В заключение следует отметить, что борьба с коррупцией в указанной сфере является весьма актуальной.

Для достижения успеха в борьбе с указанными преступлениями необходимо всем органам власти объединить усилия путем четкого распределения действий среди правоохранительных, контролирующих и надзирающих органов.

Кроме того, необходимо совершенствовать законодательство в указанной сфере с целью устранения коллизий, противоречий, деклараций и пробелов и развивать единую систему государственного контроля в сфере природопользования на основе применения единых государственных стандартов.

Также одним из эффективных методов борьбы является повышение уровня подготовки руководителей органов государственной власти и местного самоуправления, наделенных правом принимать решения в сфере экологической безопасности. Президент России отметил, что не должно быть так, чтобы решения по защите окружающей среды зависели от людей, которые сами и воду чистую

пьют, и живут в хороших экологических условиях, а огромные трудовые коллективы и все, что вокруг, движется и живет неблагоприятной экологической ситуации [4].

Кроме вышеизложенного, не надо забывать, что повышение экологической грамотности населения, также влияет на общую картину.

С другой стороны, необходимо обеспечить предусмотренную законом ответственность за коррупционные нарушения: административную, дисциплинарную, гражданско-правовую [1]. При этом, объяснить гражданам, что уголовной ответственности подлежат не только должностные лица, но и любые физические лица [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцов С.А., Ляхов В. П. О дисциплинарной, административной и гражданско-правовой ответственности государственных и муниципальных служащих за коррупционные правонарушения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 4 (59). С. 54–61.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации в январе-декабре 2018 года Доступ: <https://мвд.рф/reports/item/17926489/>. Дата обращения: 09.01.2020.
3. Понеделков А.В., Воронцов С. А. Основные направления государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 1 (46). С. 4–11.
4. Правосознание. Доступ: <http://www.pravosoznanie.org/2545>
5. Толковый словарь русского языка. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведов. Доступ: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12029>. Дата обращения: 09.09.2019.
6. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. — 29.12.2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.

© Булгакова Луиза Сираджединовна (bluiza@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

ОГРАНИЧЕНИЕ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОЧЕТАНИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

LIMITING CITIZENS 'PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS FOR BIOLOGICAL SECURITY: A COMBINATION OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS

A. Valevskaya

Summary. The article is devoted to the issues of biosafety and the position of the legislator on the possibility of restricting for this purpose the personal non-property rights of citizens and combining such restriction with the personal and public interests of the state. It is noted that limiting subjective civil rights as interference in private affairs and in the unhindered exercise of rights is possible as an exception to the general rule on the exercise of civil rights by virtue of personal discretion. The article states that the key component of such restriction is the inadmissibility of arbitrary prohibition, which is based on the requirement that the rights of citizens cannot be diminished (art. 55, para. 2, of the Constitution of the Russian Federation), on the leading normative legal acts.

Keywords: biological safety, personal non-property rights, personal interests, public interests, restriction, freedom of movement, choice of place of residence and residence.

Валевская Ангелина Анатольевна

*К.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»
a.valevskaya@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросам биологической безопасности и позиции законодателя относительно возможности ограничения с указанной целью личных неимущественных прав граждан и сочетания подобного ограничения с личными и публичными интересами государства. Отмечено, что ограничение субъективных гражданских прав, как вмешательство в частные дела и в беспрепятственное осуществление прав, представляется возможным в качестве исключения из общего правила об осуществлении гражданских прав в силу личного усмотрения. В статье указано, что ключевой составляющей подобного ограничения выступает недопустимость произвольного запрета, что основано на требовании о невозможности уменьшения прав граждан (ч. 2 ст. 55 Конституции РФ), на ведущих нормативных правовых актах.

Ключевые слова: биологическая безопасность, личные неимущественные права, личные интересы, публичные интересы, ограничение, свобода передвижения, выбор места пребывания и жительства.

Человеческое общество и государство прошли достаточно длительный исторический путь, чтобы прийти к осознанию и к воплощению в реальную жизнь принципа первостепенного значения личных неимущественных прав граждан. Ценность любой правовой системы определяется именно той ролью, какая отводится фундаментальным основам, на которых базируются личные неимущественные права и обеспечиваются интересы индивида в корреляции с публичными интересами. Законодатель при этом не вмешивается в содержание всех без исключения личных неимущественных прав, а призван обозначить внешние границы их осуществления, регламентируя ряд наиболее важных аспектов, включая ограничения в сфере биологической безопасности, которая охватывает значительную область санитарно-эпидемиологического состояния, смежные сферы ветеринарно-санитарного, а также фитосанитарного контроля, экологической безопасности, среды обитания и используется при имеющих большое значение мероприятиях по предупреждению и ликвида-

ции чрезвычайных ситуаций биологического характера [1, с. 6].

Вопросы обеспечения безопасности волнуют человечество на протяжении всех этапов цивилизационного развития. После двух мировых войн и прекращения режима «холодной войны» не оправдали себя надежды относительно уменьшения количества угроз международной и национальной безопасности, к числу которой относится биологическая безопасность. Межгосударственные и национальные конфликты, террористические акты, угроза ядерной войны, многочисленные чрезвычайные ситуации техногенного и природного характера продолжают представлять особую опасность и угрозу безопасности и в XXI в. [2, с. 49]. В связи с этим, политика безопасности государства и мирового сообщества, в целом, может быть определена в качестве особой деятельности по обеспечению международной, национальной и иных видов безопасности, а политика национальной безопасности в государственном масштабе

должна развиваться, как во внешнегосударственном, так и в внутреннегосударственном масштабах [3, с. 62].

В современной России фундаментальные основы безопасности регламентированы в Конституции РФ [4] (п. 3 ст. 37, 98 и др.), в нормах Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [5] и на уровне национальной стратегии государства. Так, на основании Указа Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [6], национальная безопасность — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором реализуются конституционные права и свободы, и которая включает оборону и все виды безопасности, охраняемые законодательством, — прежде всего, государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, биологическую, энергетическую и безопасность личности.

На современном этапе российское государство уделяет особое внимание данной проблематике. Вопросы биологической безопасности, прав граждан в данной правовой плоскости, вопросам возможного ограничения личных неимущественных прав граждан нашли отражение в Указе Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» [7]. Указанным нормативным правовым актом в качестве ведущих биологических угроз современности признаны: модификация свойств, форм патогенных биологических агентов, переносчиков, мест обитания переносчиков в связи климатическими изменениями и в процессе природных катастроф; появление новых инфекций неизвестными патогенами; внесение редких либо прежде не имеющих место на российской территории инфекционных и паразитарных заболеваний, образование и распространение природно-очаговых инфекций, инфицированность новыми возбудителями, возврат исчезнувших инфекций, аварии на объектах с источниками биологической опасности, диверсии, террористические акты на подобных объектах и связанные с применением опасных биологических веществ, др.

В Проекте Федерального закона № 850485–7 «О биологической безопасности Российской Федерации» [8] от 2 декабря 2019 г. биологическая безопасность определяется как состояние защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска. Закон принят в первом чтении 22 января 2020 г. и вступил в юридическую силу с 31 марта 2020 г. Как отмечено в Пояснительной записке к Проекту закона «О биологической безопасности

Российской Федерации», на современном этапе отмечается увеличение существующих прежде и появление новых биологических угроз, что потребовало создание обновленных межотраслевых подходов, нормативной регламентации для формирования и функционирования необходимой эффективной системы обеспечения биологической безопасности.

Данный закон, — отметил заместитель председателя профильного комитета Государственной Думы РФ по охране здоровья Леонид Огуль, — закон о существовании человека, который непосредственно касается многих сфер жизни и выступит истоком создания в России комплексной правовой и иной защиты граждан от биологических и химических угроз современной цивилизации. Речь идет не только о защите от болезней, эпидемий, но и о бесконтрольном использовании лекарственных препаратов, способствующих возникновению нечувствительности человека к антибиотикам [9]. В указанной связи, ограничение прав граждан на свободное потребление антибиотиков выступит определенным ограничением личного неимущественного права на здоровье, т.е. на свободу осуществлять лечение абсолютно самостоятельно, однако признан прогрессивной мерой, обеспечивающей охрану здоровья и жизни, в целом.

Новый закон восполняет правовой пробел также о биологических угрозах террористического характера. Данный вопрос чрезвычайно важен, поскольку на территории России в 2019 г. располагается 73 особо радиационно опасных и ядерно-опасных объектов, представляющих химическую и биологическую опасность, в т.ч. в отношении хранения образцов небезопасных для жизни и здоровья человека вирусов, вызывающих эпидемии [10]. Перечень объектов не является исчерпывающим: в России эксплуатацию радиационно опасных и ядерно-опасных производств и объектов осуществляют многочисленные воинские части и организации Вооруженных Сил РФ, имеющие ядерные боеприпасы, ядерные энергетические и ядерные исследовательские установки. Биологическую угрозу России представляют также бесконтрольные археологические и палеонтологические раскопки, в результате которых обнаруженные объекты могут включать биологически-опасные факторы.

В сложившейся ситуации необходимо особое внимание к вопросам нарушения специальных правил безопасности, биологической, экологической безопасности как со стороны законодателя, правоприменителя, так и в научных кругах, занимающихся научными исследованиями в данной сфере. Новые позиции государства должны принимать во внимание, что обеспечение безопасного обращения с объектами и источниками по-

вышенной опасности напрямую зависит от соблюдения специально установленных требований и правил, нарушение которых приводит к жертвам, биологическим и экологическим катастрофам, к человеческим трагедиям.

Фундаментальная основа возможных ограничений личных неимущественных прав граждан в целях обеспечения биологической безопасности заложена в гл. 2 Конституции РФ и развита в ст. 22 ГК РФ [11]: никто не может быть ограничен в правоспособности и дееспособности иначе, как в случаях и в порядке, установленных законом. Комплекс личных гражданских прав, по поводу которых возникают личные неимущественные права, неимущественные отношения граждан, представлен в ст. 150 ГК РФ: жизнь и здоровье, достоинство, личная неприкосновенность, честь, доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни и жилища, личная, семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя, авторство, иные нематериальные блага, которые принадлежат от рождения, в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом.

Несмотря на тот факт, что регламентация системы личных неимущественных прав позволяет гражданам в силу личного усмотрения и волеизъявления определять собственное поведение в сфере частной и общественной жизни, гражданин пребывает в неизолированном обществе, является членом социума, а его личные интересы должны коррелировать с публичными интересами. Подобная корреляция присутствует во многих сферах жизнедеятельности, включая сферу обеспечения биологической безопасности. При этом особое значение имеет тот факт, что ограничение субъективных гражданских прав, как вмешательство в частные дела и в беспрепятственное осуществление возможно как исключение из общего правила о свободном осуществлении. Ключевой составляющей ограничения выступает недопустимость произвольного запрета, невозможность умаления прав граждан [12, с. 7].

В Федеральном законе «О биологической безопасности Российской Федерации» [13], вступившем в силу 31 марта 2020 года, в целях исключения биологических рисков, как вероятности причинения вреда (с учетом тяжести) здоровью человека, животным, растениям и (или) окружающей среде в результате воздействия опасных биологических факторов, особое внимание уделено правам, обязанностям граждан и публичных органов власти, т.е. корреляции частных и публичных интересов. Подобная корреляция в области обеспечения биологической безопасности проявляется в сочетании интересов и юридической ответственности, как личности, общества, так и российского государства.

К обязанностям граждан в сфере обеспечения биологической безопасности закон относит: соблюдение норм действующего законодательства в данной сфере, требований, предусмотренных законодательством в области охраны окружающей среды, охраны здоровья граждан, обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия, ветеринарной безопасности, в сфере обеспечения карантина растений, в генно-инженерной сфере деятельности, в области безопасности продукции. К обязанностям граждан по обеспечению биологической безопасности относится также реализация необходимых мер, которые исключают нарушение прав на охрану здоровья и окружающей среды от небезопасных биологических факторов (угроз).

Основной концепцией российского законодательства в данном направлении признано следующее: в случае допустимости ограничения предусмотренных законом прав государство обязано применять исключительно необходимые, но не чрезмерные ограничительные меры. Подобные изъятия могут быть оправданы публичными интересами, предусмотренными в ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ. При этом, ограничения должны отвечать принципам справедливости, выступать в качестве адекватных публичных мер, являться соразмерными и пропорциональными. Ограничительные меры при этом не сопоставляются с существом конституционного строя, не ограничивают основное содержание конституционных норм о правах и свободах граждан.

С учетом вышеизложенного, российское законодательство направлено не только на обеспечение биологической безопасности граждан, но и на защиту неотъемлемых неимущественных прав, принадлежащих индивиду от рождения.

В соответствии с действующим российским законодательством, в целях обеспечения биологической безопасности, возможным ограничениям могут подвергаться такие личные неимущественные права, как право на неприкосновенность жилища, свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства. В отношении ограничения выезда за границу по подобным основаниям, в соответствии с нормами Федерального закона от 15 сентября 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [14], в ситуации констатации факта наличия на территории иностранного государства чрезвычайной ситуации, связанной с угрозами безопасности, включая экономическую, биологическую безопасность, Правительством РФ могут быть предприняты меры по формированию для граждан рекомендаций о нежелательности въезда в определенное государство. Подобные рекомендации не признаны, однако, основанием для временного ограничения права на выезд из Российской Федерации.

Федерации, т.е. непосредственного ограничения лично-неимущественного права на свободу передвижения.

Закон № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [15] в ст. 1 предусматривает, что ограничение права граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах территории российского государства допускается исключительно в силу акта федерального законодательства. Вышеизложенное коррелирует ведущим международным документам (Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [16], Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [17] и другие международные акты) и российским нормативным правовым актам.

На основании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, ограничение права на свободу личного передвижения, избрание места пребывания и жительства на территории России может быть установлено для российских граждан, в отношении иностранных граждан, а также — лиц без гражданства. Подобные ограничения могут касаться, в частности, зон экологического бедствия, территорий и мест, в которых при наличии угрозы распространения массовых заболеваний (инфекционных, неинфекционных), отравлений введены условия и режимы особого характера проживания, экономической деятельности. Совокупность подобных территорий Российской Федерации составляют территориальные зоны, в которых введено военное и чрезвычайное положение.

Гуманистическая направленность российской Конституции, соответственно, заключается в коррективах правоотношений человека и государства: государство вправе регулировать поведение человека исключительно с целью обеспечения соблюдения сбалансированных личных, публичных и иных значимых для государства и личности интересов.

На основании Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [18], чрезвычайное положение представляет собой временную государственную меру, применяемую государством. Введение чрезвычайного положения представляется возможным исключительно в целях обеспечения безопасности граждан, защиты конституционного строя, в частности, в связи с чрезвычайными ситуациями природного, техногенного характера, экологическими ситуациями, включая эпидемии, эпизоотии, образовавшиеся в результате аварий, катастроф, различных небезопасных природных катаклизмов (стихийных бедствий и пр.), которые повлекли либо могут способствовать человеческим жертвам, возникновению ущерба здоровью и вреда окружающей природной

среде, другим потерям в сфере нормальной жизнедеятельности граждан.

В подобных чрезвычайных ситуациях, в соответствии со ст. 11 (п. «б») Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», в целях публичных и личных интересов, ограничение такого личного неимущественного права граждан, как свобода передвижения, выбор места пребывания и жительства, может проявляться в форме ограничений на свободу передвижения, особого режима въезда и выезда, в т.ч. ограничения на въезд, на пребывание на данной территории иностранных граждан и лиц без гражданства. Как отмечено в ст. 12 (п. «а») Закона, органы государства вправе осуществить временное отселение граждан в безопасные территории, однако, с гарантированным предоставлением стационарных, временных жилых объектов; ввести комендантский час, как запрет в определенное время суток находиться в общественных местах без наличия разрешения и иных специальных документов (п. «а» ст. 13).

Поскольку свобода передвижения — такая же естественная потребность человека, как свобода труда и творчества, в целом, — как свобода в классическом понимании [19, с. 115], законодательство в сфере подобного ограничения должно отражать демократические ценности российского государства, не нарушать иных личных неимущественных и имущественных прав граждан, сочетать личные и публичные интересы, что свойственно правовому государству.

Верховный Суд РФ отметил: под публичными интересами следует понимать, в частности, интересы неопределенного круга лиц, направленные на обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды [20].

Соответственно, вынужденные ограничения личных неимущественных прав граждан в целях обеспечения биологической безопасности, представляя собой несомненное вмешательство в частные дела и в беспрепятственное осуществление гражданских прав, выступает в качестве исключения из общего правила. Подобное ограничение должно являться правомерным и основанном на законе, базироваться на Конституции РФ и международно-правовых актах. Правовой основой ограничения прав граждан в целях обеспечения биологической безопасности выступает п. 3 ст. 55 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов

других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Конституционный суд РФ указал, что ограничение прав и свобод граждан должны являться необходимыми и быть пропорциональными конституционно признанным публичным целям, т.е. государство призвано использовать исключительно вынужденные и обусловленные подобным целям необходимые меры [21]. Соответственно, при ограничении личных неимущественных прав граждан в целях обеспечения биологической безопасности особое внимание должно быть уделено корреляции конституционно значимых целей с балансом интересов отдельной личности и публичных интересов государства в целом. Эффективная работа по обеспечению национальной биологической безопасности должна учитывать не только организационные моменты по взаимодействию между различными надзорными органами и интеграцию данных различных систем сбора информации. Влияние на уязвимость общества перед биологическими угрозами во многом определяется дру-

гими фундаментальными основами — позицией самого гражданина, который, подвергаясь ограничениям личных неимущественных прав в связи с необходимостью обеспечения биологической безопасности, не рассматривает подобные ограничения, как ограничение правосубъектности, а оказывает содействие в обеспечении безопасности, предпринимает меры профилактики.

По результатам социологического опроса, проведенного рейтинговым агентством DataLight в 2018 г., в качестве основных составляющих обеспечения национальной безопасности, структурированных по уровню значимости для России, выступают: обеспечение техногенной, экологической и биологической безопасности — 88%; охрана общественного порядка — 6%; защита от угроз стихийных бедствий — 37%; защита государственного строя — 18%; защита общественного строя — 11%; обеспечение территориальной неприкосновенности — 18%; обеспечение политической и экономической независимости нации — 17%; обеспечение здоровья нации — 7%; борьба с преступностью — 8% [22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гущин В.А., Мануйлов В.А., Макаров В.В., Ткачук А.П. Знадлежащая организация системы биобезопасности как средство снижения уязвимости общества, экономики и государства перед биогенными угрозами // Вестник РГМУ. — 2018. — С. 6.
2. Насакина Л.Н. Национальная безопасность России и пути ее укрепления // Научный журнал «Дискурс» — 2017. — № 2 (4). — С. 49.
3. Кулаков, В.О глобальной конкурентоспособности России / В. Кулаков, З. Алиев // Власть. — 2010. — № 5. — С. 60–63.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
5. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 1. — Ст. 2.
6. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2016. — № 1 (часть II). — Ст. 212.
7. Указ Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc>. — (дата обращения 16.04.2020).
8. Проект Федерального закона № 850485–7 «О биологической безопасности Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 02.12.2019) [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения 16.04.2020).
9. Госдума приняла в I чтении законопроект о биологической безопасности России [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/7570229> (дата обращения 16.04.2020).
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 сентября 2009 г. № 1311-р (в ред. от 30.09.2018) «Об утверждении перечня организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно-опасные производства и объекты» [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc>. — (дата обращения 16.04.2020).
11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 01.01.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. Ст. 3301.
12. Захаров Н.О. Субъективные гражданские права и свободы и регулирование их ограничение / Адвокат. — 2016. — № 1. — С. 7.
13. Проект Федерального закона № 850485–7 «О биологической безопасности Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 02.12.2019) [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения 16.04.2020).
14. Федеральный закон от 15 сентября 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 34. — Ст. 4029.
15. Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242–1 (ред. от 01.04.2019) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // «Российская газета». — 1993. — № 152.
16. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. — № 17. — Ст.291.

17. Международный Пакт о гражданских и политических правах Организации Объединенных Наций от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. - № 17. Ст. 291.
18. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 23. — Ст. 2277.
19. Кинжибеков В. В. Ограничение прав граждан России на выезд за пределы РФ // Молодой ученый. — 2020. — № 2. — С. 115–117.
20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc>. — (дата обращения 16.04.2020).
21. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина» // Вестник Конституционного суда РФ. 1996. № 4.
22. Результаты опроса, проведенного рейтинговым агентством DataLight в 2018 г. // Сайт рейтингового агентства DataLight [Электронный ресурс] — Режим доступа URL: <https://datalight.me/> (дата обращения 16.04.2020).

© Валеvская Ангелина Анатольевна (a.valevskaya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Саратовская государственная юридическая академия

НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И МОТИВАЦИОННЫЙ РЕСУРС В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ

PRIVATE PENSION PROVISION AS A FORM OF APPEARANCE IN CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AND A MOTIVATIONAL RESOURCE IN PERSONNEL MANAGEMENT

E. Valishin

Summary. The author analyzes the features of corporate social responsibility in foreign business practices. Non-state pension funds and their motivational potential for managing the organization's personnel are considered by way of example of corporate social responsibility of business in Russia. It gives a detailed analysis of a concept of trusting in the pension program and private pension funds (NPFs), as well as the responsibility of the funds themselves for investing money of depositors to ensure profitability. Pension market participants are noted in the asset management (Russian Pension Fund, insurance companies, private pension funds) have the opportunity to act as a medium-term financing source. It should be stressed that, it is provided examples from the practice of pension funds, as well as ways to incorporate corporate social responsibility in the main areas of activity of joint-stock companies. The possibilities and features of the activation of motivational resources in the process of development of pension programs are discussed.

Keywords: corporate social responsibility, non-state pension funds, dissemination of the principle of responsible investment, social responsibility of business, motivational management, motivational resources.

Валишин Евгений Николаевич

*К.псх.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
ewgeni-v@rambler.ru*

Аннотация. Автором анализируются особенности корпоративной социальной ответственности в зарубежной практике ведения бизнеса. В качестве примера корпоративной социальной ответственности бизнеса в России рассматриваются негосударственные пенсионные фонды, и их мотивационный потенциал для управления персоналом организации. Затронуты вопросы, связанные с доверием к пенсионным программам и негосударственным пенсионным фондам (НПФ), а также ответственность самих фондов за вложение денежных средств вкладчиков по обеспечению доходности. Участники пенсионного рынка управления активами (пенсионный фонд России, страховые компании, частные пенсионные фонды) имеют возможность выступить в качестве источника среднесрочного финансирования. В статье приводятся примеры из практики пенсионных фондов, а также способы включения корпоративной социальной ответственности в основные направления деятельности акционерных обществ. Рассматривается возможности и особенности активизации мотивационных ресурсов в процессе развития пенсионных программ.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, негосударственные пенсионные фонды, распространение принципа ответственного инвестирования, социальная ответственность бизнеса, мотивационное управление, мотивационные ресурсы.

Процесс развития современной России показывает, что успех в развитии социально-экономических систем зависит не только от политических и экономических, но и от психологическими и социально-психологическими факторов. Не владея реальной картиной об активных, значимых потребностях населения, экономических субъектов, т.е. если отсутствует в должной мере мотивированное доверие и поддержка, невозможно осуществить реализацию выработанной стратегии развития. Подтверждением этого является отрицательная реакция определенных категорий активного населения на реализацию положений пенсионной реформы на практике. В современных условиях управление социально-экономическими системами с учетом

мотивационно потенциала работников, делает акцент не только на особенности поведения отдельного человека или группы, но и особенно на влияние мотивационных установок на результаты деятельности социально-экономических систем (национальных, региональных, муниципальных, транснациональных корпораций и других крупных организационных систем). Использование мотивационных ресурсов в управление социально-экономическими системами является важной и интенсивно развивающейся практикой.

Важнейшим признаком цивилизованности современного бизнеса выступает его социальная ориентированность. Социальная ответственность бизнеса — от-

ветственность субъектов бизнеса за соблюдение норм и правил, неявно определенных или не определенных законодательством (в области этики, экологии, милосердия, человеколюбия, сострадания и т.д.), влияющих на качество жизни отдельных социальных групп и общества в целом. Социальная ответственность бизнеса — это осознанное поведение бизнеса направленное на развитие экономической, социальной и экологической сфер общества, связанное с основной деятельностью компании и выходящий за рамки определенного законом минимума, но эта трактовка является довольно идеальным и не может быть полностью воплощено в реальность хотя бы потому, что просто невозможно рассчитать все последствия одного решения [1]. Социальная ответственность скорее не правило, а этический принцип, который должен быть реализован при принятии решений. Соответственно ответственность здесь внутренняя, перед собой и должна основываться на моральных ценностях, которые приобретаются в процессе социализации. Корпоративная социальная ответственность, особенно в области прав работников, служит руководством для дальнейшего роста и развития компании, в то же время принимая во внимание социальные, экологические и другие составляющие. Кроме этого, следует не забывать и об удовлетворении потребностей не только сотрудников, но и акционеров, что, в свою очередь, безусловно, будет способствовать росту компании, а также соответствующему увеличению стоимости доли, которая непосредственно стимулирует развитие корпоративной социальной ответственности.

В рамках существующих рыночных отношений сегодня, негосударственные пенсионные фонды зачастую представляют крупные акционерные общества, что создает возможность их решающего влияния в качестве главных действующих лиц рынка при принятии решений, связанных с корпоративной социальной ответственностью.

Социальная ответственность корпорации делится на внутреннюю и внешнюю. Страны с развитой рыночной экономикой демонстрируют растущий интерес к корпоративной социальной ответственности (КСО), о чем свидетельствует обширная теоретическая и эмпирическая литература по этому вопросу. В ней делается вывод о том, что КСО не следует рассматривать как привилегию развитых стран с рыночной экономикой, поскольку в организациях центральной и восточной Европы существует множество примеров. Тем не менее, изучение их специфики представляется более сложным вопросом. Эволюционный подход к институтам КСО позволяет нам считать, что анализ форм КСО в контексте стран с переходной экономикой должен учитывать взаимодействие между элементами, зависящими от прошлого, а также со стандартами и практикой уже существующих в разви-

тых странах. Так уже, Берл и Минс в 1933 году, Барнард в 1938 году, писали, что ответственность деловых людей и этические обязанности менеджеров стали одной из центральных тем в организационных исследованиях в США. С 1990-х годов концепция корпоративной социальной ответственности (КСО) приобретает все большую популярность и в Западной Европе. Идея «экономики заинтересованных сторон» была выдвинута в Великобритании с момента создания «CSR Europe» в 1995 году. В Зеленой книге, опубликованной Европейской комиссией в 2001 году, КСО была определена как «концепция, через которую компании интегрируют экологические и социальные проблемы в собственные бизнес-технологии и во взаимодействие с заинтересованными сторонами на добровольной основе». Другими словами, «быть социально ответственным означает не только оправдывать законные ожидания, но и выходить за рамки соблюдения и вкладывать «больше» в человеческий капитал, окружающую среду и отношения с заинтересованными сторонами» [8]. Тем не менее, необходимо отметить, что в прошлом, как и сегодня, КСО означает что-то, но не всегда одно и то же, для всех вероятно существует объяснение этого отсутствия консенсуса. Во-первых, иногда КСО является лишь концепцией социального маркетинга, которая заботится об их публичном имидже, но избегает каких-либо подлинных изменений или, что еще хуже, управляется деловыми людьми, свободными от чувства моральной ответственности, что конечно, способствует дискредитации концепции и ограничению ее простой риторикой. Во-вторых, термин «корпоративная социальная ответственность» не обязательно имеет то же значение в континентальных европейских или азиатских традициях, что и в англо-американском контексте «минимальному поведенческому стандарту в отношении взаимоотношений корпорации с заинтересованными сторонами». Так считается, что те компании, которые делают две вещи, являются социально ответственными: «Во-первых, они не обязаны сознательно делать что-то, что может нанести ущерб их заинтересованным сторонам, в частности, инвесторам, работникам, клиентам, поставщикам или местному сообществу, в котором они работают. Во-вторых, если компании наносят ущерб своим заинтересованным сторонам, они обязаны устранять это всякий раз, когда ущерб выявлен и доведен до их сведения» [6]. Это определение может привести нас к предположению, что практики, которые будут оцениваться как нормальные или как основные деловые практики выполнения своих обязанностей в западном контексте, могут казаться ответственными, моральные или этические в других местах или в другое время по сравнению с обычной деловой практикой. Если рассматривать систему КСО, то можно говорить о существовании трех основных подходов к КСО: бизнес и этика; бизнес и общество; управление социальными вопросами. Они были сформулированы в США, но оказали влияние и на мно-

гие другие развитые страны с рыночной экономикой. Кратко рассмотрим эти подходы в свете их степени интеграции институциональных проблем. Каркас, разработанный Джонсом в 1999 г. является представителем перехода от теории заинтересованных сторон КСО, основанной на договорах между различными заинтересованными сторонами, к более глубокому анализу институционального контекста, в который встроена компания. Он представляет взаимосвязь между конфигурациями институциональных структур на социально-культурном, национальном, промышленном, фирменном и индивидуальном уровнях и необходимыми и достаточными условиями для реализации концепции социальной ответственности на практике. Он утверждает, что более мелкие, тесно связанные фирмы в прибыльных нишах находятся в оптимальном положении, чтобы действовать социально ответственным образом. Однако этих элементов недостаточно. Согласно опросу, проведенному в ВЦИОМ, только 38% работодателей организуют профессиональную практику, но каждый третий молодой человек видит эту практику как шанс для лучшего позиционирования на рынке труда. Большинство работодателей (54%), принявших участие в этом исследовании, заявили, что не планируют нанимать новых сотрудников. Работодатели также пытались выявить проблемы с трудоустройством молодежи. Макро- (рост безработицы, структурная безработица, рост стоимости жизни) и микроэкономические аспекты (замораживание найма, низкая заработная плата, увольнения) негативно влияют на работников в России, усиливая сдерживание сотрудников, страх, неуверенность и стресс. Кроме того, лица, принимающие решения в организациях, должны иметь ценности, соответствующие социальной ответственности, а ответственные действия должны восприниматься как институционально законные. Соответствующие институциональные детерминанты должны достигать своего рода порогового уровня, который делает ответственные действия жизнеспособными. В целом, подход к управлению социальными вопросами предоставляет ценные инструменты для понимания взаимодействия бизнеса и его среды, что приводит к появлению практики КСО. Создание и поддержание негосударственного пенсионного обеспечения является одной из форм проявления социальной ответственности бизнеса [2;10].

Пенсионное обеспечение, его социальная значимость определяется его ролью в экономической и социально-политической жизни общества. Пенсионная система зависит от многих факторов и условий, таких как размеры оплаты труда, налоговая система, рынок труда и демографическая ситуация [5]. В настоящее время, на российском пенсионном рынке сложилась ситуация, позволяющая говорить о развитии накопительной части пенсионных схем. Одним из наиболее эффективных механизмов повышения уровня жизни пенсионеров,

признанных во всем мире, является развитие частной пенсионной системы. Эта система позволяет привлекать не только государство, но и работодателя, регион, а также граждан к формированию достойного уровня жизни, что сказывается на построении эффективной социальной защиты пенсионеров. Повышение привлекательности домохозяйств для инвестирования средств в частные пенсионные фонды должно привести к тому, что, с одной стороны, частные пенсионные фонды, а с другой стороны, застрахованные лица должны нести солидарную ответственность за свою деятельность. Результаты социологического исследования среди трудоспособного населения РФ показали низкий уровень информированности населения по различным аспектам развития системы негосударственного пенсионного обеспечения. По результатам опроса можно высказать предположение о достаточно низкой информированности населения об услугах, предоставляемых негосударственными пенсионными фондами. Информированы и скорее информированы 43,1% всех респондентов, а ничего или скорее не имеют представления об услугах НПФ 56,9% из числа опрошенных респондентов. Хотя и наблюдается достаточно невысокий уровень осведомленности населения о системе корпоративных пенсий (информированы в общем — 17,6%), большинство респондентов (67,2%) в основном позитивно относятся к идее развития корпоративного пенсионного обеспечения. Всего лишь 17,1% респондентов не поддерживают идею развития системы корпоративного пенсионного обеспечения и 15,7% респондентов — скорее не поддерживают. Количество поддерживающих идею корпоративного пенсионного обеспечения (КПО) незначительно снижается (-2,8%), однако, на 11% выросла доля поддерживающих КПО. Так проведенное социальное исследование показало, что отношение респондентов к принципу совместной ответственности государства, работодателя и работника в пенсионной системе в 2019 году практически не изменилось по сравнению с 2015 годом. Как и в предшествующие годы, равный процент респондентов возлагают ответственность за обеспечение достойного уровня пенсии (44%) [9]. Все это говорит, о росте совместного партнерства всех сторон — государства, работодателя, самого работника, в обеспечении достойного уровня пенсии. Потенциальным результатом внедрения пенсионных моделей должно стать распространение негосударственных пенсионных схем. Негосударственное пенсионное обеспечение (НПО) является элементом российской пенсионной системы и состоит в обеспечении населения негосударственными пенсиями в соответствии с законодательством Российской Федерации на основании договора с негосударственным пенсионным фондом (НПФ). Оно осуществляется на добровольной основе в дополнение к обязательному пенсионному страхованию. Неправительственные организации должны быть внедрены не только в корпорациях, но и в дру-

гих организациях, что будет способствовать построению полноценной пенсионной системы для населения Российской Федерации. Среди совокупности факторов и условий, определяющих отношение населения к выбору пенсионной модели, ключевая роль принадлежит социальному восприятию людей относительно характера пенсионных выплат, распределению обязанностей между работником, работодателем и государством, чтобы обеспечить достойный уровень пенсии, жизненные стратегии и поведение, чтобы обеспечить дополнительный доход по достижении пенсионного возраста. Все это в совокупности определяет направление поведения конкретного человека, выражающееся в социальных приоритетах и установках на социальное участие в различных видах и формах негосударственного пенсионного обеспечения.

Все большое количество сотрудников входит в корпоративные пенсионные программы, в то же время количество НПФ на рынке сокращается. Этому способствует процесс консолидации Фондов. Процесс слияние приводит к сокращению издержек. Так, в инвестиционной деятельности наблюдается эффект экономии от масштаба. У топ-10 НПФ по величине пенсионных накоплений в среднем разница доходности инвестирования до и после выплаты вознаграждения управляющим компаниям, специализированному депозитарию и фонду составляет 0,6 п.п.; занимающих места с 11-го по 20-е, — 0,7 п.п.; с 21-го по 30-е место — 0,75 п.п.; у последних трех фондов 1,5 процентного пункта [4]. В связи с этим, слияние НПФ повышает эффективность их инвестиционной деятельности.

В современных условиях ведения бизнеса, когда наблюдается высокая динамика социально-экономических изменения, необходимо понимать, что работникам и организациям в этих условиях требуются не только перемены, но и определенная степень стабильности. В связи с этим, одной из основных задач является поиск опре-

деленного компромисса между переменами и потребностью в стабильности. Что необходимо сделать, чтобы сформировать определенное отношение работников к пенсионным программам, которое позволило бы им осознанно совершать действия по накоплению пенсионных вложений (как инвестиции в свое будущее, т.к. произойдет изменение их социального статуса). Стоит задача формирования установки к пенсионным накоплениям как к «отсроченному» будущему, когда индивидуальный человеческий капитал изменяется (физический, психический, интеллектуальный, социальный). Рассмотрение пенсионных накоплений как ценностной ориентации требует исследования мотивационно-ценностной структуры работника (место пенсионных накоплений ценностной ориентации в иерархии ценностей экономически активного населения). Исследование специфики пенсионных накоплений как ценностной ориентации на различных этапах профессиональной деятельности и как управлять изменениями в поведении с учетом выявленной специфики. Все это предполагает теоретическое и практическое обеспечения данного процесса на макро и — микроуровнях социально-экономических систем.

Инструменты КСО должны быть включены в бизнес-процессы организации. Реализация пенсионных программ как внутренних инструментов в рамках КСО. На выходе, при управлении персоналом организации: повышение трудовой мотивации персонала (экономическая безопасность, стабильность во второй половине жизни, которая позволит сохранить основные параметры того образа жизни (стиль), который является комфортным для конкретного субъекта труда; удержание высококвалифицированных работников (их развитие и социальное обеспечение); формирование положительного имиджа организации на рынке труда, что может дать дополнительные возможности по снижению бизнес-рисков, связанных с нехваткой высококвалифицированных работников с высоким потенциалом развития («talants»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. N245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329995/].
2. Валишина М.Е., Валишин Е. Н. НПФ как участник инвестиционного процесса в инфраструктурных проектах и их социальная ответственность // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и Право», — 2019, -№ 6, -с. 81–84.
3. Валишин Е. Н. Мотивационные ресурсы организации для инновационной среды // В сборнике: Формирование общекультурных и профессиональных компетенций финансиста. Москва, 2017. С. 60–65.
4. Обзор ключевых показателей негосударственных пенсионных фондов [В Интернете]. ЦБ РФ, 2020 г. https://cbr.ru/collection/collection/file/23997/rewiew_npf_19q3.pdf.
5. Перспективы развития негосударственного пенсионного обеспечения: монография / Солдатов А. А., Бабакаев С. В., Батаев В. В., Каурова О. В., Малолетко А. Н., Починков Н. Б., Кулямина О. С., Виноградова М. В. — Москва: Русайнс, 2016. — 223 с. — ISBN978-5-4365-1249-5. — URL: <https://book.ru/book/921642> (дата обращения: 26.03.2020).

6. Управление рисками организации. Интегрированная модель. (COSO ERM). The Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (COSO). [В Интернете]. — 26 02 2020 г. — http://www.coso.org/documents/coso_erm_executivesummary_russian.pdf.
7. Forum Nachhaltige Entwicklung der Deutschen Wirtschaft/econsense.de/en UR — <http://www.econsense.de/en> (дата обращения: 26.2.2019)
8. The European Business Network for Corporate Social Responsibility <http://www.csreurope.org> (дата обращения: 26.02.2018)
9. OECD Development Cooperation Report 2016: The Sustainable Development Goals as Business Opportunities. Paris: OECD Publishing, 2016. 316 p, c55–57
10. ВЦИОМ, 2020. ВЦИОМ: Доходы и инвестиции: развивать и контролировать. [В Интернете] Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=212&uid=9805> Дата обращения: 26 январь 2020

© Валишин Евгений Николаевич (ewgeni-v@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Финансовый университет при Правительстве РФ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FORMATION OF LEGAL BASES FOR STRATEGIC PLANNING IN THE ENERGY SECTOR IN ORDER TO ENSURE THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. Vasilchenko

Summary. The article deals with the formation of the legal framework for strategic planning in the field of economics, in particular, one of its sectors — energy. The author uses both general scientific and special legal research methods, systemic, logical, dialectic, historical, comparative legal, observation and description, analysis of documents and other generally accepted methods of scientific knowledge. The author talks about the importance of strategic planning for efficient management and discusses the direct connection of strategic planning with ensuring the economic security of the country. The article highlights the main regulatory acts that form the basis of strategic planning in Russia, their features are considered and common features are highlighted.

Keywords: strategic planning, energy, energy security, economic security, energy strategy, White Paper, Roadmap, security, energy efficiency, energy.

Васильченко Анна Ивановна

*К.ю.н., Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
vasilcanna@yandex.ru*

Аннотация. Целью исследования является изучение вопросов формирования правовых основ стратегического планирования в сфере экономики, в частности одной из ее отраслей — энергетики. В работе используются как общенаучные, так и специальные правовые методы исследования, а именно, системный, логический, диалектический, исторический, сравнительно-правовой, наблюдение и описание, анализ документов и другие общепринятые методы научного познания. Автор говорит о важности стратегического планирования для эффективного хозяйствования и о непосредственной связи стратегического планирования с обеспечением экономической безопасности страны. В статье освещены основные нормативно-правовые акты, составляющие основу стратегического планирования в России, рассмотрены их особенности и выделены общие признаки.

Ключевые слова: стратегическое планирование, энергетика, энергетическая безопасность, экономическая безопасность, энергетическая стратегия, Белая книга, Дорожная карта, обеспечение безопасности, энергетическая эффективность, энергия.

Общие положения

Слово «стратегия» имеет древнегреческое происхождение, первоначальное его значение — «искусство полководца». Широкое распространение термин получил в 6-м веке нашей эры в восточно-римской терминологии и был переведен на другие европейские языки в 18 веке. С тех пор слово «стратегия» стало обозначать способ достижения отдаленной цели, включающий в себя совокупность тех или иных действий в определенной последовательности. Если рассматривать безопасность как состояние защищенности от различного рода угроз, логично предположить, что высокая эффективность реакции на угрозы возможна в тех случаях, когда вероятность наступления несущего угрозу события была спрогнозирована. Именно поэтому обеспечение безопасности, в том числе экономической, во многом зависит от того, как осуществляется стратегическое планирование в указанной сфере. Стратегическое планирование — это организационная управ-

ленческая деятельность, в ходе которой происходит определение приоритетов, распределение ресурсов, а также оценка эффективности реализации стратегии и ее возможная корректировка в случае изменения обстоятельств. В процессе стратегического планирования необходимо найти ответ не только на вопрос «Куда?» (куда движется организация или государство в целом, какова стратегическая цель), но и «Как?» (как, каким образом цель должна быть достигнута).

В развитых странах стратегическое планирование лежит в основе обеспечения безопасности. Как правило, консолидация поставленных в ходе стратегического планирования задач происходит в итоговом документе, принимаемом на государственном уровне — в западных странах, таких как США, Великобритания, Франция, Австралия, такой документ носит название «Белая книга» («White paper»). В качестве приложения к Белым книгам зачастую разрабатывается Дорожная карта («Road map») — документ, содержащий информацию о том, как

достичь поставленных задач. В совокупности Белая книга и Дорожная карта играют роль ориентира для дальнейшего законодательства, так как иные нормативные акты, принимаемые в целях обеспечения безопасности, должны вписываться в канву стратегического планирования.

Необходимость стратегического планирования в сфере энергетики продиктована значимостью энергетической отрасли для экономики. Более того, осмелимся утверждать, что энергетическая безопасность является непременным условием устойчивой экономики, в силу того, что без энергоресурсов невозможно осуществление никаких экономических процессов. Энергетическая безопасность прямо и непосредственно влияет на состояние экономической безопасности и, как следствие, безопасности национальной.

Стратегическое планирование в энергетике активно осуществляется в США и Евросоюзе. Утвержденные соответствующими органами власти энергетические стратегии формируют правовую основу для дальнейшего построения энергетического законодательства стран. Так, в Европейском союзе принята и действует Энергетическая стратегия до 2030 года [1] и долгосрочная энергетическая Дорожная карта до 2050 года [2]. Указанные акты служат камертоном для государств-членов ЕС, поскольку законодательство стран должно быть приведено в соответствие тем требованиям, которые предъявляются в целях реализации стратегических планов в энергетике.

Правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации

Что касается России, в советский период былработан определенный опыт эффективного стратегического планирования в сфере экономики и энергетики. Достаточно вспомнить перспективный план развития народного хозяйства на основе электрификации страны, разработанный в 1920 году Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭРЛО). Несмотря на то, что в начале 20 века еще не сложилась общепринятая ныне терминология, включающая понятия «экономическая безопасность», «энергетическая безопасность» можно заключить, что одной из главных целей разработки плана ГОЭРЛО было обеспечение энергетической независимости и безопасности страны. «Мы старались подойти к разрешению наших хозяйственных проблем с точки зрения быстрого устранения тех кризисов, не прекращающееся действие которых обуславливает переживаемую нами экономическую разруху» [3], — утверждали авторы плана, и в данном высказывании видится намерение устранить угрозы экономической безопасности страны, существовавшие на тот момент.

В настоящее время необходимость стратегического планирования прямо следует из текста конституционной нормы. Так, п. «е» ст. 71 Конституции РФ относит «установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации» [4] к федеральному ведению. Ведение (от слова «ведать» — знать, иметь сведения о чём-либо; представлять, сознавать, отдавать отчет) подразумевает не только право федерального центра принимать решения в своей сфере ответственности, но и обязанность это делать. Таким образом, статья 71 Конституции устанавливает обязанность федерации проектировать основы федеральной политики и федеральные программы, а исполнение данной обязанности невозможно без осуществления стратегического планирования. Однако, в постперестроечный период вопросам стратегического планирования в сфере экономической безопасности не уделялось должного внимания, все ограничивалось лишь бюджетным планированием на трехлетний срок. Только 7 мая 2012 года был издан Указ Президента РФ № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» [5], положивший начало формированию правовых основ стратегического планирования в современной России.

Во исполнение Указа Президента РФ № 596 был принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [6]. В статье 3 указанного закона впервые вводится понятие стратегического планирования. Согласно закону, стратегическое планирование носит системный характер; в качестве звеньев системы выступает прогнозирование, планирование, реализация, а также текущий и последующий контроль. В рамках системы принимаются документы стратегического планирования, закрытый перечень которых содержится в статье 11 ФЗ № 172. Поименованные в законе документы существуют в определенной иерархии, которая определена федеративным устройством России: на федеральном уровне разрабатываются документы по вопросам федерального ведения, на уровне субъектов РФ — по региональным вопросам, на муниципальном уровне — по вопросам местного значения. Следует отметить, что в законе речь идет именно о документах стратегического планирования, а не о нормативно-правовых актах. Объяснить логику законодателя можно тем, что понятия «документ» и «нормативно-правовой акт» соотносятся как общее и частное. Не углубляясь в сферу исследования теории права, отметим в целом, что нормативно-правовой акт — это документ особого рода, который содержит норму права, то есть правило поведения, воздействующее на отношения субъектов права и обязательное для исполнения. Именно поэтому к нормативно-правовым актам предъявляется ряд

требований, относящихся к их форме и содержанию. В то же время, не всякий документ носит нормативный характер, то есть устанавливает правовую норму. Так, перечень документов стратегического планирования, представленный в ФЗ № 172, содержит ряд документов, не относящихся к числу нормативных актов, например, ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, прогноз научно-технологического развития Российской Федерации, стратегический прогноз Российской Федерации и некоторые другие. Поскольку настоящая статья посвящена правовым основам стратегического планирования в сфере экономической безопасности, вышеуказанные и иные документы стратегического планирования, не относящиеся к числу нормативных актов подробно рассматриваться не будут.

Говоря о нормативных актах, прямо или косвенно влияющих на стратегическое планирование в сфере энергетики и экономической безопасности, в первую очередь следует назвать Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденную соответствующим распоряжением Правительства РФ [7]. Данная Концепция является первым в современной России актом подобного рода; содержание Концепции во многом посвящено вопросам безопасности — в тексте речь идет не только о безопасности национальной и экономической, но и о продовольственной, транспортной, энергетической, экологической, технологической безопасности. Стратегические направления применительно к сфере экономической безопасности содержит раздел IV Концепции «Развитие экономических институтов и поддержание макроэкономической стабильности». Концепция пережила несколько редакций, однако о большей части осталась невыполненной.

Очередным шагом к построению правовых основ стратегического планирования стало издание Указа Президента РФ от 31.12.2015 №683, которым была утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [8]. Именно в данном нормативном акте экономическая безопасность впервые названа одной из стратегических целей; кроме того, была сделана попытка обозначить факторы экономической безопасности, а также выделить основные направления противодействия существующим и будущим угрозам. Стратегию национальной безопасности можно назвать рамочным стратегическим актом, в котором нашел отражение комплексный подход к вопросу национальной безопасности. Утверждение Стратегии национальной безопасности подготовило почву для принятия нормативного акта, утвердившего Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [9]. Именно в данном акте впервые были изложены опреде-

ления базовых понятий, таких как «экономическая безопасность», «обеспечение экономической безопасности», «угроза экономической безопасности», «экономический суверенитет» и ряд других. Кроме того, в числе положительных моментов, характеризующих Стратегию экономической безопасности, следует назвать систему конкретно изложенных целей и задач, а также вызовов и угроз экономической безопасности. По сравнению с иными документами подобного рода, Стратегия в целом носит более детальный характер.

Рассмотренные акты стратегического планирования относятся к федеральному уровню и носят отраслевой характер и не могут учитывать специфику обеспечения экономической безопасности в отдельных отраслях экономики. Однако ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» наделяет профильные министерства обязанностью осуществлять целеполагание в том числе по отраслевому принципу. В настоящий момент в России активно формируется система отраслевых стратегий развития (например, Стратегия развития электронной промышленности, Стратегия развития минерально-сырьевой базы России, Стратегия повышения финансовой грамотности и иные). Важнейшее значение имеет принятие в ближайшей перспективе Энергетической стратегии России до 2035 года [10], которая разрабатывается достаточно длительное время. Проект Энергетической стратегии-2035 содержит цели и направления развития энергетики России, отражает основные риски и угрозы и, что немаловажно, устанавливает количественные показатели реализации стратегии, которые должны быть достигнуты к 20135 году. Таким образом, будучи утвержденной, Энергетическая стратегия-2035 станет важнейшим отраслевым актом стратегического планирования, выполнение которого будет напрямую влиять на поддержание уровня экономической безопасности страны.

ВЫВОДЫ

В настоящее время в России наблюдается активное формирование системы нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы стратегического планирования в сфере безопасности. Необходимость принятия нормативных актов такого рода следует из конституционной нормы, устанавливающей обязанность федерального центра осуществлять планирование федеральной политики и разработку федеральных программ. В настоящее время система актов стратегического планирования применительно к сфере экономической безопасности представлена ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который устанавливает структуру актов стратегического планирования федерального, регионального и местного уровня. На основании и во исполнение указанного федерального за-

кона подзаконными актами Президента и Правительства утверждены Стратегия национальной безопасности РФ, Стратегия экономической безопасности РФ, Концепция социально-экономического развития РФ. Перечисленные акты составляют правовые основы стратегического планирования в сфере экономической безопасности и объединены рядом общих черт, выделяющих их из массы иных актов: все они носят рамочный характер, декларативный характер, надотраслевой характер. Рамочный характер актов стратегического планирования выражается в наличии определенной концепции, реализация которой предусматривает различные варианты действий в зависимости от существующих условий. Декларативный характер подразумевает, что большинство

норм, входящих в акт стратегического планирования, носят программный характер, определяют цели и задачи и не конкретизированы в силу отсутствия диспозиции нормы. Кроме того, акты стратегического планирования имеют надотраслевой, универсальный характер, что означает не только возможность, но и необходимость их применения к различным отраслям экономики. Что касается отраслевых актов стратегического планирования, их система в сфере энергетики еще не сложилась окончательно. Тем не менее, необходимые правовые предпосылки созданы, а тенденция к дальнейшему совершенствованию правовых основ достаточно устойчивая. Ключевым моментом здесь станет утверждение новой Энергетической стратегии России — 2035.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Европейской комиссии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/2030_en (дата обращения: 26.03.2020).
2. Официальный сайт Европейской комиссии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/2050_en (дата обращения: 26.03.2020).
3. План электрификации РСФСР. Введение к докладу 8 съезду Советов Государственной Комиссией по электрификации России. Государственно-техническое издательство М. 1920. С. 230.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N31, ст. 4398.
5. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N596 «О долгосрочной государственной экономической политике» // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 мая 2012 г. N19 ст. 2333
6. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. N26 (часть I) ст. 3378.
7. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ», 24.11.2008, N47, ст. 5489.
8. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 января 2016 г. N1 (часть II) ст. 212.
9. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. N208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. N20 ст. 2902.
10. Энергетическая стратегия России до 2035 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.energystrategy.ru/ab_ins/source/ES-2035_09_2015.pdf (дата обращения: 26.03.2020).

© Васильченко Анна Ивановна (vasilcanna@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЗРАЧНОСТИ ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

MAKING TRANSPARENCY OF FINANCIAL STREAMS IN THE SYSTEM OF STATE FINANCIAL CONTROL

A. Gavryushenko

Summary. To study the criteria for financial transparency in the financial control system. Research methods: analysis, synthesis, comparison, generalization, identification of signs, features and properties of phenomena. Research results: the concept of “financial transparency” in general and in the system of financial control is defined, in particular, from the standpoint of international principles, national legislation in the field of financial control and financial and legal doctrine. It is concluded that it is necessary to supplement the criteria for collecting information to ensure the effectiveness of the activities of federal executive bodies (hereinafter — the federal executive authority) with the following criteria: time factor, disclosure of incoming and outgoing information that is not a secret and expansion of controlled entities.

The proposed improvement of the state financial control system in terms of ensuring its transparency for all participants in financial relations will increase the return on the use of budget investments, social efficiency, provide relevant information not only to supervisory authorities, but all interested parties, including potential investors, will increase the level of anti-corruption in the field of procurement.

Keywords: financial monitoring, supervision, financial transparency, financial control.

Гаврюшенко Анна Павловна

*Аспирант, Российский государственный
университет правосудия
arork@bk.ru*

Аннотация. Предметом исследования является изучение понятия и критериев обеспечения финансовой прозрачности в системе финансового контроля. Методы исследования: анализ, синтез, сравнение, обобщение, выделение признаков, особенностей и свойств явлений. Результаты исследования: определено понятие «финансовой прозрачности» в целом и в системе финансового контроля, в частности, с позиций международных принципов, национального законодательства в сфере финансового контроля и финансово-правовой доктрины. Сделан вывод о необходимости дополнения критериев сбора информации для обеспечения эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти (далее — ФОИВ) такими критериями: временной фактор, раскрытие входящей и исходящей информации, не являющейся собой тайну и расширение подконтрольных субъектов.

Предложенное совершенствование системы государственного финансового контроля в части обеспечения её прозрачности для всех участников финансовых отношений, повысит отдачу от использования бюджетных вложений, социальную эффективность, обеспечит релевантной информацией не только надзорные органы, а все заинтересованные стороны, включая потенциальных инвесторов, повысит уровень противодействия коррупции в сфере прокьюрента.

Ключевые слова: финансовый мониторинг, надзор, финансовая прозрачность, финансовый контроль.

Введение

Вопросы финансовой прозрачности, долгое время имевшие в большей степени научное значение, были актуализированы резонансными скандалами с Enron и WorldCom[14], а затем мировым финансовым кризисом 2008–2010 годов, который заставил пересмотреть многие финансовые отношения. Именно тот кризис показал, как непрозрачная корпоративная отчетность и слабый государственный финансовый контроль, формировали недостоверную информацию, на основе которой собственники, инвесторы, акционеры, кредиторы, а также государственные органы и служащие, принимали ошибочные решения [15, с.182].

Широко используемое в нормативном регулировании и доктринальном анализе понятие «финансовая прозрачность» ни там, ни там четко не определяется. Применительно к финансовому контролю оно, как правило, не рассматривается и не определяется его критерии не выявлены, так как эта сфера, относясь к надзорно-конорольным функциями государства, традиционно всегда считалась закрытой. Цель настоящего исследования — ликвидировать указанный пробел.

Методы и материалы

Положения и выводы статьи получены с применением системного и формально-логического подходов

к анализу международных и российских институтов и практик финансового контроля, обеспечения их открытости (прозрачности).

Результаты и их обсуждение

Формально прозрачность финансовых институтов с 2004 г. закреплена в рамках «Международной конвергенции измерения капитала и стандартов капитала: новые подходы» (далее — Базель II) [16], а также — в национальном законодательстве. Так, концептуальные подходы к пониманию финансовой прозрачности заложены в ст. 36 Бюджетного Кодекса РФ, раскрывающей соответствующий принцип, который также обозначен и как принцип открытости. Это опубликование сведений в средствах массовой информации, их обязательная открытость для общества; включая процедуры рассмотрения и принятия решений, обеспечение виртуального доступа к информации, а также стабильность и (или) преемственности действующих классификаций, сопоставимости показателей. Эти принципы представляются универсальными и применимыми к финансовому контролю. В то же время, на практике прозрачность именно в финансовом секторе, «каким бы образом она ни измерялась» признается экспертами «далекой от совершенства» [17, с.40].

Во многом дело в том, что до последнего времени считалось, что требование финансовой прозрачности применимо, прежде всего, к субъектам финансового рынка: банкам, страховым компаниям, а также к корпорациям. Российские авторы традиционно исходили из того, что финансовый контроль должен обеспечить финансовую прозрачность подконтрольных субъектов, бюджетных отношений [18, с.71] и т.д., но при этом о собственной прозрачности, речи, как правило, не шло. То, что прозрачной должна стать и противоположная сторона — государственный финансовый контроль, было «открыто» относительно недавно.

В 2019 г. изменения в ст. 265 Бюджетного Кодекса РФ [19], уточнили понимание целей и задач государственного финансового контроля, которые состоят в обеспечении соблюдения положений правовых актов: 1) регулирующих бюджетные правоотношения; 2) обуславливающих публичные нормативные обязательства и обязательства по иным выплатам физическим лицам из бюджетов бюджетной системы РФ; 3) соблюдение условий государственных контрактов, договоров (соглашений) о предоставлении средств из бюджета.

В финансово-правовой доктрине под финансовым контролем принято понимать регламентированную нормами (финансового и административного) права деятельность уполномоченных государственных субъектов по проверке точности и своевременности финансового

планирования, полноты и обоснованности поступления доходов в определенные фонды денежных средств, а также эффективности и правильности их использования. Иначе говоря, в узком смысле финансовый контроль следит за законностью формирования, использования и распределения денежных ресурсов [20, с.33].

Финансовый контроль является комплексным финансово-правовым институтом. С позиции современной теории управления его следует считать одним из основных элементов управления. Именно контроль сопоставляет фактические результаты воздействия на управляемый объект с нормативными требованиями и принятыми решениями. При выявлении несоответствий, отклонений и нарушений, контроль инициирует меры по их устранению.

Финансовый контроль может быть как национальным, так и международным. Именно последний, как показывает исторический опыт¹ и опыт международных проверок Греции и Португалии, формирует правила и приемы обеспечения максимальной прозрачности, но и в свою очередь, может угрожать суверенитету государства.

С позиции системной теории финансовый контроль представляет собой систему институтов: нормативного, организационного обеспечения нормативно заданных правил и форм реализации и контролирующих органов. Как таковая «прозрачность», формально остается факкультативным признаком, так как не охватывается нормативным регулированием.

Финансовая прозрачность в её общем понимании означает своевременное и полное (в рамках дозволенного законом) раскрытие информации о производственной, финансовой и иной, связанной с финансами деятельности, равно как и практики управления в этих сферах.

Глобальные и национальные рекомендательные («мягкие») и регулятивные требования, а также общепринятые стандарты финансовой (МФСО — IFRS) и иной отчетности заставляют менеджмент российских компаний и организаций стремиться к максимальной прозрачности, которая в последнее время имеет реальную ценность, репутационную, не только для инвесторов и партнеров, но и практическую, для надзорных и контролирующих органов.

Формально, высокий уровень прозрачности сигнализирует о честности намерений по отношению

¹ Международный финансовый контроль неоднократно устанавливался европейскими государствами (включая Россию) за государственными финансами обанкротившихся Греции в 1856–1857 и 1897 гг.; Туниса (в 1869 г.), Османской империи (в 1875–1881 гг.).

к контрагентам и государству. Максимальное раскрытие информации, т.е. обеспечение высокой финансовой прозрачности помогает акционерам, инвесторам, аналитикам и проверяющим оценивать текущее состояние и потенциал компании. Также прозрачность остается и внутренней функцией, обеспечивающей, в том числе и внутренний первичный контроль.

Изложенное, классическое понимание финансовой прозрачности лишь отчасти применимо к финансовому контролю, как средству реализации правовой и финансовой политики государства. Его основная задача заключается, прежде всего, в эффективном распределении и использовании государственных средств, разработке финансовой стратегии и тактики. В этом плане государственный финансовый контроль нацелен на: соблюдение всеми его сторонами требований финансового законодательства; анализ финансового состояния государственных организаций; проведение бюджетно-финансового контроля [10].

Реализация курса на модернизацию и инновационное развитие российской экономики в условиях неблагоприятной внешнеполитической и внешнеэкономической конъюнктуры, а также политически мотивированных внешних ограничений (санкций), предъявляет предельно жесткие требования к финансовому контролю, который, по оценке Президента России, призван «добиться действительно прорывных результатов». В данном случае контроль следует рассматривать в виде постоянной обратной связи, при наличии которой формируется «объёмное, объективное видение всей картины», в рамках которой функционирует система изменений. Также контроль, как оценивает Президент России, «к сожалению иногда, так же как и во всём мире, даёт сбои». Задачу финансового контроля Президент России видит в выявлении лучших управленческих решений, пригодных к распространению, равно как и выявления «рисков неэффективности, коррупции, стагнации». В целом, контроль направлен на выявление отдачи, с которой работают вложенные государством ресурсы и оценке оптимальности распоряжения ими [21].

Таким образом, прозрачность финансового контроля в данном случае понимается как открытость, доступность для общества его результатов. Этот подход реализует конституционно значимые цели правового социального государства, действующего в интересах обеспечения прав и законных интересов граждан. Здесь эффективность финансового контроля выступает в качестве одного из основных факторов финансово-экономической устойчивости и социальной стабильности, а также экономической безопасности и благополучия граждан страны [9].

В то же время, такое понимание прозрачности финансового контроля представляется, пусть основным, но все же неполным. Прозрачность в системе финансового контроля, которая очевидно, опосредованно влияет на нормальное функционирование экономики. Исходя из этого контроль должен быть прозрачным не только в плане доступности его результатов для общества, но и аналогично прозрачным для проверяемых. В соответствии с действующим законодательством и по требованию контролирующих органов они обязаны раскрывать финансовую и иную информацию, которая касается коммерческих операций, безопасности, социальной ответственности организации и т.п. [13].

В данном случае все предъявляемые им требования и критерии оценки должны быть заранее известны, открыты и доступны, нормативно закреплены, т.е. прозрачны, а выводы и меры реагирования — иметь возможность для обжалования. Все это в полной мере соответствует общим подходам, закрепленным в «Декларации принципов деятельности контрольно-счетных органов Российской Федерации» [1], где даны основные принципы организации контрольно-счетных органов. Здесь принцип открытости (прозрачности) указан среди принципов плановости, системности, экономичности, независимости и взаимодействия.

Совокупность приведенных принципов также нельзя признать полной. Так прозрачность не может быть абсолютной, а может и отсутствовать, когда контрольные действия связаны с деятельностью и сведениями, составляющими государственную или иную, охраняемую законом тайну.

В соответствии со ст. 265 Бюджетного Кодекса РФ государственный финансовый контроль может быть внешним (осуществляют органы внешнего государственного финансового контроля — Счетная палата РФ, контрольно-счетные органы субъектов РФ); внутренним (осуществляется Федеральным казначейством, органами государственного финансового контроля в структуре органов исполнительной власти субъектов РФ), предварительным (предупреждение и пресечение бюджетных нарушений в процессе исполнения бюджетов) и последующим (осуществляется по результатам исполнения бюджетов для выявления законности их исполнения, достоверности учета и отчетности).

Принцип открытости (прозрачности) в равной степени распространяется на все указанные виды контроля, а соответственно и на деятельность всех указанных органов.

Финансовая прозрачность подразумевает: во-первых, чисто финансовый аспект, т.е. финансовую и бух-

галтерскую отчетность; во-вторых, допустимую законом прозрачность производственной деятельности, практики корпоративного управления и социальной ответственности, т.е. аспектов с финансами прямо не связанных.

Принцип прозрачности присущ, в установленных законом, пределах деятельности органов исполнительной власти. Это касается оборота информации об их деятельности, взаимодействии с ФОИВ, органами местного самоуправления, общественными объединениями и гражданами, выработки и реализации государственной политики; нормативно-правового регулирования деятельности и т.д. Финансовая прозрачность в данном случае определяется бюджетным характером отношений.

Прозрачность в деятельности ФОИВ в целом и финансового контроля, в частности, направлена на исключение случаев нарушения прав и законных интересов проверяемых, всех субъектов финансовых отношений, коррупционных рисков, открытости (в установленном законом объеме) данных о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера сотрудников контроля, совершенствование теории и практики управления институтами контроля, включая соблюдение требований служебного поведения и урегулирование конфликтов интересов, а также — взаимодействие с гражданами и их объединениями.

Органы государственного финансового контроля в целях обеспечения максимальной финансовой про-

зрачности могут заимствовать некоторые её критерии у частного и корпоративного сектора, внедряя их в текущую деятельность, добавив к уже существующим критериям. Это может быть, в частности, пока недооцениваемый временной фактор, так как минимизация сроков предоставления и обработки информации повысит скорость доступа к ней в режиме реального времени, а это, в свою очередь, скажется на доверии к системе государственного финансового мониторинга со стороны инвесторов и общества. Необходимо отметить, что важно также обеспечить прозрачность входящей и исходящей информации через её раскрытие, (производственная деятельность, практика корпоративного управления, социальная ответственность, положение относительно конкурентов, безопасность) в части, не являющейся тайной.

Заключение

Таким образом, совершенствование системы государственного финансового контроля позволит повысить конкурентоспособность и инновационные возможности, социальную эффективность и надежность субъектов правоотношений, обеспечить полезной и необходимой информацией все заинтересованные стороны, в том числе зарубежных партнеров и новых потенциальных высококвалифицированных сотрудников, повысить уровень и качество противодействия коррупции через улучшение финансовой прозрачности, которая, в свою очередь, как показывает опыт передовых стран, позволит минимизировать коррупцию и снизить количество финансовых преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декларация принципов деятельности контрольно-счетных органов российской Федерации. Принята 05.10.2002 IV конференцией Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации [Электронный ресурс]: http://www.ksp.mos.ru/ru/docs/dedaration/busmess_principles (дата обращения: 19.12.2019).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2012 г. № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке нормативных правовых актов и их общественного обсуждения» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]: <http://base.garant.ru/70219366/> (дата обращения: 19.12.2019).
3. Указ Президента Российской Федерации от 18.05.2009 № 559 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» (ред. от 19.09.2017) [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87845/ (дата обращения: 19.12.2019).
4. Указ Президента Российской Федерации от 13.06.2012 № 808 (ред. от 08.03.2016) «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/70188802/> (дата обращения: 19.12.2019).
5. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 20.12.2019).
6. Геращенко И.П., Пашкова Т.А. Внешний муниципальный финансовый контроль: теоретический аспект, 2017. — Т. 23, № 43. — С. 2558–2574.
7. Ермолаев К.С. Финансовый мониторинг как вид финансового контроля [Текст] // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2017 г.). — М.: Буки-Веди, 2017. — С. 76–78.
8. Казанкова Т.Н., Трифонова С.А. Проблемы финансового контроля в РФ // Отечественная юриспруденция, 2017. — № 11. — С. 32–33.
9. Сафонова Е.А. Проблемы финансового контроля: практический и теоретический аспекты // Экономика и бизнес: теория и практика, 2017. — Т. 4. — Ч. 2. — С. 90–94.

10. Шепелев Д. Р. Государственный финансовый контроль в России: проблемы и перспективы [Текст] // Экономическая наука и практика: материалы V Международной науч. конференции (г. Чита, апрель 2017 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2017. — С. 53–57.
11. Отчет о деятельности Росфинмониторинга [Электронный ресурс]: http://www.fedsfm.ru/content/files/activity/annualreports/otchet_2018%20%D1%80%D1%83%D1%81.pdf (дата обращения: 20.12.2019).
12. Федеральная служба по финансовому мониторингу [Электронный ресурс]: <http://www.fedsfm.ru/> (дата обращения: 19.12.2019).
13. Финансовая прозрачность. Как ее добиться с помощью BPM и XBRL [Электронный ресурс]: <https://iso.ru/ru/press-center/journal/2202.phtml> (дата обращения: 20.12.2019).
14. Dharan, Bala G.; William R. Bufkins Enron: Corporate Fiascos and Their Implications (PDF). Foundation Press, 2004.
15. Донская Л. А. Финансовый кризис — стимул к повышению прозрачности финансовой отчетности// Актуальные вопросы современной науки. 2009. — № 10. — С. 180–186.
16. Международный комитет по банковскому надзору The Basel Committee. Официальный сайт <https://www.bis.org/bcbs/index.htm>
17. Бацунова С. И. Прозрачность финансовых институтов и рыночная дисциплина Базеля II: на примере Швейцарии// Банковское дело. — 2012. — № 1. — С. 38–42.
18. Коваленко Е. В. Роль высших органов финансового контроля в усилении прозрачности и открытости бюджетного процесса// Актуальные вопросы современной экономической науки Сб. докладов XVI Международной науч. конф. — М., 2014. — С. 68–74.
19. Изменения внесены федеральным законом от 26.07.2019 № 199-ФЗ.
20. Казанкова Т. Н., Трифонова С. А. Проблемы финансового контроля в РФ// Отечественная юриспруденция. — 2017. — № 11. — С. 32–33.
21. Путин В. В. Выступление на XXIII конгрессе Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) 25 сентября 2019 г.// <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61641>

© Гаврюшенко Анна Павловна (arork@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Российский государственный университет правосудия

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ТРУД ЛИЦАМИ, ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

REALIZATION OF THE RIGHT TO WORK BY PERSONS SENTENCED TO DEPRIVATION OF LIBERTY

**V. Grunina
P. Ananyin**

Summary. The article discusses the problematic issues of legal regulation of the organization of labor of prisoners sentenced to imprisonment. The problems associated with the organization of labor are analyzed, the possibility of motivation and the organization of the effective use of labor resources in the person of prisoners in the penal system in modern Russia is assessed.

Keywords: convicts, labor, right to work, penal system.

Грунина Вероника Александровна

К.ю.н., доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
vgrun@rambler.ru

Ананьин Петр Александрович

К.ю.н., старший преподаватель, Владимирский юридический институт ФСИИ России
petron@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы организации и правового регулирования труда осужденных к лишению свободы. Анализируются проблемы, связанные с организацией труда, дается оценка возможности мотивации и организации эффективного использования трудовых ресурсов в лице осужденных в уголовно-исполнительной системе в условиях современной России.

Ключевые слова: осужденные, труд, право на труд, уголовно-исполнительная система.

Вопрос труда заключенных и лиц осужденных к обязательным и исправительным работам, как и прежде, остается в поле зрения правозащитников и вызывает множество дискуссий. Подневольный характер труда, плохие условия труда, устаревшее оборудование, отсутствие должного контроля за техникой безопасности, продолжительный рабочий день, завышенные нормы выработки, низкие зарплаты — имеет место быть и позволяет многим считать, что труд заключенных осуществляется с нарушением норм трудового законодательства. Правовое регулирование труда до сих пор остается нерешенным и болезненным для системы исполнения наказания.

Особую роль в формировании личности человека, в развитии всех его способностей и качеств принадлежит труду, практической деятельности. В процессе осуществления трудовой деятельности, у осужденных формируется и развивается трудолюбие, дисциплинированность, коллективная ответственность и др.

Воспитательная роль труда состоит в том, что он позволяет приобрести человеку определенные моральные качества, а также закрепляет их. При этом в процессе общественно полезного коллективного труда закрепляют-

ся и те новые качества, которые прививаются человеку по средством различных форм и методов воспитательного воздействия.

Необходимо отметить, что понятие «трудового воспитания» охватывает различные стороны практической, нравственной, и психологической подготовки осужденных к трудовой деятельности. Трудовое воспитание осужденных — это деятельность, направленная на вовлечение лиц отбывающих наказание в местах лишения свободы в трудовую деятельность, формирование у них психологической и практической готовности к труду, а также нравственных качеств и осознанной потребности трудиться.

Трактуя данное понятие, мы существенно ограничиваем содержание воспитательного потенциала труда: условия организации производства, характер трудовой деятельности, интересы и мотивы, формирующие отношение осужденных к труду и его результатам.

Важная роль в определении стратегии дальнейшего развития экономики УИС принадлежит Концепции реформирования уголовно-исполнительной системы (на период до 2020 года), поскольку в ней ставятся за-

дачи дальнейшего совершенствования форм и методов производственно-хозяйственной деятельности и привлечения осужденных к труду[1].

Человек является социальным существом и субъектом общественно-исторической деятельности и культуры, чья жизнь, как правило, немыслима без его участия в труде[2]. Труд человека происходит во всех сферах жизни общества, включая и те, которые призваны принудительно сформировать у него уважительное отношение к обществу и труду.

Речь идет о лицах, осужденных по приговору суда к лишению свободы и привлекаемых в указанных местах к трудовой деятельности. При этом, как правило, труд является не способом самовыражения личности, которая реализует себя в данном качестве на основе конституционного принципа свободы труда[3], а средством исправления осужденных[4].

Данные обстоятельства воплощаются в особых приемах регулирования труда осужденных лиц, которые включаются в нормы действующего законодательства. В частности, к данным лицам не применим принцип запрещения принудительного труда[5].

Об эффективности функционирования пенитенциарной системы можно судить по различным формам реализации уголовных наказаний, количеству лиц не совершающих повторные преступления, а также по трудоустройству осужденных и овладению ими различными профессиями и навыками.

Особую роль в формировании личности человека, в развитии всех его способностей и качеств, принадлежит труду и практической деятельности. В процессе осуществления трудовой деятельности, у осужденных формируется и развивается трудолюбие, дисциплинированность, коллективная ответственность и др.

Важная роль труда состоит в том, что он позволяет приобрести человеку определенные моральные качества, а также закрепляет их. При этом в процессе общественно полезного коллективного труда закрепляются и те новые качества, которые прививаются человеку по средством различных форм и методов воспитательного воздействия.

Отбывание наказания в исправительном учреждении регулируется уголовно-исполнительным законодательством. Когда осужденного привлекают к труду, кроме норм Уголовно-исполнительного кодекса в отношении него начинают действовать нормы трудового законодательства, но только в части, предусмотренной УИК РФ.

Ст. 103 УИК РФ указывает, что каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений[4]. Это положение определяет природу отношений, порядок оформления на работу и право учреждения обеспечивать обязанность труда мерами дисциплинарного принуждения. Несмотря на то, что труд в исправительном учреждении обязателен под страхом наказания, он не является запрещенным Конституцией Российской Федерации «принудительным трудом».

По общему правилу, осужденные не имеют права отказать от работы, поэтому учреждение не обязано договариваться с ними об условиях работы и оплаты труда. Трудовой договор, обязательный в рамках трудового правоотношения, с осужденными не заключается.

Как правило, для лиц, осужденных к лишению свободы, труд является не правом, а обязанностью (ст. 103 УИК РФ); им запрещается прекращать работу для разрешения трудовых конфликтов (ч. 6 ст. 103 УИК РФ) и устанавливаются иные ограничения в сфере осуществления трудовой деятельности, которая происходит исключительно в условиях центров трудовой адаптации осужденных и производственных (трудовых) мастерских исправительных учреждений, на федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы и в организациях иных организационно-правовых форм, расположенных на территориях исправительных учреждений и (или) вне их, при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных (ч. 1 ст. 103 УИК РФ).

В отношении данной категории лиц устанавливаются и иные виды ограничений. Например, согласно ч. 3 ст. 107 УИК РФ в исправительных учреждениях на лицевой счет осужденных зачисляется независимо от всех удержаний (для возмещения расходов по их содержанию и удовлетворения всех требований взыскателей) не менее 25% начисленных им заработной платы, пенсии или иных доходов.

Исключение составляют осужденные достигших возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, являющиеся инвалидами I и II группы, несовершеннолетние, беременные женщины и женщины, имеющие детей в домах ребенка исправительного учреждения, на лицевой счет которых после указанных выше удержаний зачисляется не менее 50% начисленных им заработной платы, пенсии или иных доходов.

В связи с этим, начисленная осужденным заработная плата может составлять сумму, менее минимального размера оплаты труда (МРОТ) [6]. При этом данные ограни-

чения в трудовых правах не нарушают общеустановленных конституционных прав граждан.

Как по этому поводу отметил Конституционный Суд РФ, установление удержаний из заработной платы, пенсий и иных доходов осужденных к лишению свободы для возмещения расходов по их содержанию — стоимости питания, одежды, коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены ежемесячно в пределах фактических затрат, произведенных в данном месяце, — не противоречит целям РФ как социального государства и обязательно-го труда как средства исправления осужденных.

В связи с чем, положения УИК РФ не могут расцениваться как нарушающие права осужденных лиц[7]. При этом нельзя сказать, что труд лиц, осужденных к лишению свободы не подпадает под сферу регулирования норм трудового законодательства.

Так, продолжительность их рабочего времени, правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии (ч. 1 ст. 104 УИК РФ); право на оплату труда (ч. 1 ст. 105 УИК РФ); освобождение обучающихся осужденных от работы для сдачи экзаменов (ч. 3 ст. 112 УИК РФ) и т.п. устанавливаются в соответствии с трудовым законодательством РФ. Так, например, суды признают обоснованными применение органами государственной инспекции труда штрафных санкций в отношении администраций исправительных колоний, применяющих труд осужденных, по ст. 5.27 КоАП РФ[8] за нарушение законодательства о труде и об охране труда.

Более того, в УИК РФ прямо предусматривается, что труд лиц, осужденных к лишению свободы в колониях-поселениях регулируется законодательством РФ о труде. Исключение составляют правила приема на работу, увольнения с работы и перевода на другую работу (ч. 3 ст. 129 УИК РФ). Это подтверждается, в том числе материалами судебной практики.

В частности, судом признается обязанность администрации исправительных учреждений производить выплату заработной платы осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях не реже, чем каждые полмесяца, т.е. по правилам ст. 136 ТК РФ.

Примечательно также и то, что некоторые осужденные судом к наказанию в виде лишения свободы, вправе заниматься трудовой деятельностью по своему желанию, т.е. труд для них выступает в качестве права, а не обязанности. Например, осужденные, достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, а также осужденные, являющиеся инвалидами I или II групп. В этом случае на них распространяется трудовое законодательство и законодательство о социаль-

ной защите инвалидов (ч. 2 ст. 103 УИК РФ). Это означает, что их труд носит добровольный, а не принудительный характер, что отмечается в специальной юридической литературе[9]. В свою очередь, несовершеннолетние осужденные привлекаются к труду с учетом гарантий, предусмотренных трудовым законодательством РФ.

Следует отметить, что трудовая деятельность лиц, осужденных по приговору суда к уголовному наказанию, не связанному с лишением свободы, также регулируется нормами трудового законодательства РФ. Например, осужденных по приговору суда к обязательным работам (ч. 1 ст. 26 УИК РФ), исправительным работам (ч. 6 ст. 40 УИК РФ), в случаях отбывания наказания в виде ограничения свободы (ч. 5 ст. 50 УИК РФ) или осужденных к принудительным работам. Хотя и в данных случаях нормы трудового законодательства распространяются на данную категорию лиц с определенными изъятиями. Все это свидетельствует о том, что данные лица не могут не признаваться участниками трудовых и непосредственно связанных с ними отношений.

УИК РФ предусматривает, что отношения, возникающие при привлечении к труду данных категорий осужденных, носят иную правовую природу — трудовую. Соответственно, отношения регулируются Трудовым кодексом с учётом запретов и ограничений, установленных УИК РФ. Если в УИК РФ нет специального порядка регулирования, то применяются нормы трудового законодательства. С такими осужденными должен составляться трудовой договор и оформляться трудовая книжка.

В судебной практике часто возникают споры по отнесению определённого временного периода к рабочему времени. При возникновении спора нужно исходить из того, что вывод осужденного на производственный участок производится не для того, чтобы осужденный там спал или пил чай, а для того, чтобы он исполнял трудовые обязанности.

Срочный вывод на работы в колонии обычно производится именно в связи с необходимостью произвести разгрузочные работы. Выполнение срочного заказа перечнем оснований к привлечению работника в праздничные дни не указано.

Работа в течение двух смен запрещается. Администрация учреждения может привлечь работника к сверхурочной работе в связи с неявкой сменщика на время не более 4-х часов. Администрация ИУ должна принять меры к замене любым другим работником в течение указанного времени.

Сверхурочная работа — это работа сверх продолжительности рабочего времени, ежедневной работы

(смены), а при суммированном учёте рабочего времени — сверх нормального числа рабочих часов за учётный период. Администрация учреждения, привлекая осуждённого к работе в течение двух смен подряд, нарушает требования ч. 1 ст. 104 ТК РФ.

Как было указано Конституционным судом Российской Федерации в Определении от 18.12.2007 № 939-о-о «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абдужапарова Олега Абдулаевича», невыполнение или ненадлежащее выполнение осуждённым обязанности трудиться вследствие несоблюдения администрацией исправительного учреждения установленных законом условий и порядка привлечения его к труду не могут расцениваться как основания для наложения на него каких-либо взысканий.

Эта сентенция Конституционного суда открывает возможность оспорить дисциплинарное взыскание в связи с отказом от работы в течение двух смен подряд. Введённое Трудовым кодексом ограничение на работу в течение двух смен подряд основано на понимании того, что человек не может полноценно работать столь длительный срок. Чрезмерная усталость работника повышает, в том числе, опасность травматизма и ошибок, ведущих к аварийной ситуации[10].

Достаточно распространённым нарушением при суммированном учёте рабочего времени является необоснованное увеличение нормы часов рабочего времени. Нормальное число рабочего времени за учётный период определяется исходя из установленной для работников еженедельной продолжительности рабочего времени. Для примера подсчёта нормы можно взять норму часов работников, занятых обычной восьмичасовой рабочей сменой. Для работников, занятых неполной рабочей сменой или неполную рабочую неделю, нормальное число рабочих часов должно уменьшаться соответственно.

Осуждённые к лишению свободы имеют право на оплату труда в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде. Невыплата заработной платы вообще, а в исправительном учреждении тем более,— грубейшее нарушение закона. В связи с тем, что трудовое законодательство предусматривает возможность отказа от выполнения работы, а уголовно-исполнительное запрещает осуждённому любой отказ от работы, в том числе для защиты своих трудовых прав, действия администрации учреждения можно квалифицировать как использование принудительного труда. Защитить осуждённому себя в этой ситуации возможно либо написанием жалобы, либо в судебном порядке[10].

Целью системы наказания является исправление граждан, вставших на путь нарушения закона. Вместе

с тем, в последнее время о труде как о средстве перевоспитания почти не говорят. Отчасти это правильно, потому что труд осуждённого в том виде, в котором он существует на сегодняшний день, это что угодно, но не средство воспитания. С другой стороны — совершенно напрасно, потому что успешные навыки труда подвигают человека к изменению поведения в нужное общество направление. Невозможно ожидать положительного эффекта от трудовой деятельности в воспитательном процессе без построения механизма мотивации к труду.

Таким образом, можно отметить, что труд осуждённых совместно с другими способами воспитательной работы является одним из основных средств воспитания и исправления. Причем труда осуждённых следует рассматривать не только как процесс воспитания. Трудовая деятельность способствует развитию творческих способностей, чувства ответственности, повышает уверенность в себе.

Общественные отношения в сфере привлечения осуждённых к труду объективно зависят от законов рынка и состояния экономики страны в целом. Принимая во внимание тот факт, что труд имеет исключительно высокий образовательный потенциал, мы считаем, что его обязательность по отношению к осуждённым должна сохраняться как сейчас, так и в будущем.

Несмотря на то, что промышленные предприятия в местах лишения свободы находятся в чрезвычайно трудном положении. В настоящее время государство не в состоянии полностью финансировать ИУ, а это означает, что производство является единственным источником средств, который может помочь выжить[11].

Несомненно, промышленные предприятия УИС должны получать существенную государственную поддержку, то есть иметь финансовую поддержку, обеспечиваться государственным заказом, иметь сырьё и материалы, хорошо развитые рынки сбыта товара. Такой подход к развитию производства в УИС все чаще предлагается учеными и практическими работниками, но для этого требуется соответствующее решение органов исполнительной власти и дополнительное государственное финансирование.

Подводя итог, необходимо сделать вывод о том, что трудовые отношения осуждённых имеют свою специфику. В связи с этим они должны регламентироваться отдельными положениями трудового и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Без внесения соответствующих изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации невозможно в полной мере обеспечить реализацию конституционных прав граждан на труд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2010. — № 43, ст. 5544.
2. Туленков А. А., Филиппова Е. О. Право осужденных к лишению свободы на труд на современном этапе развития уголовно-исполнительного законодательства // В сборнике: Scientific perspectives 2018. Сборник материалов XXXV Международной научно-практической конференции. 2018. С. 159–161.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Рос. газ. — 2009. — 21 янв.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 27 декабря 2019 г. № 410-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1997. — № 2, ст. 198.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 16 декабря 2019 г. № 502-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 1 (часть I), ст. 3; Конвенция № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда» // Ведомости ВС СССР. — 1956. — № 13, ст. 279.
6. О минимальном размере оплаты труда: федер. закон от 19 июня 2000 № 82-ФЗ (ред. от 27 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2000. — № 26, ст. 2729.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Стягова Виктора Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 99 и статьей 107 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, а также частью тринадцатой статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 2369-О // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс»
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 27 декабря 2019 г. № 450-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 1 (часть I), ст. 1.
9. Зенина Н.В., Павлова Е. В., Строгович Ю. Н. Характеристика правового регулирования труда осужденных к лишению свободы // Российский следователь. — 2015. — № 4. С. 42–47; Еремина С. Н. Возможность реализации права на труд осужденными к лишению свободы // Юридический мир. — 2013. — № 8. С. 58–61; Репринцев Д. Д. Правовое регулирование труда лиц, осужденных к лишению свободы // Трудовое право. — 2012. — № 5. С. 79–85.
10. Справочник ОНК «Проведение мониторинга соблюдения прав осужденных при привлечении их к труду». Пермь. 2016.
11. Чернышов И. Н. Цели труда в системе исправления осужденных // Человек: преступление и наказание. — 2016. — № 1 (92). С. 120–126.

© Грунина Вероника Александровна (vgrun@rambler.ru), Ананьин Петр Александрович (petron@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Г. Владимир

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ УМЕНЬШЕНИЯ И ОТКАЗА В ПРИСУЖДЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ДОЛИ В НАСЛЕДСТВЕ

TO THE QUESTION OF THE GROUNDS FOR REDUCING AND REFUSING TO AWARD A MANDATORY SHARE IN THE INHERITANCE

**A. Gudkov
A. Krasilschikov
V. Mishchenko**

Summary. The issues discussed in this article concerning the problematic aspects of the mandatory share in the inheritance are of particular relevance in modern conditions. In many cases, the inheritance of this share can improve or maintain the financial situation of the heirs, especially the disabled. In this regard, the article examines the law enforcement practice, the positions of scientists set forth in the legal literature.

Based on the analysis of the mandatory share in the inheritance, the grounds provided for by the civil law for its reduction and refusal to award, conclusions are drawn with the aim of improving the Civil Code of the Russian Federation and aimed at ensuring uniformity of judicial practice. In particular, the authors propose additions to the current edition of Art. 1149 of the Civil Code of the Russian Federation, stipulating in it a provision that the court has the right to consider the property status of heirs with the right to an obligatory share. At the same time, it should be clarified that they have their own property, their participation in the formation of common property with the testator, their joint use, the duration of the marriage, as well as other circumstances. And only guided by the data received, make a decision to reduce the size of the mandatory share or refuse to award it.

Keywords: inheritance, share, refusal, award, property, contract, spouse, parents, inheritance, protection, inheritance Fund.

Гудков Анатолий Иванович

*К.ю.н., доцент, Владимирский юридический институт ФСИН России
gudkovaniv@yandex.ru*

Красильщиков Анатолий Владимирович

*К.ю.н., доцент, Владимирский юридический институт ФСИН России
krasilschikov@inbox.ru*

Мищенко Вячеслав Иванович

*К.ф.н., доцент, Владимирский юридический институт ФСИН России
vyacheslav-mischenko@mail.ru*

Аннотация. Рассмотренные в настоящей статье вопросы, касающиеся проблемных аспектов обязательной доли в наследстве, в современных условиях имеют особую актуальность. Во многих случаях наследование этой доли позволяет улучшить или сохранить материальное положение наследников, особенно нетрудоспособных. В этой связи в статье исследована правоприменительная практика, позиции ученых, изложенные в юридической литературе.

На основе проделанного анализа обязательной доли в наследстве, предусмотренных гражданским законодательством оснований ее уменьшения и отказа в присуждении, сделаны выводы, имеющие своей целью совершенствование ГК РФ и направленные на обеспечение единообразия судебной практики. В частности, авторы предлагают внесение дополнений

в действующую редакцию ст. 1149 ГК РФ, предусмотрев в ней положение о том, что суд вправе рассмотреть имущественное положение наследников, обладающих правом на обязательную долю. При этом следует уточнить наличие у них собственного имущества, их участие в образовании общей собственности с наследодателем, совместное пользование ею, срок брака, а также иные обстоятельства. И только руководствуясь полученными данными, принимать решение об уменьшении размера обязательной доли или отказе в ее присуждении.

Ключевые слова: наследство, доля, отказ, присуждение, имущество, договор, супруг, родители, наследование, защита, наследственный фонд.

Современный мир стремительно меняется. Безпрецедентная ситуация, возникшая во всем мире и в нашей стране из — за пандемии коронавируса, внесла коррективы в деловую активность как крупных корпораций, так и малого и среднего бизнеса, всего предпринимательского сообщества, туристического бизнеса, контактов и перемещений людей между странами и континентами. На смену глобализации приходит, мы убеждены, временная, изоляционная политика, когда первостепенной задачей является, с одной стороны, сохранение главной ценности — человеческой жизни, а с другой, — минимизация негативных последствий пандемии и сохранение достигнутого уровня развития материальной культуры, материального благосостояния и благополучия, на основе которого созданы и продолжают создаваться материальные блага, являющиеся необходимым условием бытия человека.

Но, как известно, человеком движет интерес. Поэтому и в таких непростых условиях не прекращаются интеллектуальная деятельность, научные поиски путей совершенствования гражданского оборота, сохранения и приумножения материальных и духовных ценностей, созданных в процессе созидательной деятельности человека. Это, на наш взгляд, в полной мере относится к научной деятельности, поискам совершенствования сложившихся правовых механизмов регулирования наследственных правоотношений, которые, по нашему мнению, требуют дальнейшего совершенствования.

Положениями действующего в настоящее время гражданского законодательства особым статусом среди наследников по закону наделены несовершеннолетние и нетрудоспособные дети наследодателя, нетрудоспособные супруги и родители, нетрудоспособные иждивенцы наследодателя.

Вышеуказанные лица, выступая в качестве обязательных наследников, наследуют не менее половины той доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону.

Обязательная доля в наследстве рассматривается как своего рода ограничение распоряжения всем своим имуществом, которым обеспечивается защита прав определенных категорий граждан. В частности, в том случае, если наследодатель не составлял завещания и не заключал наследственного договора, предусмотрено наследование имущества по закону, исходя из очередности наследников.

Вместе с тем, при оформлении завещания или же составлении наследственного договора, получить наследство могут и лица, которые в нем прямо указаны, и лица, у которых имеется законное право на это (что прослежи-

вается из норм, закрепленных в ч. 1 ст. 1111, п. 1 ст. 1118, п. 6 ст. 1140.1, ст. ст. 1141, 1149 ГК РФ [1]).

В юридической литературе до настоящего времени не выработан единообразного подхода к сущности обязательной доли в наследстве. В частности, по мнению отдельных авторов при реализации на практике положений об обязательной доле в наследстве происходит как бы «бронирование» части наследственного имущества для особых категорий наследников, вне зависимости от того, что указано в завещании [3. С. 124].

В свою очередь О.С. Иоффе обосновывается позиция, согласно которой обязательная доля — это «минимум» для наследников [6. С. 317].

В соответствии с п. 1 ст. 1149 ГК РФ правом на обязательную долю обладают несовершеннолетние и нетрудоспособные дети умершего гражданина, его супруг и родители. Данное право также есть у нетрудоспособных граждан-иждивенцев умершего (ст. 1148 ГК РФ).

Кроме того, считаем необходимым обратить внимание на то, что согласно правилам, которые вступили в силу 1 сентября 2018 г., в том случае, если обязательный наследник является выгодоприобретателем наследственного фонда, то он утрачивает право на обязательную долю. Восстановить право на обязательную долю возможно путем отказа наследника в течение срока принятия наследства от всех прав выгодоприобретателя наследственного фонда.

Обращаясь к рассмотрению вопроса уменьшения и отказа в присуждении обязательной доли в наследстве, отметим, что суд, рассматривая дело, может уменьшить размер обязательной доли в наследстве, а также отказать в ее присуждении. Подобное решение может быть принято судом не произвольно, а руководствуясь нормой, закрепленной в ст. 1149 ГК РФ.

В частности, если наследником по завещанию наследственное имущество использовалось для проживания (к примеру, лицо проживало в квартире умершего или же квартира использовалась им как основной источник дохода), а наследник, у которого имеется право на получение обязательной доли, при жизни наследодателя не использовал данное имущество. В подобной ситуации и с учетом имущественного положения наследников судом может быть принято такое решение, что прослеживается из материалов судебной практики [2]. Так, согласно Определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.2019 N5-КГ19-181, истицей было заявлено требование об уменьшении обязательной доли наследства.

Исходя из обстоятельств дела: наследник по завещанию указывает, что наследник по закону претендует на обязательную долю в наследстве, в том числе на жилое помещение, являющееся для наследника по завещанию единственным жильем, в то время как у наследника по закону в собственности есть недвижимое имущество.

Вынесенным решением дело направлено на новое рассмотрение, так как судом не установлены все обстоятельства, значимые для дела. Так, остались не вполне ясными и не исследовались следующие вопросы: повлечет или нет реализация наследником по закону своих прав невозможность для наследника по завещанию использовать имущество, в котором он при жизни наследодателя жил. При этом также не было учтено, что наследник по завещанию является инвалидом.

Судом также может быть уменьшен размер обязательной доли наследника, который отказался от прав выгодоприобретателя наследственного фонда, в случае, если стоимость причитающегося ему наследства значительно выше размера средств, которые нужны на содержание наследника с учетом его обязательств перед третьими лицами, потребностей и средней величины расходов, уровня его жизни до смерти наследодателя (что следует из абз. 2 п. 5 ст. 1149 ГК РФ).

Обращаясь к рассмотрению отказа от обязательной доли, считаем необходимым детализировать положение о том, что наследник не обязан получить ее, при желании он вправе отказаться от такой доли. Однако применительно к отказу законодательно предусмотрено только одно ограничение: отказ невозможен в пользу другого наследника. Правовым последствием отказа станет увеличение доли наследника по завещанию или наследственному договору (п. 1 ст. 1118, ст. 1157, п. 1 ст. 1158 ГК РФ).

В юридической литературе высказываются неоднозначные, порой противоречивые, мнения об уменьшении обязательной доли и отказе в ее присуждении. В частности, исходя из позиции Н.Б. Деминой, и так уже произошло снижение размера обязательной доли до 1/2. Ее точка зрения основывается на том, что указанное ограничение негативно влияет на права нетрудоспособных родственников наследодателя, еще больше ослабляя их.

В этой связи она предлагает использование механизма соглашения о разделе наследства, предусмотрев в нем возможность выделения обязательной доли в денежном эквиваленте [5. С. 26].

Однако, существуют и иные позиции и мнения ученых. Так, по мнению С.П. Гришаева получить обязательную долю желают не всегда малоимущие люди [4]. И мы в этом с ним согласны. То есть, иногда вопрос выделения обязательной доли поднимается пережившим супругом (даже если фактические брачные отношения до открытия наследства уже были прекращены), сожителем наследодателя. Безусловно, каждый случай индивидуален, но всегда нужно стремиться к обеспечению принципа социальной справедливости, особенно при обсуждении вопроса уменьшения их обязательной доли или отказе в ее присуждении.

Руководствуясь п. 4 ст. 1149 ГК РФ отметим, что удовлетворение иска об отказе в присуждении обязательной доли или ее уменьшение обуславливается, исходя из следующего.

1. Спорное имущество использовалось наследником по завещанию для постоянного проживания или как основной источник дохода.
2. При жизни наследодателя спорное имущество наследником, имеющим право на обязательную долю, не использовалось.

Но в данном условии, по нашему мнению, заложена некоторая правовая неопределенность, так как в нем не установлено критериев оценки продолжительности использования имущества.

3. Реализация права на обязательную долю в наследстве сделает невозможной передачу спорного имущества наследнику по завещанию, если, например, наследственное имущество не может быть разделено без изменения его назначения, исходя из своих свойств.
4. Если имущественное положение наследника, имеющего право на обязательную долю, дает возможность уменьшения ее размера или отказа в присуждении.

Отметим, что законодатель, понимая сложный характер наследственных правоотношений, значительную роль в их разрешении отводит судебным органам. В связи с этим, полагаем возможным предложить внесение дополнений в действующую редакцию ст. 1149 ГК РФ, предусмотрев в ней положение о том, что суд, принимая решение по данному вопросу, вправе рассмотреть имущественное положение наследников, обладающих правом на обязательную долю. В частности, уточнить наличие у них собственного имущества, их участие в образовании общей собственности с наследодателем, совместное пользование ею, срок нахождения в браке, а также иные обстоятельства. И только руководствуясь полученными данными, принимать решение об уменьшении размера обязательной доли или отказе от ее присуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. N49. Ст. 4552.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.2019 N5-КГ19-181 // СПС «Консультант Плюс».
3. Гущин В.В., Дмитриев Ю. А. Наследственное право и процесс. М.: Эксмо, 2007. С. 124.
4. Гришаев С. П. Комментарий к законодательству о наследовании // СПС «КонсультантПлюс».
5. Демина Н. Б. Обязательная доля как средство обеспечения прав родственников наследодателя // Нотариус. 2005. N4. С. 26.
6. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. Ч. 3. С. 317.

© Гудков Анатолий Иванович (gudkovaniv@yandex.ru),

Красильщиков Анатолий Владимирович (krasilshnikov@inbox.ru), Мищенко Вячеслав Иванович (vyacheslav-mischenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Г. Владимир

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

LEGAL MECHANISM OF INTERACTION OF PUBLIC CHAMBERS OF THE RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS WITH STATE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

**M. Dzakhoeva
A. Kalmanova**

Summary. This article discusses the features and mechanism of legal regulation of the interaction of public chambers with authorities. Based on the results of the discussion, the public chamber of a constituent entity of the Russian Federation is identified as one of the most important forms of interaction. It is proposed: not to allow the politicization of regional public chambers, to develop information support for its activities, to use its legal capabilities as a tool to counter specific offenses.

Keywords: subject of the Russian Federation, public chamber, authority, expertise, control, law, interaction, supervision, power.

Дзахоева Марина Валерьевна

Аспирант, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова
dzahoeva-larisa@rambler.ru

Калманова Альбина Сослановна

К.ю.н., доцент, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены особенности и механизм правового регулирования взаимодействия общественных палат с органами власти. По итогам рассмотрения темы общественная палата субъекта РФ определена как одна из важнейших форм взаимодействия. Предложено: не допускать политизацию региональных общественных палат, развивать информационное обеспечение ее деятельности, применять ее правовые возможности как инструмент противодействия конкретным правонарушениям.

Ключевые слова: субъект РФ, общественная палата, полномочия, экспертиза, контроль, закон, взаимодействие, надзор, власть.

Значимыми критериями оценки деятельности органов государственной власти и местного самоуправления выступают: 1 — своевременное выявление допущения нарушений законодательства, и, что немаловажно, 2 — точное понимание современных общественных запросов. Полагаем, что последний посыл оказал существенное влияние на создание Общественной палаты.

Общественная палата Российской Федерации не наделяется властными полномочиями, что указано в федеральном законе от 04.04.2005 N32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» [2] (далее — Закон), и это,

безусловно, соответствует государственной позиции о социально-правовом характере данного института.

В настоящее время общественные палаты в субъектах Российской Федерации выступают координирующими центрами общественной активности. Их взаимодействие с органами государственной власти РФ и местного самоуправления осуществляется по самым различным направлениям, рассмотрим некоторые из них.

Одним из вариантов взаимодействия общественных палат с органами государственной власти является взаимодействие с общественными советами, функциониру-

ющими при законодательных органах государственной власти субъектов РФ, включая их систематическую информационную, методическую и иную поддержку.

В результате анализа регионального законодательства можно выделить такие формы участия общественной палаты в формировании общественного совета, как:

1. согласование правового статуса совета;
2. выступление с инициативой о формировании общественного совета;
3. организация, а также непосредственное участие в конкурсном отборе кандидатур членов общественного совета;
4. выдвижение и согласование кандидатур в состав общественного совета;
5. утверждение состава общественного совета.

Типовое положение, закрепляющее статус общественного совета при региональном высшем органе исполнительной власти, утверждается, соответственно, правительством (администрацией) конкретного региона. Нормативный правовой акт, определяющий статус общественного совета при региональном исполнительном органе (министерстве, департаменте, комитете, управлении), разрабатывается, как правило, самим органом и утверждается его руководителем. В отдельных регионах предусматривается его согласование с общественной палатой, что прослеживается, к примеру, из законодательства Республики Хакасия [3] и Кабардино-Балкария [4].

Общественные советы формируются, как правило, путем проведения конкурса, который организуется органом государственной власти. При этом, необходимо отметить, что степень участия общественных палат в процедурах создания общественных советов в каждом регионе существенно различается. Так, в Тамбовской области существует практика, согласно которой представители Общественной палаты подлежат включению в состав конкурсной комиссии. В свою очередь, в Новгородской области из семи членов комиссии по отбору кандидатов в Общественный совет не менее половины должны составлять представители общественной палаты и общественных организаций. В Амурской, Курганской, Оренбургской областях Общественные палаты сами выступают в качестве организаторов конкурса.

Кроме этого, общественные палаты правомочны предлагать региональным органам исполнительной власти формирование общественного совета, что, к примеру, следует из законодательства Кабардино-Балкарской Республики [4].

Далее, отметим, что реализация направлений деятельности общественных палат в регионах требует

определенных форм фиксации методов правового регулирования. Согласно положениям Закона, надлежащее выполнение задач достигается, в том числе, и работой по выработке рекомендаций для органов государственной власти. Названные правовые инструменты предоставляют обществу достаточные возможности для создания социально-политических единиц, которые в свою очередь наделены полномочиями исключительно рекомендательного характера, что предполагает только опосредованное их участие в общественном контроле.

Раскрывая содержание общественного контроля, важно не отождествлять его с функцией надзора. Так, согласно позиции Т.В. Троицкой, «общественный контроль как направление деятельности общественной палаты субъекта РФ не соответствует сущностной стороне своего содержания и требует замены на понятие «общественный надзор» [10. С. 9].

Но такая ротация, по нашему мнению, представляется некорректной и снижает результативность контрольной деятельности общественных палат. Известно, что правовая природа надзора — это постоянное, систематическое наблюдение специальным субъектом за деятельностью не подчиненных ему органов, организаций или же конкретных лиц, которая направлена на своевременное выявление нарушений законов. При этом деятельность поднадзорных субъектов оценивается исключительно с точки зрения законности, а вопросы о целесообразности, экономичности, качестве не учитываются, как, впрочем, и иные критерии, характеризующие эффективность работы субъекта РФ. Исходя из этого, именно контроль связан с осуществлением общественных функций.

Полагаем, что под контрольной деятельностью следует понимать систему мероприятий, основным направлением которых является как выявление и пресечение нарушений, так и повышение эффективности деятельности подконтрольных субъектов. Поэтому через контроль обеспечивается объективная оценка существующей ситуации и создаются предпосылки для того, чтобы были внесены необходимые коррективы деятельности проверяемого органа. Вследствие чего считаем целесообразным законодательное разграничение рассматриваемых понятий: надзор должен быть отнесен к компетенции органов государственной власти, а контроль — к ведению общественных структур (в качестве функции внешнего аудита).

Следует отметить, что правовое регулирование вопроса определения объема полномочий общественных палат субъектов РФ в области осуществления контроля закреплено в Федеральном законе от 21 июля 2014 г. N212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [1]. В ч. 1 ст. 4 вышеуказанного фе-

дерального закона определено, что общественный контроль — это деятельность его субъектов по наблюдению за органами власти, общественной проверки, анализа и общественной оценки соответствующих актов и решений.

То есть, общественными палатами регионов выполняется, в том числе, функция наблюдения за процессами, происходящими в государстве. Вышеуказанная правовая норма ч. 1 ст. 4 Федерального закона №212-ФЗ выделяет и закрепляет такой признак общественного контроля, как его непосредственность. Однако названная в данной статье цель в большей мере выступает как правовой инструмент, используемый для достижения результата.

На фоне встречающихся в исследованиях характеристик общественного контроля, тем не менее, отсутствуют те, которые позволяли бы реализовывать те цели и задачи общественных палат субъектов РФ, ради которых они создавались. Например, защищать права и свободы. Учитывая это, не совсем ясно, как субъект контроля, не имея возможности оказывать воздействие на процесс, т.е. быть непосредственным участником правоотношения, в рамках которого осуществляется наблюдение или оценка работы, может вообще его контролировать.

Так, например, общественная палата не имеет полномочий проводить самостоятельную проверку деятельности федеральной службы исполнения наказаний. И, как следствие, у нее нет возможности выявлять нарушения прав и свобод осужденных, осуществляя функцию общественного контроля деятельности органов государственной власти. Подобные нарушения, если они были допущены и если их и не пытались скрыть, могут остаться незамеченными. Однако описанный нами правовой риск не допустим, тем более, когда речь идет о судьбе человека. Поэтому авторы разделяют мнение профессора В.В. Гриб о том, что общественная палата должна обладать такой функцией общественного контроля как проверка [7. С. 7]. Считаем, что, для того чтобы отработать механизмы общественного контроля, целесообразно их использовать в конкретных сферах деятельности органов государственной власти.

Как, верно обосновывает Р.В. Прудентов, это особенно важно там, где «власть государственного служащего, ответственного за распределение заказов на покупку товаров или оказание услуг для государства (соответствующей организации) — от покупки мелких канцелярских принадлежностей до оказания многомиллиардных подрядных услуг» [9. С. 37].

В этой связи для максимально эффективного и «прозрачного» освоения государственного бюджета зако-

нодательно следовало бы закрепить обязательность общественного контроля в области проведения закупок до момента заключения государственного контракта. То есть, в данном случае важно проводить проверку поданных участниками аукциона заявок, выбора контрагента, выполнения обязательств и т.д. С учетом изложенного, полагаем, что проверка, являясь одной из форм непосредственного контроля, имеет своей целью установление соответствия или несоответствия предмета проверки требованиям закона. Указанные полномочия могут иметь и органы государственной власти, и органы местного самоуправления.

Таким образом, выступая в качестве правового механизма реализации контрольно-надзорных функций, проверка включает в себя определенные правовые конструкции, к которым следует относить:

- ◆ доступ к документам объекта контроля;
- ◆ изъятие и экспертиза предметов проверки;
- ◆ подготовка заключений и т.д.

Вместе с тем мы согласны с председателем Общественной палаты Республики Марий Эл Т.Н. Михеевой, которая полагает, что на сегодняшний день нет достаточных правовых оснований для полноценного участия граждан в мероприятиях общественного контроля и снятия административных барьеров для активной деятельности [8. С. 37].

Очевидно, что для дальнейшего развития рассматриваемого института необходима систематизация нормативных правовых актов об общественном контроле. Это позволит разработать единую и четкую систему стандартов о содержании понятия общественного контроля, его объекте, предмете, субъектах, целях, принципах, формах, методах, средствах и т.д. В противном случае действующие общественные палаты в субъектах могут рассматриваться скорее, как совещательные органы.

Еще один вид деятельности общественных палат регионов — это общественная экспертиза проектов правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления. Это следует, например, из п. 3 ст. 2 закона Республики Ингушетия «Об Общественной палате Республики Ингушетия», согласно которому общественная экспертиза проводится рабочей группой, а сам порядок проведения устанавливается в локальном акте общественной палаты. Экспертами в данном случае могут быть как некоммерческие организации, так и физические лица. Аналогичные положения содержатся в законодательстве Республики Дагестан [5], Карачаево-Черкесской Республики [6] и др.

Аппарат общественной палаты отвечает за деятельность рабочих групп в части организационно-техниче-

ского и информационного обеспечения. Результатом экспертизы является сводное экспертное заключение, носящее рекомендательный характер.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Общественная палата субъекта РФ является одной из основных форм взаимодействия общественных объединений и государственных, муниципальных органов власти.
2. В настоящее время очень актуален вопрос разработки мероприятий, повышающих эффективность контрольных механизмов в деятельности общественных палат субъектов РФ, в действующем законодательстве.
3. В целях реализации возложенных на общественные палаты задач считаем целесообразным:
 - ◆ закрепить на законодательном уровне формы непосредственного общественного контроля, ме-

ханизмы осуществления и их реализацию за общественной палатой;

- ◆ исключить возможность излишней политизации общественной палаты во избежание сращивания с госаппаратом и, как следствие, утраты независимого контроля;
- ◆ активно информировать общественность о деятельности общественной палаты, в том числе о выявленных нарушениях;
- ◆ использовать правовые возможности общественной палаты как инструмента противодействия определенным составам правонарушений (к примеру, коррупционной направленности).

Таким образом, совершенствование деятельности общественных палат субъектов РФ будет способствовать их более эффективной деятельности и формированию реального партнерства общества, государства и личности во всех сферах взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 21.07.2014 N212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. N30 (Часть I). Ст. 4213.
2. Федеральный закон от 04.04.2005 N32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. N15. Ст. 1277.
3. Закон Республики Хакасия от 14.02.2017 N02-ЗРХ «Об Общественной палате Республики Хакасия» (принят ВС РХ 08.02.2017) // Вестник Хакасии. N12. 14.02.2017.
4. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 08.06.2009 N26-РЗ «Об Общественной палате Кабардино-Балкарской Республики» (принят Парламентом КБР 29.04.2009) // Официальная Кабардино-Балкария. N27. 12.06.2009.
5. Закон Республики Дагестан от 17.10.2006 N48 (ред. от 08.06.2018) «Об Общественной палате Республики Дагестан» (принят Народным Собранием РД 28.09.2006) // Дагестанская правда. N267–268. 2006.
6. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 17.05.2011 N27-РЗ (ред. от 30.12.2019) «Об Общественной палате Карачаево-Черкесской Республики» (принят Народным Собранием (Парламентом) КЧР 29.04.2011) // День Республики. N97–98(18238). 2011.
7. Гриб В. В. Актуальные проблемы правового развития института общественного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. N11. С. 7.
8. Михеева Т.Н. И снова об общественном контроле: грядущие новации законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2017. N5. С. 37.
9. Прудентов Р. В. Общественный контроль как инструмент противодействия коррупции // Конституционное и муниципальное право. 2016. N10. С. 37.
10. Троицкая Т. В. Конституционно-правовой статус общественной палаты субъекта Российской Федерации (на опыте Приволжского федерального округа): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 9.

© Дзахоева Марина Валерьевна (dzahoeva-larisa@rambler.ru), Калманова Альбина Сослановна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОТХОДАМИ

LEGAL REGULATIONS IN THE WASTE MANAGEMENT SYSTEM

*E. Dorozhinskaya
L. Ditz
I. Kargalina*

Summary. The article deals with regulatory issues in the system of solid (municipal) waste management. The main attention is paid to the problem of ambiguity in the interpretation of the legal regime of waste in the federal laws of the Russian Federation, as well as the procedure for transferring the right to store and dispose of waste between the owner and the operator. To implement the legislation, the main decisions on the creation of a federal waste management scheme are considered.

Keywords: legal regime for waste management, production and consumption waste, operator, waste owner, extended liability of the producer, Russian environmental operator, Federal scheme for waste management, environmental duty.

Дорожинская Елена Анатольевна

*К.ю.н., доцент, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск
sofia_1974@mail.ru*

Дитц Людмила Юрьевна

*К.б.н., доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск
l.ditz@mail.ru*

Каргалина Ирина Анатольевна

*Старший преподаватель, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск
kiabiavir@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы нормативно-правового регулирования в системе обращения с твердыми (коммунальными) отходами. Основное внимание уделено проблеме неоднозначности трактовки правового режима отходов в федеральных законах РФ, а также процедура перехода права на хранение и утилизацию отходов между собственником и оператором. Для реализации норм законодательства рассмотрены основные решения по созданию федеральной схемы обращения с отходами.

Ключевые слова: правовой режим обращения с отходами, отходы производства и потребления, оператор, собственник отходов, расширенная ответственность производителя, Российский экологический оператор, Федеральная схема обращения с отходами, экологический сбор.

На территории Российской Федерации уделяется большое внимание вопросам обращения и управления отходами производства и потребления. Накопление твердых (бытовых) коммунальных отходов стало наиболее острой не только экологической, но и экономической проблемой, что требует серьезного реформирования системы государственного регулирования в области управления.

Обращение с отходами — сложная территориальная, государственная и общемировая экологическая проблема. Поэтому вопросы утилизации отходов с каждым годом поднимаются все выше в повестке экологических проблем. Причиной, вероятно, является то, что, несмотря на множество регламентирующих этот процесс нор-

мативно-правовых актов, эффективность утилизации оставляет желать лучшего.

На данный момент в мировой практике наиболее распространена утилизация отходов тремя методами:

- ◆ переработка мусора с использованием отдельного сбора отходов.
- ◆ сжигание отходов на мусоросжигательных заводах.
- ◆ вывоз мусора на мусорные полигоны.

Применение данных подходов позволяет снизить негативное влияние накопленных и накапливаемых отходов на природную среду, а также решить экономическую проблему использования вторичных источников сырья.

Основными направлениями для снижения негативного воздействия отходов являются:

- ◆ нормативно-правовое регулирование в области обращения с отходами производства и потребления;
- ◆ внедрение механизмов экономического регулирования и инвестиционного стимулирования деятельности по сбору, накоплению, утилизации, обезвреживанию, захоронению и переработки отходов.

Вопросам совершенствования законодательных положений правовых законов в системе обращения с отходами уделяется большое значение.

Стоит обратить внимание на гражданско-правовой аспект определения правового режима отходов, поскольку практика демонстрирует неоднозначность правового регулирования в этом вопросе.

Начнем с прямого указания статьи 4 федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее — федеральный закон № 89-ФЗ) на то, что «право собственности на отходы определяется в соответствии с гражданским законодательством» [3]. Но в гражданском законодательстве отсутствуют нормы, регулирующие как правовой режим отходов в целом, так и движение прав на них, а также регулирование их включения в гражданский оборот. А ведь эти манипуляции должны быть неизбежны, исходя из толкования понятия «утилизация отходов», закрепленного статьей 1 федерального закона № 89-ФЗ.

Если начать с определения места отходов в системе объектов гражданских прав, безусловно, нельзя обойтись без упоминания статьи 128 ГК РФ [1]. Отходы относятся к вещам, которые образовались в процессе производства, или в процессе потребления. Но вещи в традиционном цивилистическом понимании создаются в процессе производства именно для того, чтобы обрести именно такую конечную форму. Отходы же являются побочным эффектом какого-либо процесса (либо производства, либо потребления), не являясь его итоговой целью.

При попытке классификации отходов как гражданско-правовой объекта можно утверждать, что отходы, как правило, являются вещами движимыми, простыми, определенными родовыми признаками и, безусловно, потребляемыми.

Но с точки зрения оборотоспособности множество правовых положений не определены, ведь то, что отходы являются объектами гражданских прав, не делает их автоматически объектами гражданского оборота.

С одной стороны, п. 2 ст. 129 ГК РФ гласит о возможности введения ограничений оборотоспособности объектов гражданских прав либо по субъектному составу участников оборота, либо по видам возможных сделок, совершаемых по специальному разрешению [1].

Примером может послужить действующий по сегодняшний день указ Президента РФ от 22.02.1992 № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» [7]. Этот Указ запрещает свободную реализацию отходов производства радиоактивных материалов и взрывчатых веществ. Также свободной реализации не подлежат отходы, которые образовались в результате уничтожения химического оружия [11]. Логика законодателя в этом вопросе совершенно ясна: подобные отходы создают угрозу либо экологической, либо экономической безопасности общества и государства. Но к твердым бытовым отходам эти нормы в целом не применяются.

С другой стороны, согласно п. 3 статьи 4 федерального закона № 89-ФЗ устанавливалось право собственника отходов I — IV класса опасности отчуждать их лишь в том случае, если у приобретателя «имеется лицензия на осуществление деятельности по использованию, обезвреживанию, транспортированию, размещению отходов не меньшего класса опасности». В настоящее время это положение утратило силу, соответственно, ограничение для утилизации многих видов отходов перестало быть актуальным, границы оборотоспособности расширились.

Иные нормы главы 14 ГК РФ тоже применимы к обороту отходов лишь частично. Например, М. В. Пономарев отмечал, что в ходе анализа содержания ч. 1 ст. 220 ГК РФ можно сделать следующий вывод: при переработке отходов в новую движимую вещь, при условии, что право собственности на отходы не перешло по договору от их собственника к переработавшему их лицу, то право собственности на полученную из них продукцию должно принадлежать собственнику отходов [4]. С этим можно согласиться при условии, что точно известно, кто именно является собственником отходов.

Описанные процессы полностью соотносятся с принципами государственной политики в области обращения с отходами, которые позволяют использовать современные технологии комплексной переработки материальных ресурсов для уменьшения количества отходов.

Но, возвращаясь к вопросу о праве переработки с гражданско-правовой точки зрения, необходимо уточнить статус собственника отходов.

Для начала стоит развести понятия «собственник отходов» и «оператор». Под «оператором» законодатель определил множество субъектов, фигурирующих в данной области. К ним относятся российский экологический оператор (публично-правовая компания) [8], федеральный оператор [6], региональные операторы, а также индивидуальные предприниматели, которые осуществляют свою деятельность по обращению с отходами.

С гражданско-правовой точки зрения понятие «собственник» звучит вполне традиционно. Но когда речь идет о «собственнике отходов, возникает вопрос: с какого момента он становится таковым? Приобретая вещь, лицо традиционно желает извлечь из неё максимум полезных свойств, после чего неизбежно остаются отходы как результат использования вещи. Лицо автоматически продолжает оставаться собственником этих «остатков» вещи и может определить для них юридическую судьбу. Например, он может отказаться от права собственности на эти отходы, согласно статьи 236 ГК РФ, заключив договор купли-продажи или иными законными путями [1].

Описанный сценарий аналогичен и для собственников-физических лиц, и для собственников-субъектов предпринимательской деятельности. Но правовое регулирование действий этих субъектов отличается. Например, при анализе понятия «твердые коммунальные отходы» становится заметно, что законодатель таковыми считает преимущественно результаты потребления/использования вещей физическими лицами в целях удовлетворения личных и бытовых нужд, что не характерно для субъектов предпринимательской деятельности.

После того, как собственник своей волей избавляется от отходов, можно было бы предполагать, что его право собственности на эти «остатки вещи» прекращается, если бы не нормы статьи 236 ГК РФ [1], гласящие, что отказ от права собственности не влечет прекращения прав до приобретения права собственности на неё другим лицом, момент которого законодателем четко не определен.

Действительно, федеральный закон № 89-ФЗ [1] регулирует множество процессов, осуществляемых с уже выброшенными собственником отходами: накопление отходов, их хранение, транспортирование, размещение, захоронение, непосредственно утилизация и т.д. Все эти процедуры как минимум подразумевают принятие операторами упомянутых отходов в собственное владение, а как максимум — обращение их в собственность. Но закон не всегда дает возможность однозначно определить момент прекращения права собственности бывшего собственника вещи (отходов).

Гражданское законодательство устанавливает, что право собственности на вещи (отходы) возникает у приобретателя, к которому относится оператор, с момента купли-продажи или иного договора о передачи в собственность.

Важность определения момента перехода права собственности на отходы и определения их надлежащего собственника состоит в том, что на собственников отходов должны возлагаться обязательства по их содержанию до приобретения право другим предпринимателем [2].

В результате анализа сложившейся правовой реальности без ответа остаются два вопроса.

Первый вопрос, из каких норм законодательства следует, что оператор (или иной субъект отношений по переработке и утилизации отходов) становится собственником отходов? Действующие нормы как гражданского, так и иного отраслевого законодательства не позволяют определить ответ.

Второй вопрос, также оставшийся без ответа: на основании какого именно договора оператор (или иной субъект) становится собственников отходов, чтобы потом получить право осуществлять их утилизацию во всех предусмотренных законом формах и получать от этого экономический результат?

В настоящее время в договоре с региональным оператором на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами нет ни слова о переходе права собственности. Поэтому, право собственности на отходы и условия его приобретения имеют большое значение при рассмотрении вопрос компенсации причиненного ущерба окружающей среде [10].

Вопросы утилизации отходов с каждым годом поднимаются все выше в повестке экологических проблем. Причиной, вероятно, является то, что, несмотря на множество регламентирующих этот процесс нормативно-правовых актов, эффективность утилизации оставляет желать лучшего.

Огромное количество отходов обусловлено высокой ресурсоемкостью отечественной промышленности и большим процентом вещества, уходящим в отходы технологической цепочки. Использование же отходов в дальнейшем производстве осложняется необходимостью лицензирования данного вида деятельности, сложностью перевода отходов в ресурс.

Вместе с тем использование (утилизация) и обезвреживание отходов являются технологически сложными и экономически затратными. Захоронение отходов

на полигонах не требует сложных технологий и больших капиталовложений. Именно этот самый дешевый способ удаления отходов и доминирует в России.

Чтобы обеспечивать соблюдение законодательства России в области обращения с ТБО, стимулировать инвестиционную активность в этой области и способствовать реализации национального проекта «Экология» согласно указа президента Владимира Путина от 14 января 2019 года была создана Публично-правовая компания «Российский экологический оператор» [8].

Главная цель «Российский экологический оператор» — обеспечить реализацию норм законодательства в области обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО) и создать систему вторичной переработки сырья. «Российским экологическим оператором» создается в настоящее время «Федеральная схема обращения с ТКО».

Для стимулирования деятельности по обращению с отходами и их использованию для получения вторичного сырья в 2017 году был введен новый механизм экономического регулирования, согласно которого устанавливается расширенная ответственность производителей (РОП) за утилизацию выпущенной продукции в конце ее жизненного цикла.

Основной целью введения РОП является необходимость утилизации и размещением отходов. Это приводит к необходимости развития перерабатывающей отрасли,

Согласно ст. 24.2 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (в ред. от 28.12.2016) установлены три варианта исполнения РОП [3]:

- ◆ выполнение производителями товаров нормативов утилизации;

- ◆ обязательное заключение договоров с предприятиями по переработки отходов;
- ◆ необходимость уплаты экологического сбора.

Принцип экономического стимулирования утилизации отходов ставит производителя перед выбором либо заключать договоры на утилизацию с переработчиками отходов, либо платить экологический сбор, что не всегда экономически выгодно.

Пока в России система экологического сбора неэффективна. Причиной является то, что у Росприроднадзора, как у администратора экологического сбора, отсутствуют данные о фактическом количестве компаний, которые должны выполнять правила РОП. Из-за этого сложно выявить тех производителей и импортеров, которые эти правила не соблюдают.

Неэффективность расходования средств от экологического сбора, который является основным природоохранным платежом, приводит к тому, что цели РОП не достигаются, механизм не работает.

Федеральным законом от 26 июля 2019 года № 225-ФЗ [9] внесены изменения в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления», согласно которым в рамках реализации проекта «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами» национального проекта «Экология» предусмотрена разработка федеральной схемы обращения с твердыми коммунальными отходами [5].

Таким образом, совершенствование нормативно-правового и экономического регулирования в области обращения с отходами производства и потребления позволит повысить инвестиционную активность в этой области и способствовать реализации национального проекта «Экология».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <https://grazhdanskiy-kodeks.ru/>
2. Гордиенко И. И. Правовое регулирование утилизации объектов недвижимости, находящихся в государственной собственности // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 9. — С. 185–192.
3. Об отходах производства и потребления: федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собр. законодательства РФ. — 1998. — № 26. — Ст. 3009.
4. Пономарев М. В. Право собственности на отходы: правовые проблемы реализации и перехода // Журнал российского права. — 2017. — № 8. — С. 53–64.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.12.2019 № 1814 «О разработке, утверждении и корректировке федеральной схемы обращения с твердыми коммунальными отходами» <http://base.garant.ru/>.
6. Распоряжение Правительства РФ от 14.11.2019 № 2684-р «Об определении федерального оператора по обращению с отходами I и II классов опасности» // Собр. законодательства РФ. — 2019. — № 46. — Ст. 6556.
7. Указ Президента РФ от 22.02.1992 № 179 (ред. от 30.12.2000) «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» // Рос. Газ. — 1992. — 16 марта.

8. Указ Президента РФ от 14.01.2019 № 8 «О создании публично-правовой компании по формированию комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами «Российский экологический оператор» //Собр. законодательства РФ. — 2019. — № 3. — Ст. 234.
9. Федеральный закон от 26.07.2019 N225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/document/>.
10. Федеральный закон от 10.01.2002 N7-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об охране окружающей среды» / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <https://www.zakonrf.info/zakon-ob-ohrane-okr-sredy/>.
11. Федеральный закон от 02.05.1997 № 76-ФЗ (ред. от 05.02.2018) «Об уничтожении химического оружия» // Рос. Газ. — 1997.

© Дорожинская Елена Анатольевна (sofia_1974@mail.ru),

Дитц Людмила Юрьевна (lditz@mail.ru), Каргалина Ирина Анатольевна (kiabiavir@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Новосибирский государственный университет экономики и управления

ВИДЫ ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

TYPES OF LEGAL PRESUMPTIONS AND THEIR CLASSIFICATION

D. Dudko

Summary. This article considers for the first time the complex qualification of legal presumptions. The significance of considering the classifications of legal presumptions is also due to the methodological significance of the research, which allows us to identify common features and patterns, and also helps to clarify the essence of the legal nature of legal presumption and their types.

Keywords: classification, legal presumptions, public administration, types, categories.

Дудко Дмитрий Анатольевич

Государственный советник Российской Федерации
3 класса, начальник Управления урегулирования
налоговых споров, ПАО «ЛУКОЙЛ», Москва
Dmitriy.Dudko@lukoil.com

Аннотация. В данной статье впервые рассматривается комплексная квалификация правовых презумпций. Значимость рассмотрения классификаций правовых презумпций обусловлена также методологическим значением, проводимого исследования, которое позволяет выявить общие черты и закономерности, а также способствует выяснению сути правовой природы правовой презумпции и их видов.

Ключевые слова: классификация, правовые презумпции, государственное администрирование, виды, категории.

Правовые презумпции можно классифицировать по различным основаниям, как представляется, всех существующих видовых разновидностей правовых презумпций рассмотреть в рамках одной статьи не представляется возможным, в силу то, что в научной литературе выделяют большое количество подходов к самому определению правовой презумпции, с чем непосредственно связана и видовая характеристика, поэтому уделим внимание самым устоявшимся и популярным категориям, с обозначение авторской позиции по каждой классификации.

Вопрос о видовой классификации правовых презумпций рассматривался многими исследователями, в том числе занимающиеся разработкой непосредственно теории правовых презумпций, к таковым можно отнести В. И. Каминскую, В. К. Бабаева, В. П. Воложанина, Е. Б. Тарбагаеву, Е. Ю. Веденева, Б. А. Булаевского и многих других. Но при этом ни в вопросах правовой сущности правовой презумпции, ни относительно единой общей классификации, ученое сообщество до сих пор так и не пришло к единому мнению. Если один ряд ученых поддерживают одну разновидность классификации, то тут же можно найти ряд ее противников. Это связано с тем, что различные подходы к определению сущности, понятия правовой презумпции, соотносятся ее со смежными категориями и отраслями права.

В результате можно констатировать, что, несмотря на многочисленные исследования как советской, так и современной высшей школы, общая устоявшаяся классификация правовых презумпций на должном уровне так и не разработана, что представляется досадным

научным упущением, так как от ее разработки зависит эффективность, качество и оптимизация правового регулирования общественных отношений.

Однако ввиду того, что в юридической литературе встречается большое количество различных понятий правовой презумпции [1, с. 42], соответственно это порождает существование множества различных классификаций [2, с. 80], которые в рамках одного исследования рассмотреть не представляется возможным, в связи с чем, в данном параграфе остановимся на самых значимых и устоявшихся классификационных критериях. При этом, не смотря на достаточное многообразие всевозможных классификаций, до настоящего времени не выработана общая система видовых разновидностей правовых презумпций, где бы просматривалась рациональная взаимосвязь, обусловленная общей теорией.

1. Автором самой популярной терминологии, посвященной презумпции — профессор В. К. Бабаев выделяет следующие виды правовых презумпций по сфере действия [3, с. 113]:

а) общеправовые презумпции, которые имеют место практически во всех отраслях российского права, представляя собой конкретно установленные принципы, которые в силу правовой сущности не могут рассматриваться в качестве правового средства юридической техники. Поэтому общеправовые виды презумпций вполне рационально приравнять с общеотраслевыми классификационными критериями, поскольку они будут иметь место применительно к каждой отрасли права. Здесь речь идет о таких презумпциях, как, например, презумп-

ция знания законов. Общеправовые презумпции имеют основополагающее значение в российской правовой системе. Зачастую в юридической литературе, такую разнovidность приравнивают к принципам права.

Следует остановиться на исследовании конкретных видов правовых презумпций, выделяемых в рамках данной классификации.

Общеправовые презумпции являются основой для формулирования правовых презумпций в системе государственного администрирования, поскольку именно государственные органы при реализации конкретной функции осуществляют работу по правовому применению правовых норм, содержащихся в действующем законодательстве РФ.

Также следует отдельно выделить общеправовые презумпции, которые способны охарактеризовать определенное правовое поведение субъектов правоотношений, к ним относят: презумпцию добропорядочности граждан; презумпцию добросовестности; презумпцию невиновности; презумпцию знания закона;

б) из анализа юридической литературы возникает вопрос о необходимости отдельного обозначения общеправовых и отраслевых правовых презумпций.

Стоит отметить, что если искать ответ в соотношении общеправовых и отраслевых принципов права, где система отраслевых принципов не дублирует общеправовые, то представляется очевидным, что правовые презумпции нуждаются в отдельном обозначении для каждой конкретной отрасли права, это видится вполне рациональным, поскольку позволит не смешивать общественные отношения и термины, а при должной правовой регламентации правовых презумпций, к примеру, в государственном администрировании, способно поставить точку в дискусионности терминологии, посвященной правовым презумпциям.

Важно сделать акцент на том, что все правовые отраслевые презумпции берут свое начало от конституционных принципов, которые и породили ряд соответствующих презумпций, например, речь идет о презумпции конституционности нормативных правовых актов, презумпции знания закона. В подтверждение обозначенного, представим позицию профессора Т.Д. Зражевской, которая в своих работах исходит из того, что в правовой доктрине имеют место правовые презумпции в конституционном праве, которые следует рассматривать как принципы, к таковым она относит презумпцию конституционности деятельности всех участников конституционных отношений; презумпцию конституционности нормативных правовых актов и презумпцию добросовестности участников конституционных правоотношений [4, с. 35].

Ценность данной классификации безусловна, особенно ввиду отсутствия фундаментальных исследований относительно рассматриваемого вопроса, недостаточной разработанности выделяемых категорий даже в конституционном праве.

Также важно отметить, что отраслевые презумпции, являющиеся определенного рода презумптивными предположениями, действующими только в определенной отрасли права, например презумпции в государственном администрировании, презумпции добросовестности контрагентов и др.

Обозначенные классификационные критерии вызывают множественные дискуссии в научном кругу, противники рассуждают несколько иначе — поскольку отрасли права тесно взаимосвязаны между собой, более того презумпции одной отрасли, могут быть использованы в другой (к примеру, презумпция невиновности), поэтому многие исследователи не поддерживают такую классификацию.

Как представляется, отказываться от представленной классификации не рационально, она необходима для разграничения презумпций по отраслям, поскольку они все же отличаются (к примеру, презумпция невиновности в уголовном и административном праве не равнозначные понятия) и требуют соответствующей правовой регламентации в соответствии со спецификой каждой отрасли права.

Но стоит заметить, что представленная классификация, является общей и не раскрывает всего многообразия правовых презумпций, но при этом делит все презумпции на ключевые блоки, оспаривать которые мы не беремся из-за нерациональности. Поэтому считаем, что данная видовая конструкция имеет место и будет определять последующие возможные классификации;

в) межотраслевые правовые презумпции, которые основаны на однотипных закономерностях и юридических фактами, закрепленных в правовых нормах различных отраслей права. К их числу можно отнести, например, презумпции процессуальной дееспособности (правосубъектности) или истинности судебного решения.

Однако как отмечалось выше, данная классификационная составляющая может запутать правоприменителя, но в случаях использования аналогии права или закона имеет место для существования;

г) поэтому в данном случае весьма целесообразно, опираясь на выделение группы общеправовых презумпций, обозначить специально правовые (отраслевые)

презюмции, которые будут иметь место непосредственно при реализации государственного администрирования, например:

- ◆ презюмция добросовестности налогоплательщика;
- ◆ презюмция добросовестности уполномоченного должностного лица, при оказании государственной услуги населению;
- ◆ презюмция законности приказа уполномоченного должностного лица; — презюмция интересов государственной безопасности;
- ◆ презюмция добросовестности должностных лиц и законности их действий и решений; — презюмция законности административного акта;
- ◆ презюмция действия административного акта при утрате им юридической силы;
- ◆ презюмция открытости информации в деятельности органов исполнительной власти (далее — ОИВ) и их должностных лиц;
- ◆ презюмция возмещения морального вреда неправомерными действиями ОИВ и их должностными лицами; — презюмция добросовестности субъектов электронной коммуникации в сфере оказания государственных услуг через Портал государственных услуг РФ (<https://www.gosuslugi.ru>) и др.

Обозначенные выше базовые классификационные критерии были выделены нами с учетом их практической значимости для правоприменителя и позволяют схематизировать существующий пласт правовых презюмций для наиболее эффективной реализации превентивных положений закона при осуществлении государственного администрирования [5, с. 29].

2. Многие ученые подразделяют правовые презюмции по способу закрепления на прямые и косвенные. Где правовую презюмцию следует отнести к прямой в том случае, если она непосредственно закреплена в нормативно-правовом акте следующими способами:

1) с помощью выражений — «пока не будет доказано иное», «если кто-либо не докажет», «предполагается» и др. Например, ст. 1.5 КоАП РФ, именуется как — «Презюмция невиновности», содержащая такие фразы как «пока вина не будет доказана» и «не обязано доказывать свою невиновность»;

2) с использованием категории — «презюмция» в названии статьи нормативно-правового акта, раскрывающей сущность этого понятия совместно с его правовым свойством. Например, п. 2 ст. 3 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора)

и муниципального контроля» закрепляет «презюмцию добросовестности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей». Также, ст. 315 Кодекса торгового мореплавания РФ, имеет соответствующее название — «Презюмция невиновности судов», которая поясняет, что ни одно из участвовавших в столкновении судов не предполагается виновным, если не доказано иное.

Важно отметить, что термин «презюмция» не употребляется непосредственно в правовой норме статьи, а имеет место лишь в названии статьи (например, ст. 1.5 КоАП РФ, ст. 14 УПК РФ).

Что касается косвенных презюмций, то к ним относятся «подразумевающиеся» положения, не имеющие непосредственного правового закрепления в качестве презюмции, но вытекающие из смысла правовой нормы посредством осуществления толкования нормы права или умозаключения.

Важно отметить, что косвенные презюмции преимущественно создаются Конституционным Судом РФ, что придает им особый статус.

Однако и в этой классификации имеют место спорные аспекты, мнения по данному вопросу у исследователей разделились. Далеко не все авторы поддерживают идею о выделении косвенных презюмций, обосновывая это сложностью их нахождения в тексте закона, что, возможно, обусловило соответствующие проблемы в случае непризнания косвенных презюмций как таковых. Но в противовес выделения такой разновидности как косвенные презюмции ученые указывают, что появление такого вида презюмций может повлечь потерю определенной формы презюмции, отсюда возможно злоупотребление выделением значительного количества новых презюмций при их признании и может способствовать тому, что при увеличении количества презюмций, потеряется сам смысл и назначение презюмций.

Нельзя не отметить, что зачастую в правовой норме содержится не само предположение о чем-либо, а определенное правило, вытекающее из законодательно закрепленной нормы права (в пример можно привести презюмцию знания закона). Видимо такой важный, сущностный аспект, многие исследователи не учитывали при дискутировании по вопросам разумности выделения косвенной презюмции.

Отрицание обозначенного классификационного критерия не обосновано, косвенные презюмции действительно имеют место как альтернатива существования презюмции при отсутствии прямого указания на нее в законе, а институт толкования норм права позволяет определить существование правовой презюмции там,

где законом нет четкого указания на нее, но из специфики общественных отношений ее существование имеет место.

Еще один аргумент того, что нет смысла отрицать существование косвенных презумпций состоит в том, что в их формулировании участвует Конституционный Суд РФ.

3. По отраслевому критерию правовые презумпции можно разделить на материально-правовые и процессуально-правовые.

Если говорить о материально-правовых презумпциях, то они направлены на то, чтобы «закрыть» значимый законодательный пробел, с целью защиты прав и интересов участников правоотношений [6, с. 75]. В качестве примера, можно привести презумпции, устанавливающие факты, которые необходимо доказать; презумпции, определяющие предмет доказывания и др.

Процессуальные правовые презумпции, выполняют иные специальные функции, которые необходимы для обеспечительного, технического процесса. Процессуальные правовые презумпции можно подразделить на две группы, где первая группа процессуальных правовых презумпций в административном процессе может быть сопоставлена и отождествлена с другими правовыми презумпциями, содержащимися в иных процессуальных кодексах, таких как ГПК РФ, АПК РФ, к примеру, презумпция надлежащего характера ответчика (ст. 43 КАС РФ), а вторая группа, характеризует специальные процессуальные правовые презумпции, например, презумпция незаконности оспариваемых нормативных правовых актов — ч. 2 ст. 62, ч. 9 ст. 213 КАС РФ.

3. По возможности опровержения правовые презумпции делятся на опровержимые и неопровержимые.

Следует отметить, что в некоторых случаях правоприменитель оставляет за контролирующим лицом право опровергнуть презумпции, что позволило некоторым авторам выделить несколько видов презумпций: опровержимые и неопровержимые.

Где опровержимые презумпции обозначаются с учетом возможности их оспоримости (то есть аргументированного доказательства того, что тот или иной факт не имеет место быть). К таковым можно отнести, например, презумпцию законности административного акта; презумпцию открытости информации в деятельности ОИВ и их должностных лиц; презумпция возмещения морального вреда неправомерными действиями ОИВ и их должностными лицами и др.

Неопровержимые презумпции, которые можно выделить с учетом их безусловности, то есть презумпции, где в норме права не содержится смыслового возможного опровержения. Однако некоторые исследователи высказывают мнения о том, что не рационально обозначать такую разновидность как неопровержимая презумпция, среди таковых можно назвать Е.Б. Тарбагаева, И.В. Решетникова, Я.Л. Штутин, В.П. Воложанин и др. Перечисленные ученые склоняются к выводу о том, что всем презумпциям присуща определенная доля вероятности, поэтому неопровержимых презумпций быть не может.

Весьма категорично по этому вопросу высказывался у В.А. Ойгензихт, который утверждал, что презумпции всегда опровержимы [7, с. 33]. Аналогичного мнения придерживается и М.Л. Давыдова которая подчеркивала в своих работах, что основным свойством презумпции, является ее опровержимость [8, с. 37].

Однако с обозначенными позициями однозначно согласиться не можем, поскольку имеют место и неопровержимые презумпции, с точки зрения смыслового содержания правовой нормы, к примеру, в ст. 1.5 КоАП РФ говорится, что лицо, в отношении которого ведется производство по делу, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в соответствующем порядке. Как представляется, в самой норме не предусмотрено никакое опровержение, оно имеет место уже при применении этой нормы, в самом производстве. Конечно, в данном случае презумпция предполагает вероятностное значение, но не в норме права, в которой раскрывается ее смысл.

Также, если говорить о презумпциях-принципах, установленных в конституции РФ, то здесь вполне возможно говорить о неопровержимости презумпции, как принципа Основного закона, к примеру, если говорить о презумпции конституционности нормативного правового акта.

В результате проведенных рассуждений отметим, что помимо того, что большинство существующих презумпций относятся к опровержимым, имеются и исключения, на наш взгляд, презумпция знания закона и презумпция невиновности не относятся к опровержимым презумпциям, поскольку само изложение правовой нормы не несет в себе опровержимого обстоятельства, к примеру, как представляется, из положения ст. 1.5 КоАП РФ о том, что «лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина» не вытекает возможность опровержения нормативной установки, так как опровергается собственно не нормативное установление, а возможность его правоприменения к какому-либо конкретному случаю.

5. Также в научной литературе интересной представляется следующая классификация правовых презумпций по степени вероятности, которая подразделяет их на: — правовые презумпции с высокой вероятностью, — квазипрезумпции; — презумпции с неустойчивой вариантноностью, которые выражаются в различного рода частноутвердительных суждениях о факте (в своем большинстве, такая разновидность наиболее свойственна для гражданско-правовых отношений, но исключать межотраслевую связь этого вида мы не станем, поскольку считаем возможным выделить презумпцию возмещения морального вреда, причиненного неправомерными действиями органов исполнительной власти и их должностными лицами).

Данная классификация, представляется весьма узкой, которая переформулирует подразделение правовых презумпций на опровержимые и неопровержимые, с определенной долей конкретизации, что, по большому счету, не меняет сущностного положения рассматриваемой категории.

6. Интересной и рациональной для исследования классификацией правовых презумпций видится их характеристика по такому критерию, как обязательности для суда, к таковым можно отнести следующие виды: — императивные презумпции (с определенным в законе фактом-основанием, в том числе конкретизируемым усмотрением суда с учетом обязательности для суда) например, презумпция соответствия цены оказанной государственной услуге; — диспозитивные презумпции (с определенным в законе фактом-основанием, в том числе конкретизируемым усмотрением суда), например, в случае, когда судьей назначается экспертиза, а участники производства по делу всячески препятствуют ее проведению или сами отказываются принимать в ней участие (когда это необходимо), то в этом случае правоприменяющее лицо уполномочено признать тот факт, который должен быть определен в ходе экспертизы. Обозначенные разновидности, на наш взгляд, позволяют более детально рассмотреть институт правовых презумпций с учетом их обязательности для уполномоченного должностного лица.

Таким образом, из всей совокупности существующих в юридической литературе классификаций правовых презумпций, относительно реализации правового регулирования посредством государственного администрирования, можно обозначить следующую систему классификационных критериев, способных качественно охарактеризовать виды правовых презумпций.

1. Общеправовые (общеотраслевые) презумпции, которые подразделяются по сфере действия: а) с учетом направленности на реализацию государственных функций посредством принятия

правомерных решений; б) с учетом рассмотренных через призму содержания их в правовой норме и нормативно-правовом акте; в) с учетом юридических предположений, обусловленных характеристикой правоприменительной деятельности непосредственно государственных органов; г) с учетом юридических предположений, направленных на характеристику отдельных видов правоприменительной деятельности; д) с учетом способности охарактеризовать определенное правовое поведение субъектов правоотношения (например, презумпция невиновности).

2. Отраслевые презумпции, которые подразделяются с учетом производной от конституционной презумптивности и деления на отрасли права и межотраслевые презумпции, которые подразделяются с учетом предположения о существовании универсальных однотипных фактов, закрепленных в правовых нормах различных отраслей права, влекущих одинаковые юридические последствия.
3. Специально правовые (отраслевые) презумпции, которые можно выделить с учетом особенностей реализации государственного администрирования (например, презумпция добросовестности уполномоченного должностного лица, при оказании государственной услуги населению).
4. Прямые презумпции, которые можно выделить в соответствии с непосредственным закреплением в нормативно-правовом акте (например, презумпция невиновности) и косвенные презумпции, которые можно выделить с учетом «подразумеваемых» положений, не имеющих непосредственного правового закрепления в качестве презумпции, но вытекающих из смысла правовой нормы посредством осуществления толкования нормы права или умозаключения (например, скрытые правовые презумпции, презумпции, создаваемые Конституционным Судом РФ).
5. Материально-правовые презумпции, которые можно выделить с учетом возможности восполнения пробелов (например презумпции, устанавливающие устанавливаются факты, которые необходимо доказать) и процессуально-правовые презумпции с учетом выполнения специальных индивидуальных функции, необходимых для отправления правосудия (например, группа процессуальных правовых презумпций в административном процессе и группа процессуальных правовых презумпций).
6. Опровержимые презумпции, которые можно выделить с учетом возможности оспоримости (например, презумпция добросовестности) и не опровержимые презумпции, которые можно выделить с учетом их безусловности, то есть презумпции,

которые в норме права не содержит смыслового возможного опровержения (например, презумпция знания закона (ст. 67.4 Конституции РФ).

7. Императивные презумпции (с определенным в законе фактом-основанием, в том числе конкретизируемым усмотрением суда с учетом обязательности для суда) и диспозитивные презумпции (с определенным в законе фактом-основанием, в том числе конкретизируемым усмотрением суда).

зируемым усмотрением суда с учетом обязательности для суда) и диспозитивные презумпции (с определенным в законе фактом-основанием, в том числе конкретизируемым усмотрением суда).

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш А. С. Понятие «презумпция»: основания появления и использование в правовой деятельности // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 42–55.
2. Зацепина О. Е. Классификация правовых презумпций // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 80–87.
3. Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 113–118.
4. Зражевская Т. Д. Презумпции в конституционном праве России // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции, теория, практика, техника». Нижний Новгород, 2010, № 4. С. 35–40.
5. Сандугей А. Н. К вопросу о сущности государственного администрирования в сфере миграции // Административное право и процесс. 2016. № 12. С. 29–33.
6. Булаевский Б. А. Классификация правовых презумпций // Журнал российского права. 2010. № 11. С. 75.
7. Ойгензихт В. А. Понятие гражданско-правовой презумпции // Советское государство и право. 1975. № 10. С. 33.
8. Давыдова М. Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис. . . д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 37.

© Дудко Дмитрий Анатольевич (Dmitriy.Dudko@lukoil.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Штаб-квартира «Лукойл» в Москве

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

LEGAL APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA

**V. Zubkov
I. Guseva
A. Barinov**

Summary. The article considers certain legislative acts regulating the activities of social entrepreneurship entities. A comparative analysis of state support for socially oriented non-profit organizations and social (commercial) enterprises is conducted. A number of legislative initiatives are proposed to eliminate inconsistencies in legal norms and improve the efficiency of social enterprises.

Keywords: social entrepreneurship, socially oriented non-profit organizations, social enterprise, state support.

Зубков Владимир Николаевич

Старший преподаватель, Владимирский юридический институт ФСИИ России
z-vladimir-z@mail.ru

Гусева Ирина Ивановна

К.ю.н., доцент, Владимирский юридический институт ФСИИ России
guseva-ir@mail.ru

Баринов Андрей Викторович

К.ю.н., доцент, Владимирский юридический институт ФСИИ России
barinov-vlad@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные законодательные акты, регулирующие деятельность субъектов социального предпринимательства. Проводится сравнительный анализ государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социальных (коммерческих) предприятий. Предлагается ряд законодательных инициатив с целью исключения несогласованности правовых норм и повышения эффективности деятельности социальных предприятий.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социально ориентированные некоммерческие организации, социальное предприятие, государственная поддержка.

Возрождение социально ориентированных организаций в России началось в ходе перестройки в конце 1980-х гг. Именно в этот период появились Советский фонд культуры (с 1986, Российский фонд культуры), Международный Демидовский фонд (1992), Международный благотворительный фонд Владимира Спивакова (1994), Фонд Мстислава Ростроповича по поддержке молодых музыкантов (1997), Центр оперного пения Галины Вишневской (2002), Фонд Михаила Прохорова (Благотворительный фонд культурных инициатив; 2004) и другие. В настоящее время поддержку науке и культуре оказывают ряд крупнейших компаний («Газпром», ЛУКОЙЛ и другие). Данный список можно дополнить и другими видами деятельности в зависимости от региона РФ и его специфики.

В соответствии с внесенными 5 апреля 2010 г. дополнениями [1] в ФЗ «О некоммерческих организациях» [2, ст. 2], социально ориентированные некоммерческие организации (далее — СО НКО), ФЗ должны отвечать двум требованиям:

- ◆ создаваться в установленных данным законом организационно-правовых формах;
- ◆ осуществлять деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, а также иные виды деятельности, предусмотренные ст. 31.1 ФЗ «О некоммерческих организациях».

В мировой практике существуют различные модели правового регулирования субъектов социального предпринимательства. В России, Бельгии, Южной Кореи, Словении, Финляндии за основу принята модель, соответствующая статусу социального предприятия, осуществляющего свою деятельность в организационно-правовой форме обществ с ограниченной ответственности и отнесенного только к субъектам малого и среднего предпринимательства. В других странах принята модель в специальной организационно-правовой форме, низко доходных обществ с ограниченной ответственностью (Германия, Испания, США, Великобритания и др.).

26 июля 2019 года официально опубликован и вступил в силу федеральный закон № 245-ФЗ [3], который ввел в законодательство Российской Федерации понятия социального предпринимательства и социального предприятия. С этого момента в России закреплён статус социального предприятия, на который могут претендовать только субъекты малого и среднего предпринимательства. Необходимость введения новых институтов для субъектов малого и среднего предпринимательства, продиктована двумя стратегическими задачами: созданием условий для развития в России социального бизнеса и уменьшением нагрузки на государство, которое обязано обеспечить достойные условия жизни социально не защищённым слоям населения, в силу сложившихся у них жизненных ситуаций.

Отдельные социальные проблемы, по верной оценке бизнес-журналиста Дэвида Борнштейна, усилиями именно социальной предпринимательской деятельности могут быть разрешены более результативно, чем это возможно в условиях государственных или стандартных некоммерческих организаций (далее — НКО) [4].

Социальные предприятия ограничены возможностью распоряжаться по своему усмотрению полученным доходом, пятьдесят процентов из которого должно направляться на достижение целей, для которых они созданы, а в отношении СО НКО, все полученные доходы направляются только на уставные цели организации. В отличие от социального предприятия как коммерческой организации, СО НКО может претендовать (для пополнения своих финансовых средств) на пожертвования, гранты от частных фондов и физических лиц, которые доступны только некоммерческим организациям. Социальные предприятия, относящиеся к числу коммерческих организаций, не могут рассчитывать на перечисленные выше финансовые пополнения, их хозяйственная деятельность не отличается высокой доходностью, в связи с этим учредители вынуждены искать дополнительные источники финансирования, основанные на креативном, инновационном, изобретательском подходе, которые сильно ограничены у коммерческих юридических лиц.

С целью устранения этого дисбаланса законодатель внес изменения в правовые акты, позволяющие коммерческой организации, ориентированной на достижение некоммерческих целей деятельности (как основных), с ограничением распределения прибыли по закону, в нашем случае имеющей статус социального предприятия, получать взамен благоприятный режим деятельности от всех уровней власти.

В первую очередь, такие субъекты должны быть внесены регистрирующим органом в реестр субъектов ма-

лого и среднего предпринимательства в соответствии с критериями отнесения их к этой категории коммерческих организаций, установленными в ФЗ от 24 июля 2007 г № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства Российской Федерации» [5 ст. 24.1]. Кроме того они должны отвечать дополнительным условиям установленным статьей 24.1 для признания их социальными предприятиями и внесения в соответствующую графу с информацией о том, что организация является социальным предприятием.

Признание деятельности, отвечающей условиям социального предпринимательства, позволяет получать таким субъектам значительную поддержку со стороны публичной власти — налоговые льготы, доступ к дополнительным источникам финансирования (специальные гранты, государственные субсидии, обеспечения наличия инфраструктуры поддержки, предоставление во владение и (или) пользование на льготных основаниях государственного и муниципального имущества, иную государственную поддержку, названную в статье 24–1 ФЗ от 24 июля 2007 г № 209-ФЗ [5].

Кроме того, на наш взгляд, следует внести дополнения в Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [6], включив социальные предприятия в перечень субъектов, наравне с социально ориентированными некоммерческими организациями, с которыми договоры аренды, безвозмездного пользования, доверительного управления имуществом, иные договоры, предусматривающие переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного и муниципального имущества, не закреплённого на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, могут заключаться без проведения торгов (конкусов или аукционов).

В связи с установлением законодателем двойной направленности в деятельности социальных предприятий, коммерческой и некоммерческой, некоторые ученые рассматривают социальные предприятия как гибридные организации [7]. Авторы книги «Социальное предпринимательство. Миссия — сделать мир лучше» Джилл Кикал, Томас Лайонс характер социального предпринимательства видят в том, что «социальный предприниматель ставит социальное благо выше личного, используя «прибыль» компании для выполнения своей миссии. Среда, в которой социальный предприниматель реализует свою миссию, может быть коммерческой, некоммерческой, или публичной либо их гибридом» [8, с. 35].

Можно выделить основные черты социальных предприятий:

1. коммерческая деятельность, осуществляемая через хозяйственную деятельность, связанную

с обеспечением занятости социально не защищенной категорий граждан (поименованных в законе) при условии, что их среднесписочная численность по итогам предыдущего календарного года среди всех остальных категорий составляет не менее пятидесяти процентов (но не менее двух), а доля расходов на оплату труда этой категории составляет не менее двадцати пяти процентов. Поэтому основным признаком, отличающим социальное предприятие от СО НКО (виды, деятельности которых предусмотрены статьей 31.1 ФЗ «О некоммерческих организациях» [1]), является наличие стабильной хозяйственной деятельности. Посредством ее реализации создаются рабочие места для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, малоимущих граждан, лиц, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих не снятую или не погашенную судимость в сфере производства продукции, оказания услуг населению;

2. в отличие от традиционной коммерческой организации основной целью деятельности, которой является извлечение прибыли, основной целью социального предприятия, является цель некоммерческая (решение социальных проблем, служение общественным интересам). То есть, для социального предприятия, осуществляющего свою деятельность в организационно-правовой форме коммерческой организации, извлечение прибыли является вторичной целью, а не основной. Такое положение вступает в противоречие с положением пункта первого статьи 50 ГК РФ, определяющим основную цель коммерческой организации — извлечение прибыли. С целью устранения коллизий законодательных норм следует внести дополнение в текст вышеназванной статьи ГК РФ, где после словосочетания «коммерческие организации», дополнить словами «если иное не установлено законом»;
3. ограничение по распределению прибыли. Ограничение связано с необходимостью реализовать некоммерческий характер деятельности социального предприятия по следующим направлениям: по созданию социально-бытовых услуг, обеспечивающих жизнедеятельность; оказание социально-медицинских услуг, в том числе по мониторингу состояния здоровья; оказание социально-психологических услуг, с целью адаптации в обществе; оказание социально-педагогических услуг по коррекции поведения; услуг по трудоустройству; создание условий по обеспечению свободного доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры и тому подобное;
4. обязаны направлять не менее пятидесяти процентов от доли чистой прибыли на осуществление

следующих видов деятельности: на укрепление семьи, отдыха детей, образования и медицинской помощи по реабилитации и другие виды деятельности. Таким образом, пятьдесят процентов прибыли должны быть реинвестированы для обеспечения общественно полезных целей, например, — улучшение условий труда, повышение оплаты труда, повышение качества продукции, услуг, расширение производства, создание условий для категорий сотрудников социально не защищенных, позволяющих преодолеть или компенсировать ограничения их жизнедеятельности, чтобы обеспечить им возможность участвовать наравне с другими гражданами в жизни общества.

Законодателем ограничен перечень видов деятельности, которые не включаются в сферу социального предпринимательства. В первую очередь это деятельность, связанная с производством и (или) реализацией подакцизных товаров, добычей и (или) реализацией полезных ископаемых, за исключением общераспространенных полезных ископаемых, таких как глина, торф, песок, гравий и другие.

В настоящее время, число таких организаций возрастает, и чаще всего они сочетают в себе черты коммерческих и некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в форме обществ с ограниченной ответственностью. По оценке корпорации «ОПОРЫ России», сейчас в нашей стране около 10 тысяч предпринимателей, которых по тем или иным критериям можно отнести к социальным [9]. За последние 10 лет, по экспертным оценкам, число социальных предпринимателей достигло 1% от числа малого и среднего предпринимательства [10]. Во многих регионах России широко распространена сеть магазинов «секонд-хенд», книгообмен и другие. Например, во Владимирской области активно развивается проект магазинов «Добромаркет сэконд-хэнд», рынок «Светофор», развернуты пункты приёма вещей от населения. Механизм социального предпринимательства по вторичному использованию одежды, обуви, аксессуаров, предметов быта, посуды состоит в том, что через сеть приемных пунктов или контейнеров принимаются вещи в любом состоянии. Около 70% собранного имущества идет на благотворительные цели. Часть вещей передают в различные фонды, дома престарелых, социально не обеспеченным гражданам, детские дома, матерям-одиночкам, людям лишившихся имущества в результате пожара и наводнений. Оставшаяся часть вещей реализуется в магазинах «Добромаркет». Например, во Владимирской области ежемесячно привлекаются волонтеры для раздачи одежды и проводится акция «день добрых дел в Добромаркете». непригодные

для реализации предметы идут в переработку в формате ветоши.

Таким образом, государством создан достаточно широкий спектр деятельности, направленной на раз-

решение социальных проблем, которые состоят из коммерческих (социальные предприятия) и социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО). Однако для эффективности их деятельности необходимо урегулирование законодательной базы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ (в ред. от 02.12.2019 № 407-ФЗ). [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» от 05.04.2010 № 40-ФЗ (в ред. от 27.05.2014 № 136-ФЗ). [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99113/.
3. Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие». [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329995/.
4. David Bornstein, Susan Davis «Social Entrepreneurship: What Everyone Needs to Know». Oxford University Press USA 2010—04—01, (first published). 172 pages. [Электронный ресурс] <https://studylib.net/doc/8110437/social-entrepreneurship---what-everyone-needs-to-know>.
5. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ (в ред. от 27.12.2019 № 474-ФЗ). [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/.
6. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в ред. от 01.03.2020 № 33-ФЗ). [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/.
7. Константин Воробьев. Новый закон о социальном предпринимательстве: профессиональный разбор. / ФИЛАНТРОП электронный журнал о благотворительности. Опубликовано 23.08.2019. [Электронный ресурс] <https://philanthropy.ru/analysis/2019/08/23/79136/>.
8. Кикал Дж. Социальное предпринимательство: миссия — сделать мир лучше / Джилл Кикал, Томас Лайонс; пер. с англ. — М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2014. 354 с.
9. Социальное предпринимательство появилось в России. 30 июля 2019 г. [Электронный ресурс] <https://news.myseldon.com/ru/news/index/214101099>.
10. Стартовал всероссийский мониторинг состояния социального предпринимательства России. ОПОРА РОССИИ Крымское республиканское отделение. [Электронный ресурс] <https://www.opora82.ru/novosti/startoval-vserossiyskiy-monitoring-sostoyaniya-sotsialnogo-predprinimatelstva-v-rossii/>.

© Зубков Владимир Николаевич (z-vladimir-z@mail.ru),

Гусева Ирина Ивановна (guseva-ir@mail.ru), Баринов Андрей Викторович (barinov-vlad@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

PROSPECTS FOR IMPROVING THE PROVISION OF LAND PLOTS FOR LARGE FAMILIES ON THE EXAMPLE OF THE MURMANSK REGION

A. Lysova

Summary. The article deals with the issues of legal regulation of the provision of land plots to large families. The author analyzes the legislative acts of various subjects of the Russian Federation on this issue, identifies problematic aspects of legal regulation of the provision of land plots to large families in the Murmansk region.

Keywords: large family, provision of land plots, social support measures, Murmansk region.

Лысова Анна Зиновьевна

*К.ю.н., Мурманский государственный арктический университет
anna.lysova@duma-murman.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования предоставления многодетным семьям земельных участков. Анализируются законодательные акты различных субъектов Российской Федерации по данному вопросу, выявляются проблемные аспекты правового регулирования предоставления земельных участков многодетным семьям в Мурманской области.

Ключевые слова: многодетная семья, предоставление земельных участков, меры социальной поддержки, Мурманская область.

Благополучная многодетная семья является одним из ресурсов улучшения демографической ситуации в России. Поэтому необходимо и дальше развивать приоритетные направления по поддержке рождаемости в стране. Кроме того, государство должно создавать условия, направленные на социальную поддержку многодетных семей, повышение их авторитета в обществе и улучшение положения в них детей. Правильный выбор средств и методов социальной поддержки, их грамотное изложение в нормативных правовых актах и реализация этих мер позволят достигнуть поставленных нашим государством целей. Правовой институт социальной поддержки многодетных семей востребован практикой и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Одним из элементов социальной поддержки многодетных стала возможность предоставления земельных участков.

Мера социальной поддержки в виде бесплатного обеспечения многодетных семей земельными участками была первоначально введена в Земельный кодекс РФ в 2011 году [1] и предоставляла право субъектам Российской Федерации определять случаи и порядок предоставления земельных участков. Изначально данная мера позволяла приобрести земельные участки всем многодетным семьям, независимо от уровня их дохода и обеспеченности жильем. Однако, в конце 2014 года

были внесены изменения в федеральное законодательство [2], в соответствии с которыми органам государственной власти субъектов Российской Федерации было дано право предусмотреть в целях обеспечения граждан земельными участками дополнительное требование к многодетным семьям о том, что они либо должны стоять либо должны иметь основания быть поставленными на учет в качестве нуждающихся в жилье. Многие субъекты федерации воспользовались таким правом. В их числе оказалась и Мурманская область.

Законом Мурманской области от 03.07.2015 № 1880–01-ЗМО «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Мурманской области» [3] были внесены изменения в Закон Мурманской области от 31.12.2003 № 462–01-ЗМО «Об основах регулирования земельных отношений в Мурманской области», которыми была сужена категория получателей земельных участков и урегулирован вопрос об очередности получателей в зависимости от момента постановки на очередь. В настоящее время земельные участки предоставляются бесплатно только в том случае, когда многодетные семьи состоят на учете в качестве нуждающихся в предоставлении жилых помещений по договорам социального найма из жилищного фонда Мурманской области и (или) жилищных фондов муниципальных образований Мурманской области.

Вопрос определения категории получателей в зависимости от наличия либо отсутствия условия признания многодетной семьи нуждающейся в улучшении жилищных условий находится в компетенции субъекта Российской Федерации. Полагаем, что было бы целесообразно сохранить право всех многодетных семей на получение земельного участка бесплатно. Тем более, что на территории Мурманской области не имеется проблемы с наличием земельных участков, как это происходит в некоторых других субъектах Российской Федерации.

Следующей проблемой является вопрос о сохранении за многодетной семьей права стоять на учете до получения земельного участка после утраты статуса многодетной семьи при условии своевременной постановки на учет.

В настоящее время порядок предоставления земельных участков многодетным семьям, установленный Приложением к Закону Мурманской области от 31.12.2003 № 462–01-ЗМО «Об основах регулирования земельных отношений в Мурманской области» предусматривает, что в случае своевременной постановки на учет многодетные семьи сохраняют право на соответствующую очередь до окончания обучения детьми, обучающимися в образовательных организациях по очной форме обучения, но не более чем до достижения ими возраста 23 лет (п. 4.6. Порядка). Таким образом, по окончании обучения совершеннолетних детей из многодетных семей по очной форме обучения данные семьи утрачивают право стоять в очереди на бесплатное предоставление земельных участков. При этом возможны случаи, что к указанному моменту семья еще не реализовала свое право на получение земли.

В некоторых субъектах Российской Федерации законодательно установлено, что в случае своевременной постановки на учет многодетная семья сохраняет право на получение земельного участка и после достижения детьми возраста, установленного для признания семьи многодетной в целях постановки на учет для бесплатного предоставления земельного участка. К таким регионам, в частности, относятся: г. Санкт-Петербург; Хабаровский край; Архангельская область; Вологодская область; Тверская область.

Полагаем, что аналогичную норму необходимо закрепить и в законодательстве Мурманской области.

Следующей проблемой реализации права многодетных семей на обеспечение земельными участками является обеспечение дорожной и коммунальной инфраструктурой земельных участков, выделенных многодетным семьям.

На областном уровне принят нормативно-правовой акт, который устанавливает в каком порядке и на каких условиях предоставляются субсидии из бюджета Мурманской области местным бюджетам, чтобы осуществлялись мероприятия по финансированию расходов на осуществление планировки территорий, образование земельных участков для многодетных, и на обеспечение выделенных участков объектами коммунальной и дорожной инфраструктуры [4]. При этом не во всех муниципалитетах соответствующие мероприятия проводятся в полном объеме. Например, по городу Мурманску выделенные земельные участки не обеспечены инфраструктурой и вопрос длительное время не решается, что препятствует возможности строительства на участке. В результате многодетные семьи, получившие земельный участок в черте города Мурманска, несут дополнительные расходы по уплате земельного налога, но в отсутствии инфраструктуры даже не могут начать жилищное строительство. На наш взгляд, необходимо выделять дополнительные средства муниципалитетам для обеспечения земельных участков инженерной инфраструктурой.

Как мы видим, реализация права на предоставление земельных участков связана с большими сложностями. Кроме этого, надо учитывать, что для Мурманской области — территории Крайнего Севера предоставление участков для ведения подсобного хозяйства и под дачи не так актуально, как для средней полосы России и для южных регионов. Так же необходимо учитывать высокую стоимость строительства домов в нашем регионе и высокие расходы по их дальнейшему содержанию, так как отопительный сезон в области продолжается 8–9 месяцев в году. С учетом, что в настоящее время правом получения земельного участка обладают только граждане, стоящие на учете на улучшение жилищных условий (либо те, которые могут быть признаны нуждающимися), то встал вопрос о том, можно ли установить какую-либо альтернативную меру социальной поддержки. Тем более, мы можем видеть по областной статистике, что не все семьи, вставшие на учет, обеспечены земельными участками.

Федеральным законом от 29.12.2014 № 487-ФЗ «О внесении изменения в статью 39.5 Земельного кодекса Российской Федерации» были внесены изменения, в соответствии с которым законодательством субъектов Российской Федерации может быть установлена возможность предоставления многодетным семьям иных мер социальной поддержки по обеспечению жилыми помещениями взамен предоставления им земельного участка в собственность бесплатно. Интересно, что как раз ряд северных регионов — Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ — оперативно приняли законы, предусматривающие, что

предоставление земельного участка может быть заменено по желанию многодетной семьи денежной выплатой.

На наш взгляд, это самый оптимальный способ регулирования. Если многодетная семья желает, она может получить земельный участок бесплатно. Если у многодетной семьи нет желания или средств для осуществления строительства на участке, но при этом она нуждается в улучшении жилищных условий, она могла бы выбрать в качестве альтернативы получение целевой субсидии для улучшения жилищных условий, которую можно было бы реализовать по такому же механизму, как реализуется направление средств материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий.

В Мурманской области в декабре 2019 года был принят такой Закон [5], который предусмотрел эту возмож-

ность. Размер единовременной денежной выплаты был установлен в сумме 340000 рублей.

Таким образом, полагаем, что для совершенствования правового регулирования земельных участков многодетным семьям необходимо: вернуться к первоначальной категории многодетных, не ограничивая право на получение только теми семьями, которые состоят на учете в качестве нуждающихся в предоставлении жилых помещений по договорам социального найма; предусмотреть возможность получения земельных участков уже после того, как семья утратила статус многодетной, при условии, что семья своевременно встала на очередь; увеличить объем финансирования из областного бюджета на обеспечение земельных участков инженерной инфраструктурой; предусмотреть альтернативную меру социальной поддержки — выдачу сертификата на улучшение жилищных условий взамен предоставления земельного участка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 14.06.2011 № 138-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О содействии развитию жилищного строительства» и Земельный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 20.06.2011. — № 25. — Ст. 3531.
2. Федеральный закон от 29.12.2014 № 487-ФЗ «О внесении изменения в статью 39.5 Земельного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 05.01.2015. — № 1 (часть I). — Ст. 40.
3. Закон Мурманской области от 03.07.2015 № 1880–01-ЗМО (ред. от 08.07.2019) «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Мурманской области» // Мурманский Вестник. — 16.07.2015. — № 127. — С. 3.
4. Постановление Правительства Мурманской области от 30.09.2013 № 571-ПП (ред. от 18.09.2019) «О государственной программе Мурманской области «Обеспечение комфортной среды проживания населения региона». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант+».
5. Закон Мурманской области от 19.12.2019 № 2454–01-ЗМО «О единовременной денежной выплате многодетным семьям на улучшение жилищных условий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Мурманской области» // Мурманский Вестник. — 25.12.2019. — № 194. — С. 107.

© Лысова Анна Зиновьевна (anna.lysova@duma-murman.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ СБОРОВ, ПРОВОДИМЫХ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

PROBLEMATIC ISSUES OF LEGAL REGULATION OF CHARITABLE COLLECTIONS HELD BY INDIVIDUALS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

D. Martsinechko

Summary. This article discusses the issue of imperfection of the legislation of the Republic of Kazakhstan in the field of charity. As practice shows, today a large number of fees opened by individuals are fraudulent, in this regard, there is a need to eliminate the imperfections of legislation that allow the organization of such fees by individuals. In the course of writing the article, the author analyzed the current legislation of the Republic of Kazakhstan with regard to charity, identified its weaknesses and proposed measures to eliminate them.

Keywords: charity; charity fee; charity regulation; legal regulation of fees; fraud.

Марцинечко Дарья Вадимовна

*Казахский университет международных отношений
и мировых языков им. Абылай хана, г. Алматы,*

Казахстан

daria.martsinechko@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос несовершенства законодательства Республики Казахстан в сфере благотворительности. Как показывает практика, на сегодняшний день большое количество сборов, открываемых физическими лицами, является мошенническими, в связи с этим, видится необходимость в устранении несовершенств законодательства, позволяющих организацию таких сборов физическими лицами. В ходе написания статьи автором был проведен анализ текущего законодательства Республики Казахстан, касаемо благотворительности, выявлены его слабые стороны и предложены меры по их устранению.

Ключевые слова: благотворительность; благотворительный сбор; регулирование благотворительности; правовое регулирование сборов; мошенничество.

Сегодня в условиях развития социальных сетей и передовых банковских технологий, а также высокой скорости распространения информации, все более обыденным делом становится так называемая, «токсичная» благотворительность. «Токсичным» или же «непрозрачным» считается сбор, в ходе которого не были предоставлены документы, подтверждающие сумму и необходимость сбора, а также отчет о полученных-потраченных средствах.

В социальных сетях зачастую появляются записи о срочном сборе на лечение, либо предоставление материальной помощи нуждающимся. Как правило, они сопровождаются фотографиями, эмоциональными описаниями и реквизитами личной банковской карты, на которую можно перевести пожертвование. Согласно п. 1. ст. 516 ГК РК, пожертвованием признается «дарение вещи или права в общеполезных целях» [2]. В большинстве случаев, такие сборы открываются разово и в по-

следствии не предоставляют никакой отчетности благотворителям, оставляя их в неведении, о направленности собранной материальной помощи.

Вместе с тем, в настоящее время становится актуальным вопрос о правовом обеспечении безопасности благотворителей, под которой понимается защита интересов благотворителей от неправомерных действий физических и юридических лиц (фондов) в сфере благотворительности.

Республике Казахстан, как современному правовому государству, необходимо усовершенствовать законодательство в сфере благотворительности, поскольку на данный момент, оно имеет достаточное количество недочетов, позволяющих организовывать «токсичные» сборы. На сегодняшний день благотворительная деятельность в Республике Казахстан регулируется Законом «О благотворительности».

В Законе благотворительность определяется как социально-полезная деятельность, направленная на удовлетворение гуманных потребностей, осуществляемая добровольно.

Так, Закон предусматривает правовое регулирование только тех благотворительных сборов, которые проводятся благотворительными организациями. Закон вводит понятие благотворительной организации «*Некоммерческая организация, созданная физическими либо юридическими лицами для выполнения задач благотворительности*» [1].

Правомерность проведения благотворительных сборов физическими лицами Законом не определена. Из этого следует, что сборы на территории Республики Казахстан физическими лицами либо не могут проводиться, либо их проведение не регулируется нормами настоящего Закона.

Организация «непрозрачного» сбора является достаточно распространенной на данный момент схемой мошенничества. В связи с этим количество пострадавших от такого вида злоупотребления доверием постоянно растет.

Открытым остается вопрос о том, как открывать и проводить благотворительные сборы физическим лицам в Республике Казахстан. Здесь видится несколько решений:

1. Полный запрет на проведение благотворительных сборов физическими лицами

Запрет на проведение благотворительных сборов физическими лицами обусловлен тем, что большое количество таких сборов является «непрозрачным», а это значит, что отчета по полученным средствам и их целевому использованию нет. *Ст. 516 ГК РК устанавливает, что пожертвование делается с определенным назначением. В случае, если пожертвование использовано не по назначению, жертвователь имеет право отменить свое пожертвование.* Как показывает практика, организаторы таких сборов не возвращают внесенное пожертвование.

Полный запрет на проведение сборов физическими лицами подразумевает, что в случае возникшей необходимости, физическое лицо обращается напрямую в благотворительный фонд с целью содействия в получении необходимой материальной помощи. Благотворительный фонд, в свою очередь, начинает процесс организации благотворительного сбора в соответствии с законодательством Республики Казахстан. Так же, за-

прет на проведение сборов физическими лицами влечет за собой и изменения в виде внесения соответствующих статей в КоАП РК либо УК РК. Такая мера является радикальной, поскольку полный запрет на проведение сборов физическими лицами увеличит нагрузку на фонды.

На данный момент, в случае обнаружения нечестного и непрозрачного ведения благотворительного сбора и последующего обращения жертвователей в правоохранительные органы Республики Казахстан, в отношении организаторов такого сбора возбуждается уголовное дело по ст. 190 УК РК «Мошенничество» [3]. Как известно, мошенничество является преступлением на доверии, именно поэтому, такая квалификация применима к данному виду правонарушения.

2. Внесение изменений и дополнений в действующий Закон «О благотворительности»

Как было сказано ранее, действующий Закон не содержит норм, регулирующих правила проведения сборов физическими лицами. По этой причине остро стоит вопрос о внесении поправок. К таковым можно отнести введение термина «непрозрачный сбор — благотворительный сбор, организуемый без какой-либо сопроводительной документации (документы, подтверждающие необходимость сбора)».

Также, касаясь сборов, организуемых физическими лицами, необходимо внести ряд требований:

- ◆ наличие документации, подтверждающей необходимость проведения сбора
- ◆ наличие расчетно-сметной документации, отображающей сумму сбора
- ◆ полный отчет о поступивших и потраченных средствах, с приложением подтверждающей документации
- ◆ наличие расчетного счета в банках второго уровня на территории Республики Казахстан

Необходимо рассмотреть возможность внедрения административной ответственности за организацию сбора, несоответствующего требованиям, и уголовной ответственности за повторное нарушение требований.

Анализ практики уголовных дел, касающихся «непрозрачных» сборов, показал, что большая их часть проводилась в социальных сетях.

Так, имеется необходимость в ограничении распространения информации о непроверенных сборах в средствах массовой информации и социальных сетях, а также учреждение административной ответственности за такие действия.

Возникает необходимость в установлении признаков мошеннического сбора. **Анализируя практику определения таких сборов, были выявлены следующие особенности:**

- ◆ сбор активно ведется исключительно посредством опубликования в социальной сети;
- ◆ организаторы сбора оказывают эмоциональное давление на потенциальных жертвователей;
- ◆ как правило, точная сумма сбора не оглашается, сбор ведется по принципу «кто сколько сможет»;
- ◆ сбор ведется на личные банковские карты, без опубликования расчетного банковского счета;
- ◆ в ходе проведения сбора не публикуется необходимая документация, либо публикуются фотографии плохого качества, зачастую не имеющие юридически важных деталей, таких как печати;
- ◆ лица, организующие сбор, не публикуют данных полученных средствах;
- ◆ просьбы благотворителей о публикации отчетности вызывают агрессию со стороны организаторов сбора;
- ◆ отчет об использовании полученных средств не предоставляется.

Приведенные выше признаки являются собирательными, однако достаточно полно описывают благотвори-

тельный сбор, который может оказаться мошенническим.

Определенная сложность возникает в возбуждении уголовного дела, поскольку не каждая жертва такой лжеблаготворительности обращается в органы внутренних дел. С этой целью, предлагается ввести возбуждение уголовного по факту обнаружения такого мошеннического сбора.

В общественном понимании благотворительность базируется на открытости, честности, доверии, а главное — результативности. Однако мошеннические сборы все сильнее подрывают веру населения в прозрачность благотворительности, тем самым уменьшая вероятность помощи тем, кому она необходима.

Таким образом, проведя анализ действующего законодательства Республики Казахстан в сфере регулирования благотворительности, были выявлены проблемы и предложены меры их устранения. Вышеприведенные меры могут помочь повысить эффективность норм, регулирующих проведение благотворительных сборов физическими лицами и предотвратить мошеннические «непрозрачные» сборы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Республика Казахстан. Закон № 402-V от 16 ноября 2015 года О благотворительности // Официальная правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет» // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000402> (был доступен 27 апреля 2020 года)
2. Республика Казахстан. Гражданский Кодекс от 1995 года // Официальная правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет» // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000> (был доступен 27 апреля 2020 года)
3. Республика Казахстан. Уголовный кодекс от 2014 года // Официальная правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет» // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (был доступен 27 апреля 2020 года)

© Марцинечко Дарья Вадимовна (daria.martsinechko@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕПРАВОМЕРНЫМ БАНКРОТСТВОМ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЯДА СТРАН ЕАЭС

COMPARATIVE LEGAL ASPECT OF ADMINISTRATIVE OFFENSES RELATED TO WRONGFUL BANKRUPTCY UNDER THE LEGISLATION OF A NUMBER OF EEU COUNTRIES

P. Mikheev

Summary. This paper has summarized some aspects a comparative legal study and analysis of administrative legislation providing for liability for violations in the bankruptcy procedure in the regulatory legal acts of a number of EEU member States.

Objective: having Studied the regulation of administrative liability for wrongful bankruptcy in the legislation of a number of member States of the EEU and the CIS, to assess the problems and prospects for the unification and improvement of these standards.

Results: Similar aspects and basic differences in the regulation of administrative offences related to wrongful bankruptcy in the legislation of a number of EEU member States are identified.

Conclusions: the Author comes to the conclusion that the legal regulation of mechanisms of insolvency and bringing to administrative responsibility for wrongful bankruptcy in the member States—the EEU, despite the similarity of approaches, has a number of fundamental differences due to the specifics of national legal systems.

Keywords: bankruptcy, fictitious bankruptcy, deliberate bankruptcy, administrative liability, EEU member States.

Михеев Павел Владимирович

Аспирант, Северо-Западный институт управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург
miheevp@mail.ru

Аннотация. В работе проводится сравнительно-правовое исследование и анализ норм административного законодательства, предусматривающих ответственность за нарушения в процедуре банкротства (несостоятельности) в нормативных правовых актах ряда государств — участников ЕАЭС.

Цель. Изучив регулирование административной ответственности за неправомерное банкротство в законодательстве ряда стран-участниц ЕАЭС и СНГ оценить проблемы и перспективы унификации и совершенствования указанных норм.

Результаты. Выявлены сходные аспекты и базовые различия в регламентации составов административных правонарушений, связанных с неправомерным банкротством, в законодательстве ряда стран-участниц ЕАЭС и СНГ

Выводы. Автор приходит к выводу, что правовое регулирование механизмов несостоятельности и привлечения к административной ответственности за неправомерное банкротство в странах участницах-ЕАЭС и СНГ, несмотря на сходство подходов, имеет ряд принципиальных отличий, обусловленных спецификой национальных правовых систем.

Ключевые слова: банкротство, фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство, административная ответственность, страны-участницы ЕАЭС.

Введение

В условиях реформирования законодательства об административных правонарушениях, происходящих сейчас в российском правовом поле, целесообразно обратиться к зарубежному опыту для анализа достоинств и проблемных аспектов процедуры привлечения к административной ответственности за неправомерное банкротство. Пока, исходя из Концепции нового Кодекса об административных правонарушениях РФ не ясно, к какой категории, исходя из их характера и степени общественной вредности, будет отнесено фиктивное и преднамеренное банкротство и как

в новой редакции КоАП, предположительно вступающей в силу с 2021 года, будут сформулированы положения ныне действующей статьи 14.12.

Учитывая курс на сближение экономик стран-участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС), реализуемый в рамках Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в ЕАЭС, утвержденной в конце 2018 года, предусматривающий расширение торгово-инвестиционных связей, вопрос о привлечении к административной ответственности при неправомерном банкротстве, осложненном иностранным компонентом, немаловажен. Для признания и приведения

в исполнение иностранных судебных решений по делам о несостоятельности необходимо оперировать единообразными терминами, поскольку унифицированный понятийный аппарат и сходные формулировки правовых норм снижают остроту проблемы определения применимого права при привлечении к ответственности должника либо кредитора за неисполнение связанных с банкротством обязанностей и неправомерное банкротство, а также риск манипулирования юрисдикциями.

Материалы и методы

Исследование основывалось на анализе доступных данных, приведенных на официальных сайтах — информационно-правовых систем нормативных правовых актов России, Армении, Казахстана и Кыргызстана, изучении монографий и статей ученых в области уголовного, гражданского и административного права по тематике исследования, осмыслении как действующего так и отмененного уголовного, гражданского, административного законодательства России, Армении, Казахстана и Кыргызстана в сфере несостоятельности (банкротства). В работе использовались эмпирические и теоретические методы исследования: сравнение, обобщение, анализ, синтез, аналогия и частнонаучные: историко-правовой и формально-догматический методы.

Результаты

Нормы права в административном законодательстве многих стран СНГ, при всем разнообразии юридических конструкций, реализуют тождественные подходы к определению неправомерного банкротства и описывают сходные в значимых признаках деяния, что позволяет предположить наличие единых тенденцией развития. В основе привлечения к административной ответственности лежит традиционное разделение банкротства на неправомерное (криминальное, злостное) и несчастное (невиновное), где при факте неправомерного банкротства должником принимается ряд мер, направленных на сокрытие своего действительного имущественного положения, что и влечет за собой ответственность. Невиновная несостоятельность административной или уголовной ответственности не подлежит, поскольку находится в сфере предпринимательских рисков. Формы неправомерных действия при процедуре несостоятельности различны и, как правило, могут включать сокрытие активов, сокрытие или уничтожение документов, конфликт интересов, ложные претензии, заявления или декларации, а также договоренности об установлении платы или перераспределении.

Правовое регулирование механизмов несостоятельности и привлечения к административной ответственности за неправомерное банкротство в странах

участницах-ЕАЭС (Россия, Армения, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан) и странах-участницах СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан и Узбекистан), несмотря на сходство подходов, имеет ряд принципиальных отличий, обусловленных спецификой национальных правовых систем. Проведем анализ административного законодательства ряда стран — участниц ЕАЭС и СНГ.

При анализе положений законодательства Казахстана, отметим, что нормы Кодекса РК «Об административных правонарушениях», касающиеся неправомерного банкротства в 2019 году претерпели ряд изменения. Так, в первоначальной редакции ответственность предусматривалась как за преднамеренное, так и за ложное банкротство, указанные нормы содержались в главе 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности». Ст. 182 Кодекса РК «Об административных правонарушениях» преднамеренное банкротство трактовала как умышленные действия по созданию или увеличению неплатежеспособности, совершенное как в интересах субъекта правонарушения, так и иных лиц, при отсутствии признаков уголовного преступления. Субъектами данного состава являлись учредитель (участник), должностное лицо, органы юридического лица и индивидуальный предприниматель. На официальном сайте Верховного суда Республики Казахстан опубликовано 7 судебных актов, вынесенных судами разного уровня в ходе рассмотрения административных дел о преднамеренном банкротстве за 2015 год. Анализ опубликованных судебных актов позволяет установить сущностную характеристику преднамеренного банкротства в правоприменительной практике Казахстана. Так, судья Сарыкольского районного суда Костанайской области как преднамеренное банкротство расценил снятие с регистрационного учета за трехлетний период до возбуждения дела о банкротстве двух единиц автотранспорта, из восьми, зарегистрированных на крестьянское хозяйство «М», поскольку документальная налоговая проверка деятельности хозяйства за указанный за период установила наличие налоговой задолженности в размере 2 008 211, пеня 1 008 301 тенге; судья специализированного административного суда г. Актобе усмотрел в действиях ТОО «Кернай Ойл» признаки преднамеренного банкротства, поскольку после признания ТОО банкротом, в результате действий из личных интересов органов юридического лица, произошло увеличение неплатежеспособности — в ходе камерального контроля были выявлены дополнительные декларации, из которых следует наличие оборота по реализации на сумму 5 027 678 тенге, а также взаиморасчеты с аффилированными сторонами, имеющие признаки лжепредпринимательства, что причинило ущерб государству в виде невыплаты задолженности по налогам и другим обязательным платежам

в бюджет в сумме 7 644 639 тенге; судья Специализированного межрайонного административного суда г. Астаны признал, что руководителем и учредителем ТОО С. и К., были проведены целенаправленные мероприятия по сокрытию сведений о наличии активов, по не уплате налоговой задолженности и доведению предприятия до банкротства, выразившиеся в нарушениях по налоговой отчетности: несоответствие размера дохода от реализации товаров (работ, услуг) и оборота по реализации, отражённых в декларации по корпоративному подоходному налогу и налогу на добавленную стоимость, что повлекло преднамеренное банкротство и причинения ущерба государству в виде несвоевременного исполнения налоговых обязательств; судья специализированного административного суда города Усть-Каменогорска Восточно-Казахстанской области вынес решение о привлечении индивидуального предпринимателя А. к административной ответственности по ст. 182 КоАП РК, учитывая, что указанный предприниматель, понимая, что в будущем при банкротстве будет отвечать перед кредиторами всем своим имуществом, вывел из АО «Банк Центр Кредит» свое залоговое имущество, а также начал переоформлять свое имущество на третьих лиц [1]. Примечателен тот факт, что в большинстве случаев (исходя из опубликованных судебных решений) недобросовестность должника причинила ущерб только интересам государства в виде недополученных налогов и сборов, информации о причинении ущерба иным кредиторам, в опубликованных материала не содержится. Из резолютивных частей постановлений следует, что штраф налагается не на конкретное виновное лицо, совершившее комплекс действий, приведших должника-юридическое лицо или индивидуального предпринимателя к преднамеренному банкротству, а на самого должника-банкрота.

В редакции Закона РК от 27.12.19 г. № 290-VI преднамеренным банкротством являются действия, совершенные с целью уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами путем отчуждения или сокрытия имущества в течение трех лет до признания банкротом юридического лица или индивидуального предпринимателя. В перечне субъектов органы юридического лица заменены на лицо, осуществляющее функции управления юридическим лицом [2]. Аналогичное положение содержится и в Законе Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве» (п. 2 статьи 1) [3].

Таким образом, помимо корректирования юридических формулировок относительно субъектного состава, законодатель сузил границы объективной стороны указанного административного правонарушения с общих умышленных действий по формированию неплатёжеспособности до конкретного деяния — отчуждения или сокрытия имущества в течение установленного срока.

И в первой, и во второй редакции статьи санкция безальтернативная, но содержит градацию по субъекту. Ответственность за преднамеренное банкротство с 2019 года снижена — штраф, исчисляемый в месячных расчетных показателях в первоначальной редакции статьи налагался в размере триста месячных расчетных показателей — на субъектов малого предпринимательства, пятьсот — на субъектов среднего предпринимательства, и восемьсот — на субъектов крупного предпринимательства; во второй редакции штраф уменьшен до двухсот месячных расчетных показателей — на физическое лицо и четырехсот — на юридическое.

Разграничение административной и уголовной ответственности проводится в зависимости от последствий, критерием преступлений выступает крупный ущерб или иные тяжкие последствия. УК Республики Казахстан под крупным понимает ущерб, причиненный гражданину на сумму в две тысячи раз превышающую месячный расчетный показатель, организации или государству на сумму, в десять тысяч раз превышающую указанный показатель [4]. С 1 января 2020 года месячный расчетный показатель составляет 2 651 тенге, а в 2019 года он равнялся 2 525 тенге при минимальной заработной плате 42 500 тенге. Если конвертировать указанные показатели в российский рубль, то получим порядка 447,4 рубля, 426,13 рубля и 7 172,56 рублей соответственно. Таким образом штраф в Республике Казахстан за преднамеренное банкротство в переводе на российскую валюту составляет порядка 89 480 рублей для физических и 178 960 рублей для юридических лиц. Тяжкие последствия отнесены законодателем к оценочным критериям и не конкретизированы. Исходя из общих положений УК Республики Казахстан, изложенных в статье 3, можно предположить, что как тяжкие последствия следует трактовать причинение особо крупного ущерба; срыв исполнения поставленных высшим командованием задач; создание угрозы безопасности государства; потерю рабочих мест; неуплату налогов и т.п.

До 2019 года Кодекс РК «Об административных правонарушениях» содержал норму, предусматривающую ответственность за ложное банкротство (статья 183) — заведомо ложное объявление о своей несостоятельности в целях введения в заблуждение кредиторов для получения отсрочки или рассрочки причитающихся им платежей, или скидки с долгов, а равно для неуплаты долгов. Перечень субъектов ложного и преднамеренного банкротства совпадал. Законом РК от 27.12.19 г. № 290-VI указанный состав был исключен.

В действующей редакции Кодекса Республики Армения «Об административных правонарушениях» [5], основной текст которого функционирует с 1985 года, составов, предусматривающих административную от-

Таблица 1. Сравнительная характеристика неправомерного банкротства по законодательству Казахстана, Кыргызстана и Армении.

	Казахстан		Кыргызстан	Армения	
Вид неправомерного банкротства	преднамеренное	ложное (до 2019 г.)	преднамеренное создание или увеличение неплатежеспособности должника	преднамеренное (только в УК)	фиктивное (только в УК)
Форма описания	отчуждение или сокрытие имущества в течение трех лет до признания банкротом с целью уклонения от исполнения обязательств	отмен. Законом РК от 27.12.19 г. № 290-VI	преднамеренное создание или увеличение неплатежеспособности должника либо нанесение ущерба должнику в личных интересах или в интересах третьих лиц	умышленное создание признаков неплатежеспособности или увеличение их размера, совершенное в собственных интересах или интересах иных лиц,	подача искового заявления о признании собственной неплатежеспособности при отсутствии признаков банкротства в целях введения в заблуждение кредиторов и получения отсрочки, рассрочки, скидки, замораживания или моратория в отношении удовлетворения требований, а равно в целях неуплаты долгов.
Субъект	учредитель (участник) должностного лица, лица, осуществляющего функции управления юр. лицом, ИП	-	не конкретизирован — по общему правилу — физическое или юридическое лицо	учредители (участники) должника или иные лица, способные давать ему обязательные для исполнения указания или предопределять его решения, в том числе руководители должника, индивидуальные предприниматели	
Глава Кодекса	КоАП РК — Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности		Кодекс о нарушениях -Нарушения против порядка управления в сфере банкротства	УК Армении — преступления против экономической деятельности	

ветственность за неправомерное банкротство не со-держится, однако данное понятия не чуждо правовому полю Армении. Так, Закон Республики Армения «О банкротстве» в начальной редакции оперировал понятиями фиктивное банкротство, признаваемое таковым в случае подачи должником в суд искового заявление о признании его банкротства, при заведомом наличии возможности в полном объеме исполнить требования кредиторов и преднамеренное банкротство, определяемое как ситуация когда должник признается банкротом по вине лиц, владеющих уставным (складочным долевым, складочным паевым) капиталом, или иных лиц, имеющих возможность давать ему обязательные для исполнения указания или предопределять его решения, в том числе по вине руководителя должника. Новая редакция статьи 8 указанного закона содержит понятие лишь преднамеренного банкротства, изменения не претерпевшего [6]. Однако УК Республики Армения предусматривает уголовную ответственность и за преднамеренное банкротство (статья 193) и за фиктивное банкротство (ста-

тья 194). Диспозиции статей, в целом, соответствуют положениям старой редакции Закона Армении «О банкротстве» — под преднамеренным банкротством понимается умышленное создание признаков неплатежеспособности или увеличение их размера, совершенное в собственных интересах или интересах иных лиц, под фиктивным — подача искового заявления о признании собственной неплатежеспособности при отсутствии признаков банкротства в целях введения в заблуждение кредиторов и получения отсрочки, рассрочки, скидки, замораживания или моратория в отношении удовлетворения требований, а равно в целях неуплаты долгов. Для квалификации указанных деяний как уголовного преступления, требуется причинение крупного ущерба, причем как должнику, так и кредитором. В российском же законодательстве конкретизация лица, которому причиняется ущерб, отсутствует, что, по нашему мнению, является недочетом конструкции аналогичных статей как уголовного, так и административного законодательства. Субъектами преступления являются учредители (участ-

никами) должника или иные лица, способные давать ему обязательные для исполнения указания или предопределять его решения, в том числе руководители должника, а равно индивидуальные предприниматели [7].

Анализируя законодательство Кыргызской Республики, следует отметить, что в настоящее время оно находится в процессе глобальной перестройки. В 2019 году вступил в силу целый пласт нормативных правовых актов, включая Кодекс о нарушениях и Уголовный кодекс, внесены изменения в законодательство о банкротстве. Учитывая данный аспект развития правовой системы Кыргызской Республики, использование историко-правового сравнительного метода для решения поставленной в настоящей работе исследовательской задачи представляется целесообразным. Конечно, исследуемый период небольшой по историческим меркам, но достаточно информативный, поскольку Кыргызская Республика как независимое государство, существует 29 лет.

Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности, принятый 18 июня 1998 года и действовавший до 1 января 2019 года, содержал 10 статей, определяющих административные правонарушения в области законодательства о банкротстве, включая статью 505–6, диспозиция которой описывала неправомерные действия в процессе банкротства как сокрытие имущества или имущественных обязательств, любой значимой информации об имуществе, передача, отчуждение или уничтожение имущества, сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных отражающих экономическую деятельность документов, если эти действия совершены в банкротстве или в предвидении него и статью 505–8, предусматривавшую ответственность за преднамеренное создание или увеличение неплатежеспособности должника либо нанесение ущерба должнику в личных интересах или в интересах третьих лиц.

К ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 505–6 могли привлекаться руководитель или собственник организации должника, индивидуальный предприниматель, администратор (назначенное в установленном порядке лицо, ответственное за проведение процедуры банкротства). Субъект правонарушения в диспозиции ст. 505–8 законодателем конкретизирован не был, однако исходя из санкции статьи предполагается, что им могло являться только должностное лицо. Так же не было конкретизировано понятие ущерба должнику. Санкции статей 505–6 и 505–8 предусматривали наказание в виде штрафа от 20 до 50 расчетных показателей и до ста расчетных показателей соответственно [8].

В ходе реформ законодательства, проводимых в Кыргызстане в 2015 году, сформировалась новая концепция

разграничения административных правонарушений и уголовных преступлений в зависимости от причиненного ущерба, что позволило скорректировать институт юридической ответственности, разделив понятия преступления, проступка и нарушения. Этот подход нашел отражения в принятии трех самостоятельных кодифицированных актов — Кодекса о проступках, Кодекса о нарушениях и Уголовного Кодекса. Новое законодательство о проступках объединило 33 статьи из ранее действовавшего Кодекса об административной ответственности и ряд преступлений небольшой тяжести. Действующие в настоящее время Кодекс о проступках и УК Кыргызстана не рассматривают вопросы ответственности за криминальное банкротство, однако Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях, введенный в действие с 01.01.2019 г., содержит главу 34 «Нарушения против порядка управления в сфере банкротства» в которой три статьи. Диспозиция статьи 264 идентична диспозиции статьи 505–8 [9], аналога статьи 505–6 данный Кодекс не содержит. Указанное деяние влечет наложение штрафа 4 категории, который измеряется в расчетных показателях: для физических лиц — 75, для юридических — 230. Размер расчетного показателя согласно Постановлению Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 15 июня 2006 года N1115-III — 100 сомов в месяц, что в пересчете на официальную денежную единицу РФ составляет 101.669 рублей.

Следует отметить, что в отличие от административного законодательства, УК Республики Кыргызстан 1997 года и законодательство о банкротстве [10] оперируют понятиями ложное и преднамеренное банкротство. Ложное банкротство имеет сходство с фиктивным банкротством в российском законодательстве и определяется как ложно возбужденный процесс банкротства и признание лица банкротом с целью введения в заблуждение кредиторов для получения отсрочки, рассрочки, скидки с долгов или их неуплаты долгов при реальной возможности полного удовлетворения требования кредиторов. Преднамеренное характеризуется деянием должника по умышленному созданию или увеличению неплатежеспособности в интересах своих или иных лиц, что соответствует положениям ст. 264 Кодекса Кыргызской Республики о нарушениях.

При сравнении регламентации административной ответственности за неправомерное банкротство по законодательству Казахстан, Кыргызстана, Армении (таб. 1) и России следует обратить внимание на ряд аспектов: 1) прослеживается тенденция отказа от привлечения к ответственности за ложное (фиктивное) банкротство, рассматриваемое как обращение должника или иного лица в его интересах в уполномоченный орган с заявлением о признании должника банкротом при условии, что должник в состоянии удовлетворить требования креди-

торов в полном объеме; 2) интересен опыт Казахстана, законодательно определившего период (3 года), в течение которого осуществляются действия по преднамеренному доведению экономики должника до критического состояния, приводящие его к несостоятельности; 3) достаточно сложно отграничить преднамеренное банкротство от плохого управления и неверно оцененных предпринимательских рисков, что исключает привлечение к административной ответственности; 4) составы административных правонарушений за неправомерное банкротство сформулированы как формальные, нали-

чие последствий в виде крупного ущерба обуславливает переход от административной ответственности к уголовной; 5) законодатель Кыргызстана отказался от использования терминов преднамеренное и ложное (или фиктивное) банкротство, однако в Кодекс о нарушениях включена правовая норма, в которой, по существу, регламентируется ответственность за преднамеренное банкротство, а в Армении ответственность за преднамеренное и фиктивное банкротство предусмотрена только в нормах уголовного кодекса, составы сконструированы как материальные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верховный суд Республики Казахстан: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://office.sud.kz/forumTaldau/forum.xhtml?content=banks&category=34&article=3182&view=article>
2. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях [принят 5 июля 2014 года № 235-V, с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.01.2020 г.]: [Электронный документ] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: официальное опубликование. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>
3. О реабилитации и банкротстве: [Закон Республики Казахстан от 7 марта 2014 года № 176-V, с изм. и доп. по состоянию на 27.12.2019 г.]: [Электронный документ]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31518958#pos=169;-44
4. Уголовный Кодекс Республики Казахстан [от 24.11.15 г. № 422-V, вводятся в действие с 16 декабря 2020 г.]: [Электронный документ]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#pos=5;-155
5. Кодекс Республики Армения «Об административных правонарушениях» [дата вступления в силу 01.06.1986]: [Электронный документ] // Правовая информационная система Армении. URL: <https://www.arlis.am/>
6. О банкротстве: [Закон Республики Армения, принят 25.12.2006]: [Электронный документ] // Национальное Собрание Республики Армения: официальный сайт. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2881&lang=rus>
7. Уголовный кодекс Республики Армения: [принят 18.04.2003]: [Электронный документ] // Национальное Собрание Республики Армения: официальный сайт. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus>
8. Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности [Закон КР от 4 августа 1998 года № 115, введен в действие с 1 октября 1998 года, утратил силу с 1 января 2019 года в соответствии с Кодексом КР о нарушениях от 13 апреля 2017 года № 58]: [Электронный документ]. URL: <https://online.zakon.kz/document/>
9. Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях № 58 [принят 13 апреля 2017 года, введен в действие с 01.01.2019 г., с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.01.2020 г.]: [Электронный документ]. URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=32113943
10. О банкротстве (несостоятельности): [Закон Кыргызской Республики от 15 октября 1997 года № 74, с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.12.2019 г.]: [Электронный документ]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30221505#pos=0;0

© Михеев Павел Владимирович (miheevp@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РИСКИ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНТРАКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

RIKES OF UNFAIR CONDUCT UNDER THE LAW ON THE CONTRACT SYSTEM

N. Parfenyuk

Summary. Property relations that arise between the state and other entities within the framework of the contract system in the field of procurement do not always have a predictable result and contribute to the achievement of goals, which is due to objective and subjective reasons. One of the objective reasons is the risk of unfair behavior of the parties to the contractual relationship. The current procedure of legal regulation of contractual relations enshrined in the Federal law of April 5, 2013 № 44-FL "About contract system in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs" contains separate provisions that can reduce the risks of dishonest behavior of parties to contractual relations, but establishes a mechanism of realization of interests of the customer and the participant of the procurement does not yet include well-researched element in the protection of these interests, and adequate legal tools to anticipate risks and minimize their consequences.

Keywords: risk of unfair behavior, contractual relations, risk management, performance of obligations, the principle of good faith.

Парфенюк Наталья Валерьевна
Аспирант, Тюменский государственный
университет, Тюмень
parn_2012@mail.ru

Аннотация. Имущественные отношения, возникающие между государством и другими субъектами в рамках контрактной системы в сфере закупок, не всегда имеют предсказуемый результат и способствуют достижению поставленных целей, что обусловлено причинами объективного и субъективного характера. Одной из объективных причин выступает риск недобросовестного поведения сторон контрактных отношений. Действующий порядок правового регулирования контрактных отношений, закреплённый в нормах Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», содержит отдельные положения, которые могут снизить риски недобросовестного поведения сторон контрактных отношений, но при этом закреплённый механизм реализации интересов заказчика и участника закупок пока не содержит хорошо проработанного элемента защиты этих интересов и надлежащих правовых средств, позволяющих предвидеть риски и минимизировать их последствия.

Ключевые слова: гражданско-правовой риск, недобросовестное поведение, контрактные отношения, исполнение обязательств, принцип добросовестности.

В современном гражданском законодательстве риск возведен в число системообразующих гражданско-правовых категорий. Значению риска как системообразующего элемента права, независимо от того, содержится ли прямое упоминание о риске в соответствующей правовой норме, в юридической литературе уделено немало внимания. Как отмечал М. М. Агарков, лежащая в основании гражданских правоотношений идея риска легко обнаруживается при анализе ряда норм, хотя внешне может быть и не выражена [3]. Советский и российский правовед Я. М. Магзинер само право определял через понятие риска: «... все право есть не что иное, как система распределения рисков, которая изменяет и направляет стихийно складывающееся их распределение на основе естественных законов экономики» [11]. Д. И. Мейер, исследуя категорию риска применительно к обязательственным правоотношениям, отмечал, что любое обязательство непременно сопровождается риском — неблагоприятными последствиями, угрозами или опасностями [13]. На то, что любое обязательство сопряжено с риском указывал в своих трудах и российский цивилист Г. Ф. Шершеневич [24]. Акцентируя внимание на рисках в обязательствен-

ных правоотношениях, нельзя не отметить и концепцию рисков в договорных отношениях российского правоведа К. П. Победоносцева, который не только указывал на то, что любой договор сопряжен с риском, но и дифференцировал договорные риски на риски, лежащие в основе договора и риски, не входящие в юридическое содержание договора [19].

Большой вклад в исследование риска в гражданском праве внес доктор юридических наук, профессор В. А. Ойгензихт, определивший, что «риск есть психическое отношение субъектов к результату собственных действий или к поведению других лиц, а также к возможному результату объективного случая и случайно невозможных действий, выражающееся в осознанном допущении отрицательных, в том числе невозможных, имущественных последствий» [15]. При этом, В. А. Ойгензихт полагал, что риск может являться основанием гражданско-правовой ответственности и при отсутствии вины, но только при наличии признака противоправности в действиях субъекта гражданского правоотношения [15, 16, 20]. Позднее концепцию риска в гражданском праве В. А. Ойгензихта поддержали С. Н. Братусь [5],

В. А. Копылов [10], А. Г. Мартиросян [12], И. Н. Хмелевский [23] и другие исследователи. Однако, представляется, что понимание риска как условия гражданско-правовой ответственности является исключительно частным проявлением риска.

Категорию риск в обязательственных отношениях не обходят своим вниманием и современные исследователи. Так, М. А. Ковалевский [9], А. Г. Карапетов [8], О. М. Олейник [17] акцентируют внимание на проблеме распределения рисков сторонами договора с позиции теории «преимущественного носителя риска» (*superior risk bearer test*), разработанной основоположником экономического анализа права, американским правоведом и экономистом Р. Познером. В основу теории Р. Познера положена гипотеза о том, что принятие стороной договора определенного риска должно быть компенсировано за счет стороны, в большей степени информированной о риске [25]. Так, например, при предоставлении помещения в аренду для конкретных целей, например, размещения в нем отеля, убытки и затраты арендатора в случае изъятия помещения из незаконного владения арендодателя должен компенсировать арендодатель. Обусловлено это тем, что потери арендатора для арендодателя были предвидимыми. Таким образом, главным критерием «преимущественного носителя риска» является информированность стороны договора об обстоятельствах, которые другая сторона не могла предвидеть. А. Г. Дудко в своих работах отмечает, что кроме случаев невозможности предотвращения риска определяется та сторона, которая сможет застраховать соответствующий риск с меньшими издержками [7]. При этом, согласно теории Р. Познера, при выборе стороны, за счет которой риск будет компенсироваться, учитывать необходимо не те меры, которые приняты сторонами, а те меры, которые стороны могли бы предпринять.

Анализ исследований о риске в праве показал, что зародившийся в дореволюционном праве интерес к категории «риск», не теряет своей актуальности и сегодня. С. О. Беляев рассматривает риск в контексте механистической модели реальности, «где любая ситуация риска воспринимается всего лишь как ситуация недостаточной информированности, порождаемая неполным знанием всех возможных факторов, влияющих на последствия принятых нами решений» [4]. Такой подход имеет схожесть с теорией преимущественного носителя риска. В рамках данной модели риск — это то, что в принципе всегда может быть сведено к нулю при условии достаточной информированности. В контексте заявленной темы статьи речь может идти о наличии «асимметричной информации» возникающей при недостаточности знаний одной стороны (государственного заказчика) о своем контрагенте (участнике закупке). И в этой связи риск как гражданско-правовая категория имеет прямую

связь с таким универсальным гражданско-правовым механизмом, как принцип добросовестности.

Добросовестность декларируется в качестве необходимой нормы поведения участников различных гражданско-правовых отношений, и несоблюдение такого принципа ведет к рискам недобросовестного поведения сторон. По справедливому замечанию А. Г. Карапетова, несмотря на то, что до 2013 года добросовестность официально в ГК РФ общим началом гражданского права не называлась, то что «совесть» является принципом российского гражданского права, можно было легко вывести из системного толкования законодательства [18].

В контрактных отношениях с участием государства риск недобросовестного поведения сторон контрактных отношений выступает одним из наиболее важных типов рисков, требующих соответствующего контроля и управления. Участники контрактной системы достаточно часто сталкиваются с недобросовестным поведением, например, заказчик с недобросовестным поведением участника закупки, участник закупки с недобросовестным поведением заказчика. Поскольку участники контрактной системы регулярно сталкиваются с недобросовестным поведением, законодатель должен защитить их интересы, переложив все риски недобросовестного поведения на соответствующую сторону гражданского правоотношения. Иными словами, применить субъективную добросовестность, которая представляет собой способ задать некие стандарты поведения и установить те или иные санкции за их нарушение [18]. Действующий порядок правового регулирования контрактных отношений, закреплённый в нормах Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе), содержит отдельные положения, которые могут снизить риски недобросовестного поведения сторон контрактных отношений, но при этом закреплённый механизм реализации интересов заказчика и участника закупок пока не содержит хорошо проработанного элемента защиты этих интересов и надлежащих правовых средств, позволяющих предвидеть риски и минимизировать их последствия. И такая ситуация прослеживается во многих нормах Закона о контрактной системе. Это лишает участников данного вида отношений необходимой нормативной опоры, которая могла бы служить основанием для регулирования вопросов об управлении рисками в этой сфере.

В рамках общего содержания принципа добросовестности риск последствий недобросовестного поведения, который влечет за собой юридические последствия в виде взыскания убытков, отказа в защите права и т.д., лежит на недобросовестном лице. Однако, если рассма-

тривать распределение рисков сторонами договора с позиции теории «преимущественного носителя риска», то компенсация риска распределяется исходя из информированности сторон договора об обстоятельствах, которые другая сторона не могла предвидеть. Получается, что исходя из теории «преимущественного носителя риска» заказчик должен возместить убытки и затраты участника закупки. Практическим примером такой ситуации является незаключение контракта с участником закупки, предложившим лучшую цену по причине обжалования действий заказчика в антимонопольной службе участником закупки, необоснованно не допущенным до участия в аукционе. В качестве затрат здесь можно рассматривать вознаграждение брокера за выдачу банковской гарантии. Заказчик, являясь профессиональным участником контрактной системы (принцип профессионализма заказчика закреплен Законом о контрактной системе), совершая действия по допуску или недопуску участника закупки до участия в аукционе, априори более информирован о тех обстоятельствах, о которых не проинформирован участник закупки. В конкретном примере заказчик может знать, что совершил действия, нарушающие положения законодательства о контрактной системе, но не предпринять никакие меры для того, чтобы это предотвратить. Как уже было отмечено, акцент в теории «преимущественного носителя риска» как раз и делается на том, какие меры стороны могли бы принять.

Систему управления рисками в контрактной системе можно представить как двухуровневую структуру управления рисками. На первом уровне должно происходить управление рисками со стороны государства посредством закрепления нормативных предписаний, а на втором уровне рисками управляют сами участники отношений путем совершения фактических и юридических действий через выбор правовых средств, имеющих в нормах законодательства. Оба уровня управления могут работать только в своей взаимосвязи — наличие надлежащих правовых средств в Законе о контрактной системе должно позволять осуществлять их выбор для минимизации рисков. Однако, как уже было отмечено, в Законе о контрактной системе закрепленный механизм реализации интересов заказчика и участника закупок не содержит хорошо проработанного элемента защиты интересов субъектов отношений и надлежащих правовых средств, позволяющих предвидеть риски и минимизировать их последствия.

Так, если говорить о рисках, вызванных недобросовестным поведением участников закупок, то для их минимизации государственные заказчики должны осуществлять проверку благонадежности и добросовестности таких лиц на этапе подачи заявок на участие в закупках (ст. 54.7, ст. 69, ст. 78, ст. 82.4., ст. 89 Закона о контрактной

системе). В качестве меры по предотвращению рисков государственным заказчикам предоставляется возможность не допускать не соответствующие требованиям документации о закупке извещения об осуществлении закупки и самих участников закупки до участия в ней. Недопущение участников закупки к первичному получению прав (праву быть допущенным к участию в закупке) позволяет снизить риск недобросовестного поведения при исполнении контракта, что служит дополнительной гарантией исполнения обязанностей в отношении государственного заказчика.

Вместе с тем, как уже было отмечено, элемент защиты этих интересов заказчика от рисков недобросовестного поведения недостаточно хорошо проработан. Так, с одной стороны государственный заказчик имеет возможность минимизировать свои риски, не допуская отдельных участников закупок до участия в них, в то время как с другой стороны, объем влияния заказчика на развитие рискованной ситуации минимален. О минимальном объеме влияния говорит тот факт, что заказчик должен полагаться исключительно на ту информацию, которая предоставляется участником закупки на электронной площадке, при этом перепроверять достоверность информации является правом, а не обязанностью заказчика. Но даже свое право на перепроверку предоставленной участником закупки информации в отдельных случаях государственный заказчик реализовать может не всегда ввиду того, что сроки на проверку предоставленной участником закупки информации ограничены императивными нормами Закона о контрактной системе. Все это приводит к тому, что возникает ситуация, при которой заказчик не может минимизировать свои риски.

Сказанное можно проиллюстрировать практически примерами. Согласно п. 5. ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе одним из требований, предъявляемых к участникам закупок, является отсутствие у такого участника недоимки по налогам, сборам, задолженности по иным обязательным платежам в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации за прошедший календарный год, размер которых превышает двадцать пять процентов балансовой стоимости активов участника закупки по данным бухгалтерской отчетности за последний отчетный период. Положениями п. 3. ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе установлено и такое требование к участнику закупки, как непроведение ликвидации участника закупки — юридического лица и отсутствие решения арбитражного суда о признании участника закупки — юридического лица или индивидуального предпринимателя несостоятельным (банкротом) и об открытии конкурсного производства. Соответствие участника закупки указанному требованию (исходя из смысла нормативных предписаний Закона о контрактной системе) при проведении электронных конкурентных способов

определения поставщика (подрядчика, исполнителя) подтверждается участником закупки декларацией о соответствии участника закупки требованиям, установленным пп. 3–9 ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе. При этом указанная декларация предоставляется с использованием программно-аппаратных средств электронной площадки, смысл которых заключается в подписании электронной подписью соответствующего электронного документа, сформированного не участником закупки, а аппаратными средствами электронной площадки. Риск недобросовестного поведения в данном случае лежит полностью на участнике закупки. Из замысла законодателя следует, что заказчики проверяют поступившую информацию, полностью полагаясь на добросовестность участника закупки: если декларация о соответствии участника закупки подписана электронной подписью, значит участник закупки соответствует предъявляемым к нему требованиям. Но ведь вполне может возникнуть и ситуация, при которой могут обостриться риски недобросовестного поведения со стороны участника закупки. Если предоставлять документы нет необходимости, а у заказчика отсутствует обязанность проверки сведений, указанных в декларации, на их достоверность, то даже при фактическом несоответствии предъявляемым требованиям (например, при наличии задолженностей или нахождения в процедуре банкротства) можно быть допущенным к закупке и даже стать победителем. При этом последствия допусков таких участников, как правило, имеют отрицательные последствия.

Анализ правоприменительной практики позволяет проиллюстрировать вышесказанное примерами. Так, 02.09.2016 МУП «Костромагортранс» стал победителем закупки по лоту № 0841300009016000528 на выполнение работ по осуществлению регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом в городском сообщении по регулируемым тарифам по муниципальным маршрутам № 14 «ПМК-2 — Поликлиника-2 (п. Высоково)» и № 44 «п. Высоково — ул. Локомотивная» общей стоимостью 8 581 444 (восемь миллионов пятьсот семьдесят одна тысяча четыреста сорок четыре) руб. 60 коп., со сроком выполнения работ с 01.10.2016 года по 30.09.2021 года включительно (13.09.2016 года был заключен контракт). 08.09.2016 должник стал победителем закупки по лоту № 0841300009016000527 на выполнение работ по осуществлению регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом в городском сообщении по регулируемым тарифам по муниципальным маршрутам № 2 «ВР «Солнечный» — пос. Волжский» и № 9 «ВР «Солнечный» — пл. Сусанинская», общей стоимостью 15803448 (пятнадцать миллионов восемьсот три тысячи четыреста сорок восемь) руб. 18 коп., со сроком выполнения работ с 01.10.2016 года по 30.09.2021 года включительно (19.09.2016 года был заключен контракт № Ф.2016.265008). Указанные контрак-

ты заключались в строгом соответствии с положениями Закона о контрактной системе и должны были быть оплачены из средств соответствующих бюджетов бюджетной системы. Однако, участник закупки, с которой были заключены контракты на момент участия в процедуре — МУП «Костромагортранс», не только имел задолженности по налогам, сборам и иным обязательным платежам в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации за прошедший календарный год, размер которых превышал двадцать пять процентов балансовой стоимости активов (на момент заключения контрактов размер заложенности МУП «Костромагортранс» перед ФНС г.Костромы составлял около 100 миллионов рублей, в то время как 25% балансовой стоимости активов на 2016 год составляло около 7,5 миллионов рублей), что подтверждается многочисленными решениями арбитражного суда Костромской области по делу № А31–11311/2016 [2]. Впоследствии вышеназванные контракты были расторгнуты, а государству причинён не только имущественный ущерб, но и не были достигнуты цели и решены задачи социально-экономического развития муниципального образования в части осуществления регулярных перевозок пассажиров и багажа.

Как видно из краткого описания практического применения норм Закона о контрактной системе, если бы государственный заказчик хоть как-то мог минимизировать свои риски при проверке участников закупок на соответствие требованиям, установленным законом, за счет хорошо проработанных элементов защиты своих интересов, то подобные ситуации вряд ли имели место быть. Пока же законодательно не заложена надлежащая «степень контроля» за риском недобросовестного поведения участника закупки при подаче информации о соответствии требованиям, установленным Законом о контрактной системе. Кроме того, не регламентирован комплекс мер, направленных на предотвращение рисков недобросовестного поведения участников закупок.

Единственным, на взгляд автора, очевидным элементом защиты от недобросовестного поведения участника закупки выступает установленная законодателем в ч. 15 ст. 95 Закона о контрактной системе обязанность по одностороннему отказу от исполнения контракта со стороны заказчика, если в ходе исполнения контракта установлено, что поставщик (подрядчик, исполнитель) не соответствует установленным извещением об осуществлении закупки и (или) документацией о закупке требованиям к участникам закупки или представил недостоверную информацию о своем соответствии таким требованиям, что позволило ему стать победителем определения поставщика (подрядчика, исполнителя). Однако выявить недостоверность представляемых сведений не всегда возможно. Указанная ситуация фактически приводит к минимизации рисков для недобро-

совестных участников закупок при предоставлении информации, что, по сути, стимулирует их к недобросовестному поведению.

Установление в ст. 31 Закона о контрактной системе репутационных ограничений применительно к участникам закупки является формой контроля и управления риском со стороны государства. Основная цель такого контроля и управления — снижение рисков недобросовестного поведения участников закупок, предупреждение нарушения прав заказчиков, осуществляющих

закупки. Отсутствие же жестких нормативных требований к порядку проверки предоставляемых участниками закупки сведений о своем соответствии ч. 1. ст. 31 Закона о контрактной системе является достоинством и одновременно недостатком. С одной стороны, заказчики имеют возможность минимизировать свои риски, не допуская отдельных участников закупок до участия в таких закупках. С другой стороны, возрастает риск недобросовестного поведения участника закупки, поскольку законодательно заложенная «степень контроля» за риском минимальна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 27.06.2019) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
2. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 17.02.2020 по делу № А31–11311/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. — М., 1940. — С. 64.
4. Беляев С. О. Риск как категориальная форма правовой реальности / С. О. Беляев // Философия права. — 2009. — № 2. — С. 17–19.
5. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М.: Городец-издат, 2001. С. 168.
6. Джиоева Е. Г. Гражданско-правовые риски процедур определения поставщика, подрядчика, исполнителя // Российская юстиция. — 2016. — № 1. — С. 9–13.
7. Дудко А. Г. Существенное изменение обстоятельств как основание изменения или расторжения договора // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2000. № 1.
8. Карапетов А. Г. Экономические основания принципа свободы договора // Вестник гражданского права. 2012. № 3. С. 66–154
9. Ковалевский М. А. Правовое значение экономических рисков // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. Вып. 5. М., 2005;
10. Копылов В. А. О категории риска в гражданском праве // Защита субъективных прав: История и современные проблемы. Волгоград: ВолГУ, 2000. С. 53.
11. Магизинер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. — 1999. — № 1. — С. 136.
12. Мартиросян А. Г. Теория риска в гражданском праве РФ. Монография. — Москва: Проспект, 2016. — 113
13. Мейер Д. И. Русское гражданское право: В 2 ч. 1902. М.: Статут, 1997. Ч. 2. С. 151.
14. Мамчун В. В. О понятиях и определениях риска в юридической доктрине и в законодательстве // Вестник Владимирского юридического института. — 2010. — № 1 (14). — С. 100–109.
15. Ойгензихт В. А. Категория риска в советском гражданском праве // Правоведение. 1971. № 5. С. 67–68.
16. Ойгензихт В. А. К вопросу о понятии риска в гражданском праве // Актуальные проблемы применения советского законодательства. — Душанбе: Изд-во Тадж. ун-та, 1974. — С. 113–126
17. Олейник О. М. Экономический анализ права в российской науке и практике // Закон. 2014. № 12. С. 52–53.
18. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0]. Отв. ред. А. Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2020. — 1469 с.
19. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 3. М.: Статут, 2003 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Проблема риска в гражданском праве. Часть общая / Ойгензихт В. А. — Душанбе: Ирфон, 1972. — 224 с.
21. Тасалов Ф. А. Манипулирование недействительностью сделок, заключенных по итогам государственных и корпоративных закупок: антимонопольные и гражданско-правовые риски поставщиков // Вестник арбитражной практики. — 2019. — № 3. — С. 29–37.
22. Тасалов Ф. А. Закупки: от технического задания к исполнению контракта. — М., 2018. — 256 с.
23. Хмелевской И. Н. Проблемы риска в гражданском законодательстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 57.
24. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Фирма «СПАРК», 1995. С. 290.
25. Posner R., Rosenfeld A. Impossibility and Related Doctrines in Contract Law: An Economic Analysis // Economic Analysis of Contract Law, Antitrust Law and Safety Regulations P. 53–88.

© Парфенюк Наталья Валерьевна (parn_2012@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДОПРОС КАК СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

INTERROGATION AS AN INVESTIGATIVE ACTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

V. Postanyuk

Summary. The article considers the concept of interrogation and its features. Attention is also drawn to the rights of the interrogated, the tactics of interrogation by the investigator. Psychological problems of interrogation and the mechanism of establishing contact are noted. The articles of the law regulating the conduct of interrogation are given.

Keywords: interrogation, tactics, legislation, investigative action, process.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, который действует на сегодняшний день, не содержится четкого определения следственному действию. В ст. 5 УПК РФ понятие процессуальное действие, представляется как следственное, судебное или другое действия, что предусмотрено Кодексом.

На сегодняшний день существуют различные мнения касательно понятия следственных действий. Данной проблеме уделяли внимание И.Е. Быховский, А.М. Ларин, А.Б. Соловьев и многие другие теоретики.

На современном этапе развития общества, правового государства и правоохранительной системы в целом предусматривается компетентное, грамотное расследование преступлений. Одним из наиболее важных средств при расследовании любых преступлений считается допрос.

Нужно отметить, что тема допроса получила обширное изучение в правовой науке.

Допрос — это следственное действие, которое состоит из получения у допрашиваемого лица доказательственной информации, о интересующих следствие событий, которые имеют отношение к расследуемому делу.

Проведение допроса регламентировано гл26 УПК РФ Общие правила определены статьей 189 УПК РФ[2].

Допрос принято считать самым распространённым действием по сбору доказательств. Именно благодаря

Постанюк Владимир Дмитриевич
Адвокат, Московская коллегия адвокатов
«Постанюк и партнеры»
pvd201965@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено понятие допроса, его особенности. Также обращено внимание на права допрашиваемого, тактику проведения допроса следователем. Отмечены психологические проблемы проведения допроса и механизм установления контакта. Приводится статьи закона, регламентирующие проведение допроса.

Ключевые слова: допрос, тактика, законодательство, следственное действие, процесс.

допросу собирается доказательная база, происходит расследование и раскрытие преступлений.

Суть допроса заключается в том, что благодаря умелым действиям следователя, который опираясь на знание психологии, криминалистики, побуждает допрашиваемое лицо дать те или иные показания.

Допрос является процессуальным средством получения и проверки доказательств. Благодаря допросу происходит проверка тех или иных фактов по следственному делу. Помимо этого допрос является следственным действием, благодаря которому следователь либо суд устанавливает мотивы, причины, побудившие к совершению того или иного действия.

К примеру, В.П. Бахин считает допрос достаточно сложным следственным действием. Данный факт, можно объяснить тем, что допрашиваемый не считает нужным давать правдивые показания. Кроме того нужно уметь отделить вымысел и специально попущенные ошибки.

Если обратиться к ст. 189 действующего УПК, то можно отметить права, которыми могут воспользоваться граждане, которых вызвали на допрос в те или иные следственные структуры. Все эти права носят исключительно обязательный характер и при их нарушении органы несут ответственность согласно установленному законодательству. Относительно прав нужно отметить, что лицо, проходящее допрос может давать показан на своем родном языке, согласно ст. 189 УПК РФ[2]. В свою очередь следователь или другое лицо, которое

ведет допрос должны представить допрашиваемому переводчика на бесплатной основе.

Каждый имеет право на получение квалифицированной юридической помощи. Это право закреплено в ст. 48 Конституции РФ[1]. Участие адвоката при допросе, является реализацией конституционного права. Поэтому адвокат по уголовным делам вправе присутствовать при допросе свидетеля, давать ему краткие консультации.

Так же имеет право подать иск, если были замечены халатность, бездействия и другие нарушения, допускаемые органом дознания. Допускается пользование любыми документами, которые имеют отношение к процедуре допроса. Так же у участника допроса есть право ознакомления с материалами дела. Он может рассмотреть иные протоколы, касающегося дела, по которому ведется допрос. Так же лицо, участвующее в допросе имеет право не свидетельствовать против себя либо членов своей семьи, согласно ст. 51 Конституции[1].

Так же нужно подчеркнуть, что законодательство требовательно к органам, которые проводят допрос. Поэтому любые нарушения влекут за собой ответственность. Среди таких требований нужно отметить, что допрос может проводиться не более четырех часов подряд, а в течении суток максимальное время для проведения допроса — 8 часов. Но ежели участник допроса имеет какие то заболевания, то время отведенное на допрос подбирается индивидуально, согласно заключению независимого врача. Запрещается проведение допроса по уголовному делу в ночное время, за исключением безотлагательных ситуаций, которые регламентируются ст. 189 УПК РФ.

Запрещается причинять физический вред участнику допроса. С момента задержания и времени проведения первого допроса должно пройти не более суток. Лица, не подлежащие допросу, зафиксированы в ч. 3 ст. 56 УПК РФ[2].

Вызов на допрос производится официально, присылается повестка.

Фактически в ходе допроса следователь задает интересующие его вопросы, которые касаются уголовного дела и фиксирует ответы в протоколе допроса. Сам протокол может быть составлен как рукописно так и на компьютере, с дальнейшей распечаткой самого допроса. Последний вариант предпочтительней еще и тем, что можно оперативно отредактировать текст допроса, обратив внимание следователя на неточность или опечатку. Допрос проводится в рамках возбужденного уголовного дела дознавателем либо следователем.

Перед допросом свидетель и потерпевший предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. То есть свидетель и потерпевший отказаться от дачи показаний не могут, под страхом уголовной ответственности, за исключением нижеуказанных случаев. Встречается, когда данные положения используются следователями, которые уже уверены в причастности конкретного лица к преступлению, но, тем не менее допрашивают его в качестве свидетеля (без адвоката, т.к. адвокат для свидетеля необязателен), таким образом закрепляя его показания, а впоследствии повторяют аналогичный по содержанию допрос, но уже в качестве подозреваемого, уже при адвокате-защитнике. Но при грамотном адвокате такие показания (свидетеля, данные без адвоката) могут быть признаны Судом в качестве недопустимого доказательства.

Так же отказаться давать показания можно в том случае, если свидетель или потерпевший не помнит деталей события. Это не будет считаться отказом от дачи показаний. Суду необходимы факты, а не домыслы.

Допрос вправе вести лицо, в производстве которого находится уголовное дело, это либо один следователь/дознаватель, либо участник следственной группы, которая работает по уголовному делу. Исключением является допрос следователем-криминалистом, который может допрашивать по делу, даже не принимая его к своему производству.

Существует ограничения при проведении допроса несовершеннолетнего подозреваемого, который может продолжаться не более 2 часов. При допросе лица, не достигшего совершеннолетия, в обязательном порядке участвует адвокат, который вправе вмешиваться в процесс допроса и задавать ему вопросы, а по окончании такого процесса именно защитник знакомится с протоколом и делает замечания о полноте и правильности написанного.

При допросе несовершеннолетних лиц в возрасте 14–15 лет, а также лиц с психическими расстройствами в возрасте 14–16 лет, обязательно присутствие педагога-психолога. Законные представители несовершеннолетнего лица при участии в процессе досудебного расследования или дознания имеют право: узнать причину обвинений несовершеннолетних; присутствовать при предъявлении обвинения; знакомиться с протоколами всех следственных действий; подавать ходатайства или отводы; представлять доказательства; знакомиться со всеми материалами дела, но только по окончании предварительного расследования. Еще одной особенностью прекращения уголовного преследования является применение прину-

дительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ).

Такая возможность существует при рассмотрении дела о преступлении небольшой или средней тяжести, в случае, если установлено, что возможно исправление несовершеннолетнего без применения наказания. Должностные лица следственных органов имеют право вынести решение о прекращении уголовного преследования. Взамен они могут ходатайствовать о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 90 УК РФ[2].

Материалы по уголовному делу с постановлением направляется прокурором в суд. Суд вправе прекратить уголовное дело после ознакомления с обвинительным заключением или обвинительным актом, назначить несовершеннолетнему обвиняемому принудительную меру воспитательного воздействия.

Главная особенность следственных действий над несовершеннолетним — это участие законных представителей подсудимого, возраст которого 14–17 лет, во всем судебном процессе. Суд обязан вызвать в суд родителей (законных представителей) подсудимого. Суд также может отстранить законных представителей от участия, как в следственном, так и в судебном процессах, если будет установлено, что их присутствие оказывает негативное влияние на несовершеннолетнего и его действия могут нанести вред. В таком случае право на присутствие предоставляется другому законному представителю подсудимого[5].

Важным моментом допроса как следственного действия считается психология допроса, задачи которой состоят в проведение диагностики истинности показаний; использование правомерных психологических приемов влияния для получения честных показаний; методики раскрытия лживых показаний.

В психологии допроса существуют такие этапы:

Этап подготовки, На этом этапе в психологии допроса происходят теоретические подготовки к процессу. Следователь составляет предельно полную картину о допрашиваемом, составляет цели допроса, анализирует существующие доказательства.

Во время проведения допроса значительную роль имеет установление психологической связи между следователем и допрашиваемым. Этому способствует поиск наиболее полного объема информации об ответчике. При возникновении конфликта основную роль играет психологическая подготовка следователя для сглаживания ситуации[4].

Допрос, особенно во время конфликта, несет колоссальное психологическое напряжение и концентрацию. Он призывает следователя быть эмоционально устойчивым, психологически гибким и уметь мгновенно изменять тактику, при этом стремительно находить выход из любых ситуаций.

Установление психологического контакта.

В психологии допроса эта стадия, во время установления контакта, имеет большое значение. В психологическом контакте основным показателем является доверие друг к другу. Оно выстраивает информационный канал между следователем и допрашиваемым.

Для получения наилучшего результата в психологии допроса применяют: Эриксоновские методы гипноза, методы Нейролингвистического программирования или подстройки. На этом этапе стоит главная задача: создать подсознательное доверие.

Основной этап. Во время основной стадии используются психологические приемы ведения допроса. При этом, психология допросов подозреваемых и потерпевших сильно различается. Применяются всевозможные методы психологического воздействия. В процессе следователь осуществляет анализ реакций и поведения допрашиваемых, а также распознает их индивидуальные склонности.

Главной задачей во время этой стадии допроса служит распознавание искажения сведений. Оно может быть преднамеренным или непреднамеренным[7].

Завершение. Во время этой стадии допроса формируется основа для следующих встреч. Психологические приемы получения сведений от допрашиваемого предполагают создание благоприятной обстановки для очередного допроса.

Завершение встречи в дружественной форме дает возможность быстро наладить и укрепить психологический контакт для повторного снятия показаний. Психологическая оценка итогов допроса Психологические аспекты ведения допроса состоят из анализа и оценки невербальных реакций и поведения допрашиваемого. К таким значимым сигналам тела относятся жестикация, мимические реакции, произвольные высказывания, оговорки.

Таким образом, расследование уголовных преступлений не возможно без проведения следственных действий, а допрос является наиболее эффективным следственным действием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.12.2019, N31, ст. 4398
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 06.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // «Парламентская газета», N241–242, 22.12.2019
3. Федеральный закон от 20.08.2004 N119-ФЗ (ред. от 03.07.2019) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // «Собрание законодательства РФ», 23.08.2019, N34, ст. 3534
4. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты: монография / Порубов Н. И., Порубов А. Н. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 304 с.
5. Лобанова Л. В. Нужно ли подвергать обвиняемого уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний? // *Мировой судья*. — М.: Юрист, 2012, № 3. — С. 5–7
6. Психологические основы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого / Бочкарев М. В. — Саратов: СЮИ МВД России, 2018. — 140 с.
7. Тактика следственных действий: учебное пособие / Баев О. Я. — М.: Юрлитинформ, 2018. — 456 с

© Постанюк Владимир Дмитриевич (pvd201965@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ В РОССИИ

ABOUT THE PROSPECTS OF THE INSTITUTE OF JUDICIAL RECONCILIATION IN RUSSIA

**O. Ryabova
N. Kuznetsova
T. Matveeva
N. Kuznetsova**

Summary. The article is devoted to the Institute of judicial reconciliation in Russia. The paper considers the current state and prospects of implementation of the judicial reconciliation procedure. The positive role of this institution for the Russian judicial system is highlighted. The problems of legislation regulating this procedure and law enforcement practice of this process are noted, and weaknesses of legislative norms in this area are identified. The article contains elements of comparison of the judicial reconciliation procedure with similar procedure in foreign countries and the authors' suggestions for introducing the positive experience of these countries into the system of the Russian model of conciliation procedure. The work identifies and analyzes the reasons that prevent the judicial reconciliation procedure from being effectively integrated into the Russian judicial system. The article also contains possible solutions to these problems.

Keywords: judicial reconciliation, judicial conciliator, problems, implementation of the procedure, reconciliation of the parties, dispute resolution.

Рябова Ольга Алексеевна

Преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
frau.lelya2012@yandex.ru

Кузнецова Наталья Александровна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
kuz1503@yandex.ru

Матвеева Тамара Павловна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
matveeva33@mail.ru

Кузнецова Наталья Владимировна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
kuznezova-1963@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена институту судебного примирения в России. В работе рассматриваются современное состояние и перспективы реализации процедуры судебного примирения. Освещается положительная роль указанного института для судебной системы России. Отмечается проблематика законодательства, регулирующего данную процедуру и правоприменительной практики указанного процесса, выявляются слабые стороны законодательных норм в указанной области. Статья содержит элементы сравнения процедуры судебного примирения с подобной процедурой в зарубежных странах и предложения авторов по внедрению положительного опыта этих стран в систему российской модели примирительной процедуры. Работа выявляет и дает анализ причин, которые мешают процедуре судебного примирения эффективно встроиться в судебную систему России. Также статья содержит возможные пути решения указанных проблем.

Ключевые слова: судебное примирение, судебный примиритель, проблемы, реализация процедуры, примирение сторон, разрешение споров.

Конституция Российской Федерации, помимо закрепления прав и свобод, определяет еще и способы их защиты. Реализация права на защиту осуществляется как с помощью правосудия, так и с использованием внесудебных способов, в том числе примирительных, закрепленных законодательством Российской Федерации.

Практическая значимость примирительных процедур велика. В настоящее время процессуальное законодательство Российской Федерации содержит целый комплекс таких процедур.

С 25 октября 2019 года российское законодательство установило новый вид примирительных процедур. Данная новелла получила название процедуры судебного примирения. Изменения коснулись гражданского, арбитражного и административного процессов. Указанные изменения регламентированы Федеральным Законом № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26.07.2019 г. и на его основании внесены соответствующие поправки в Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ. Сама реализация проце-

дуры судебного примирения закреплена в Регламенте проведения судебного примирения, утвержденного Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 года № 41.

Таким образом, комплекс примирительных процедур пополнился еще одним институтом.

Разработка и внедрение на законодательном уровне различного рода примирительных процедур обусловлена возрастающей нагрузкой на судебную систему и попытку справиться с этой ситуацией посредством создания комплексной системы примирительных процедур. Институт судебного примирения один из элементов этой системы. При анализе Регламента проведения примирительных процедур мы среди целей и задач данной процедуры видим содействие становлению и развитию партнерских взаимоотношений, формирование обычаев и этики делового оборота.

Процедура судебного примирения, по нашему мнению, является альтернативой частным примирительным процедурам (медиации).

Мы полагаем, что концептуальная идея законодателя при создании института судебного примирения заключалась в необходимости вовлечь суд в примирительную процедуру. Это подтверждает тот факт, что в соответствии с Регламентом, судья, рассматривающий дело, имеет возможность предложить сторонам по делу воспользоваться примирительной процедурой. Более того, примирительные процедуры должны проходить в отдельном помещении в здании суда, что тоже делает суд косвенным участником данного процесса. Основанием для проведения указанной процедуры является определение суда о проведении судебного примирения. [5] Сами стороны тоже имеют право заявить ходатайство о судебном примирении. То есть момент начала процедуры прописан законодателем весьма демократично, однако начало процедуры тоже регулируется судом. Начать примирительные процедуры возможно на любой стадии процесса и что примечательно, даже на стадии исполнения судебного акта. Теперь судья может уже на стадии определения о принятии дела к производству предложить сторонам процесса воспользоваться возможностью судебного примирения. Однако здесь сразу возникает вопрос о том, кто обязан разъяснить сторонам суть процедуры. Это проблемный момент, учитывая то обстоятельство, что процессуальное законодательство, кроме Арбитражного процессуального кодекса РФ [3], не обязывает судью разъяснять сторонам особенности участия в примирительной процедуре, их права и обязанности и права и обязанности судебного примирителя до момента их согласия или несогласия с предложенной процедурой.

Сроки судебного примирения устанавливаются и продляются судом.

Организация процедуры судебного примирения складывается из подготовительных мероприятий и собственно самой процедуры. Подготовительные мероприятия заключаются в возможности судебного примирителя ознакомиться с материалами дела, но с разрешения судьи. Примиритель организует процесс примирения посредством назначения встреч со сторонами, предоставления ими дополнительной информации и иных важных обстоятельств, в том числе в виде документов.

Сама фаза судебного примирения делится на стадии — открытие судебного примирения; изложение обстоятельств спора; формулирование сторонами вопросов для обсуждения; индивидуальная беседа со сторонами и их представителями; выработка сторонами результатов по урегулированию спора; оформление результатов примирения; завершение судебного примирения. [5] Необходимо уточнить, что судебный примиритель не относится к участникам судебного разбирательства и, следовательно, не вправе совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение, либо прекращение прав и обязанностей участников процесса. [2,3,4]

Завершиться судебное примирение может как по достижении цели примирительной процедуры, так и в случае отсутствия положительного результата работы судебного примирителя. Регламент указывает, что примирительные процедуры могут закончиться и по инициативе судебного примирителя, если последний сочтет, что дальнейшая работа является контрпродуктивной по разным причинам. В этом случае примиритель должен подготовить отказ в письменной форме и изложить причины, по которым он отказывается проводить дальнейшую работу.

Перечень результатов процедуры судебного примирения достаточно обширный. Он предполагает, что результатом примирительных процедур могут быть даже частичные договоренности по делу, отказ полностью или от части исковых требований, признания определенных обстоятельств, отказ от подачи жалобы в вышестоящую судебную инстанцию, мировое соглашение. [2,3,4].

Процедура судебного примирения является бесплатной для сторон, участвующих в этой процедуре. Это является огромным положительным моментом в условиях большого количества участников процесса, находящихся в стесненных финансовых условиях. Работа судебного примирителя оплачивается из средств федерального бюджета.

В соответствии с процессуальным законодательством и Регламентом проведения судебного примирения, судебным примирителем может быть только судья в отставке, причем, если процедура примирения требуется в Верховном суде, то судебным примирителем сможет стать только судья Верховного суда или Высшего Арбитражного Суда в отставке. [5] При определении судебного примирителя наблюдается своего рода принадлежность к определенной ступени судебной системы. Сам факт того, что примирителями могут быть только судьи в отставке, вызывает недоумение большей части юридического сообщества. Понимание того, что судья является опытным специалистом, не дает оснований полагать, что его работа в роли примирителя будет проведена лучше, чем другим лицом, обладающим достаточным опытом в юридической профессии, но не относящимся к категории судей в отставке. Полагаем, что важным критерием, по которому должны выбираться судебные примирители, должна стать подготовленность лица к работе со сторонами конфликта. Необходима специальная подготовка, изучение психологических основ личности, основ конфликтологии, умения своевременно погасить конфликт между сторонами и направить спор в нужное русло, реализуя свое предназначение в этом споре как судебного примирителя. В данной ситуации не является абсолютным, что судьи в отставке обладают необходимыми познаниями в указанных сферах. Из чего можно сделать вывод, что только многолетнего судейского опыта мало для реализации полномочий судебного примирителя. Важно отметить, что судебные примирители должны не разрешить спор, а содействовать сторонам в его разрешении. Это две абсолютно разные категории. Целью судьи является необходимость разрешить спор. А для того, чтобы содействовать разрешению спора необходимо учиться. Это совсем другая плоскость применения своих знаний о праве и профессионального опыта.

Если мы обратимся к подобному опыту зарубежного права, например, в Финляндии, то увидим, что судьи, которым доверено вести примирительные процедуры проходят специальную подготовку, прежде, чем их допускают к ведению таких процедур. Также стоит отметить, что примирителями могут быть только судьи того суда, в котором рассматривается дело.

Если обратиться к опыту Французской республики, то там судебными примирителями могут быть лица, которые имеют практический опыт и квалификацию, не менее, чем трехлетний стаж в юридической профессии. [11]

Мы не можем перенимать буквальный опыт зарубежных стран, но учитывать важные и необходимые моменты, которые возможно применить в нашей стране, законодатели обязаны. Полагаем, что судебными

примирителями могут быть разные представители юридического сообщества, которые обладают юридическим образованием, необходимым опытом и стажем в юридической профессии, не исключая и судей в отставке, но помимо этого определяющим фактором, который должен быть отражен в законодательстве, должна быть специальная подготовка лиц, которые претендуют на право стать судебными примирителями. Считаем, что законодательное ограничение возможности быть судебным примирителем только бывшими судьями в отставке является ошибочным. Это одна из самых важных проблем нового института, так как от фигуры примирителя зависит успех процедуры примирения.

В отличие от процедуры медиации, в судебном примирении расширена возможность применения судебного примирения. Сюда входит и гражданский, и арбитражный, и административный процесс. [5] Это положительно влияет на возможность воспользоваться данной процедурой большего круга заинтересованных представителей гражданского оборота.

Необходимо также отметить, что проблемой является низкая информированность потенциальных потребителей данной процедуры. Процедура примирения — процесс сложный и вместе с отсутствием информированности о нем вызывает его непонимание и, как следствие, нежелание им воспользоваться. Необходимо непременно рассказывать о таких законодательных нововведениях посредством медиаресурсов, вести разъяснительную работу, чтобы было понимание сути процедуры судебного примирения.

Следует обратить внимание на то, что параллельно с созданием самой примирительной процедуры необходимо создавать соответствующую правовую базу в разных отраслях права, чтобы прослеживалась взаимосвязь правовых норм, которая способствовала бы продвижению судебного примирения. Примером может служить семейное право. Это та отрасль, которая остро нуждается в активных примирительных процедурах, когда возникают семейные конфликты и споры, которые нужно стараться решать именно путем примирения, а не волевым судебным актом.

Анализируя нормы, регулирующие судебное примирение и судебного примирителя, мы видим, что процедура судебного примирения строится на принципах, которые указаны в Регламенте проведения судебного примирения. Среди этих принципов указываются принцип беспристрастности и независимости судебного примирителя, принцип конфиденциальности. Других норм, регулирующих морально — этическую сторону работы примирителя нет. Мы полагаем, что законодательство должно было предусмотреть в отношении судебных

примирителей правовую норму, схожую с нормой об адвокатской тайне, которая отражена в Законе об адвокатуре и адвокатской деятельности [7], или же нормы об ответственности судебного примирителя о разглашении информации, полученной в процессе процедуры судебного примирения.

Например, французское примирительное право содержит норму о том, что судебный примиритель приносит присягу перед апелляционным судом, прежде чем приступит к своим обязанностям. [11] Закрепление подобных норм в российском законодательстве стало бы дополнительным фактором ответственности для привлекательности института судебных примирителей со стороны потенциальных участников судебных процессов и лучшего соотношения с судебной системой. Также во Французском законодательстве о судебных примирителях содержится норма, которая обязывает примирителя раз в год отчитываться о своей работе перед представителями французского правосудия и прокуратуры. [11] Полагаем, что введение подобной нормы в российское законодательство стало бы важным элементом ответственности лиц, являющихся судебными примирителями.

В соответствии с Регламентом проведения судебного примирения предполагается, что сама процедура судебного примирения и работа судебного примирителя должна основываться на ряде принципов. К ним относятся принципы добровольности, сотрудничества, равноправия, конфиденциальности, принцип независимости и беспристрастности судебного примирителя. Принцип сотрудничества, как указывает Регламент, должен быть реализован через созидательный характер переговоров, которые проходят в обстановке доверия, взаимного уважения и конструктивного сотрудничества. [5] Реализовать данный принцип в настоящее время не представляется возможным, так как, без определенных законодательных поправок к требованиям к кандидату на должность судебного примирителя и обязательного обучения, создание на переговорах обстановки доверия и конструктивного сотрудничества затруднительно в силу отсутствия специальной подготовки.

Эффективным правовым механизмом реализации судебного примирения могла бы стать обязанность судьи, закрепленная в процессуальном законодательстве, разъяснять сторонам суть и преимущества процедуры судебного примирения.

Также, учитывая специфику определенной категории споров полагаем, что можно отступить от принципа добровольности и на законодательном уровне закрепить право судьи, который ведет процесс, обязать стороны обратиться к судебному примирителю. Это не значит, что стороны обязательно должны примириться, но ис-

пользовать возможность сесть за стол переговоров они могут. Это дало бы возможность сторонам хотя бы попробовать договориться. Такой подход был бы полезен при рассмотрении дел, связанных с семейными и трудовыми спорами. Подобный опыт существует во Французской республике и судьи по определенным категориям дел обязывают стороны прибегнуть к попытке судебного примирения. [10,11] Это даст шанс сторонам конфликта попытаться достичь соглашения с минимальными потерями и позволит сделать процедуру популярной среди лиц, участвующих в судебном производстве.

Пока остается резюмировать лишь то, что процедура судебного примирения, формально встроенная в судебную систему России, рискует повторить печальный, на настоящий момент, опыт института медиации.

Институт судебного примирения имеет определенную схожесть с институтом медиации. Напомним, что медиация — это тоже примирительная процедура, которая регламентируется российским процессуальным законодательством и Федеральным Законом № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров (медиации)». Закон об альтернативной процедуре урегулирования споров был принят в 2010 году, и процедура медиации за прошедшее десятилетие так и не стала востребованной среди участников судебных процессов. Низкая эффективность медиации явилась следствием серьезных недостатков в законодательном обосновании процедуры и правоприменительной практике.

Законодатель, не сумев добиться эффективности применения процедуры медиации, обладающей серьезными недостатками, должен не допустить подобной участи для института судебного примирения.

Создание реально работающего законодательства, продуманного процесса правоприменения норм о процедуре судебного примирения стало бы переломным моментом в восприятии института судебного примирения и возможности обращения за разрешением конфликта к посредникам. Понимание сути процедуры судебного примирения, доверия к лицу, осуществляющему примирительную процедуру, положили бы начало активного развития указанного института и достижения целей, которые поставлены перед процедурой судебного примирения — достижения взаимоприемлемого результата и урегулирования конфликта с учетом интересов сторон.

Крепкий, слаженно работающий на основе грамотно законодательства механизм судебного примирения в рамках комплекса примирительных процедур, встроенных в судебную систему смог бы стать эффективным инструментом разрешения споров в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Российская газета. № 237 25.12.1993 г.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 462, ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30, ст. 3012.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2015 г. № 10, ст. 1391.
5. Федеральный Закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. № 168 30.07.2010
6. Федеральный Закон от 31.05.2002 № 63 — ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации (в ред. от 29.07.2017) // Российская газета. № 100 05.06.2002.
7. Постановление Пленума ВС РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении регламента проведения судебного примирения» // Российская газета. № 254 12.11.2019
8. Беспалов, Ю. Ф. Комментарий к ГПК РФ (постатейный, 3 — изд., перераб. и доп.), — «Проспект», 2020 г.
9. Лескина, Э. И. Перспективы и проблемы деятельности судебных примирителей и медиаторов при урегулировании трудовых споров // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 4. — С. 49–53
10. Соловьев, А. А. Процедуры судебного примирения в Гражданском процессуальном кодексе Французской республики // Закон. — 2015 № 3 — Ст. 150–164
11. Соловьев, А. А. Об институте судебного примирителя во французском гражданском процессе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2017 — № 3 — Ст. 107–113

© Рябова Ольга Алексеевна (frau.leya2012@yandex.ru), Кузнецова Наталья Александровна (kuz1503@yandex.ru),
 Матвеева Тамара Павловна (matveeva33@mail.ru), Кузнецова Наталья Владимировна (kuznezova-1963@mail.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Владимирский юридический институт ФСИН России

УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЗАЩИТЕ

TERMS AND CONDITIONS OF DEFENSE NECESSARY DEFENSE

D. Svirin

Summary. The article examines the institution of necessary defense, namely, the conditions of its legitimacy related to protection. The right to protect their loved ones, themselves and others from criminal attacks is recognized by all civilized peoples and states. The right of citizens to protect their rights and freedoms is one of the fundamental ones enshrined in the Basic Law of the Russian Federation. Such a right was specifically developed in the form of the institution of necessary defense in criminal law. The relevance of this topic is manifested in the fact that the state cannot fully ensure every minute protection of every person from criminal attacks. Therefore, the legislator has provided citizens with the opportunity to protect themselves, to protect others, as well as interests protected by law. However, the questions of the institute of necessary defense and the practice of its application remain quite controversial and debatable. The subject of the research are: legal acts, judicial practice, doctrinal and other sources in the field of the institute of necessary defense. The aim of this work is to study the conditions of lawfulness of the necessary defense related to protection. When writing the work, dialectical, formal-legal, comparative methods were used.

Keywords: criminal law, necessary defense, defense, judicial practice, institution, exceeding limits, responsibility.

Свирин Данил Андреевич

*Национальный исследовательский Томский
государственный университет
svirindanil2015@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется институт необходимой обороны, а именно условия её правомерности, относящиеся к защите. Право защищать своих близких, себя и других лиц от преступных посягательств, признано всеми цивилизованными народами и государствами. Право граждан на защиту своих прав и свобод является одним из основных, закреплённых в Основном законе Российской Федерации. Такое право получило своё конкретное развитие в виде института необходимой обороны в уголовном законодательстве. Актуальность данной темы проявляется в том, что государство не может в полной мере обеспечить ежеминутную защиту каждого человека от преступных посягательств. Поэтому законодатель предусмотрел возможность гражданам на самозащиту, защиту других лиц, а также охраняемых законом интересов. Однако вопросы института необходимой обороны и практики его применения остаются довольно спорными и дискуссионными. Предметом исследования являются: нормативно-правовые акты, судебная практика, доктринальные и иные источники в сфере института необходимой обороны. Целью данной работы является исследование условий правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите. При написании работы были использованы диалектический, формально-юридический, сравнительный методы.

Ключевые слова: уголовное право, необходимая оборона, защита, судебная практика, институт, превышение пределов, ответственность.

Нарушение условий правомерности необходимой обороны и совершение общественно-опасных, противоправных деяний влекут за собой уголовное наказание. Но если соблюдены все условия такой правомерности, то обязанностью государства является непривлечение конкретного лица к уголовной ответственности. Поэтому условия правомерности необходимой обороны имеют очень важное значение, и следует изучить их более подробно.

Так, условиями правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите, являются:

1. защищать можно только охраняемые уголовным законом интересы;
2. защита осуществляется путем причинения вреда посягающему;
3. защита не должна превышать пределов необходимой обороны.

1. Первое условие правомерности, относящиеся к защите — круг объектов защиты, т.е. тех охраняемых уголовным законом общественных отношений, которые можно защищать, прибегая к необходимой обороне путем причинения вреда посягающему лицу. Действующая редакция ст. 37 УК РФ не позволяет однозначно решить вопрос об определении круга объектов возможной защиты. Из смысла положений данной статьи, можно сделать вывод, что к таким объектам защиты можно отнести все объекты, указанные в ст. 2 УК РФ: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества [1]. Однако в некоторых случаях реализация права на необходимую оборону распространяется не на все объекты, указанные в законе. Например, ст. 306 (Заведомо ложный донос), ст. 310 (Разглашение данных

предварительного расследования) и т.п. Спорным является и отнесение к таким объектам — чести и достоинства.

Так, Т.Ш. Атабаева пишет, что степень общественной опасности деяния может повлиять лишь на пределы необходимой обороны, но не на ее наличие, поэтому возможна необходимая оборона и от посягательств на честь и достоинство личности [2, с. 20]. В.В. Орехов же отмечает, что необходимая оборона допустима только против таких посягательств на честь и достоинство, если они происходят путем распространения сведений в печатном или рукописном виде, например, при попытке публично вывесить написанные или напечатанные клеветнические сведения [3, с. 73].

Существенно ограничивал объекты возможной защиты при применении необходимой обороны И.С. Тишкевич, который выделял следующие виды посягательств, обороняться от которых возможно, причиняя вред в рамках необходимой обороны: государственные преступления (террористический акт, диверсия, бандитизм); посягательства на собственность (хищение имущества); посягательства на правопорядок (хулиганство); посягательство на жизнь или здоровье; посягательство на личную свободу и половую неприкосновенность [4, с. 19].

В 2014 году широко обсуждался законопроект «Мой дом — моя крепость», который был разработан вице-спикером Государственной думы Лебедевым. Суть его заключается в том, чтобы предоставить гражданам право обороняться от злоумышленников, проникших в дом без страха за последствия. Любые действия, совершенные в собственном доме для защиты своей жизни, здоровья (а также жизни и здоровья близких) и имущества предлагается рассматривать как необходимую оборону [5].

Одной из причин, способствующих разработке такого проекта, явилась оборона тульского бизнесмена. Так, весной 2012 г. в жилище Гегама Саркисяна проникли грабители с целью хищения денежных средств. Злоумышленники, требуя денег, избивали самого Саркисяна, а в другой комнате — женщин и детей. Защищая себя, свою семью и имущество, Гегам совершил убийство трёх посягающих. Первоначально следственные органы возбудили против Саркисяна уголовное дело по п. а ч. 2 ст. 105 УК РФ. Но затем было установлено, что Гегам Саркисян действовал в состоянии необходимой обороны и в результате не был привлечён к уголовной ответственности.

Следует отметить, что Верховный Суд поддержал в части вышеуказанную инициативу. Так, например, в п. 17 Постановления Пленума ВС РФ № 19 говорится,

что разрешается применение не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно опасных посягательств. Если в указанных случаях причиненный посягающему лицу вред явно не соответствовал характеру и опасности посягательства, содеянное следует оценивать как превышение пределов необходимой обороны. При срабатывании (приведении в действие) таких средств или приспособлений в условиях отсутствия общественно опасного посягательства содеянное подлежит квалификации на общих основаниях.

Есаков Г.А. считает, что подобная чересчур общая формулировка не устраняет пробел, а лишь вносит дополнительные трудности, потому не описывает даже приблизительный круг автоматически срабатывающих или автономно действующих средств защиты [6, с. 17]. Такие приспособления устанавливаются в основном для защиты своего имущества от противоправных посягательств. Но следует иметь в виду, что сама по себе установка подобных устройств уже представляет определенную общественную опасность для охраняемых уголовным законом интересов. Верно отмечают Зайцев С.А. и Крепышев А.М., что такие устройства должны поддаваться регулировке и контролю со стороны обороняющегося. Такой контроль необходим для учета всех элементов посягательства (количество посягающих, их умысел, орудия нападения и так далее) с целью недопустимости превышения пределов необходимой обороны [7].

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ разрешается причинение любого вреда посягающему, если такое посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. На основании ч. 2 ст. 37 защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

На мой взгляд, следует определить в уголовном законодательстве, какие именно из правоохраняемых интересов правомерно защищать путем необходимой обороны. То есть, закрепить конкретный перечень возможных объектов защиты и выработать критерии определения пределов возможного причинения вреда.

2. При реализации права на необходимую оборону, вред причиняется исключительно посягающему лицу. Данное условие означает, что недопустимо причинение вреда третьим лицам, не причастных к посягатель-

ству, что отличает необходимую оборону от крайней необходимости. Также при причинении вреда третьим лицам, которые не участвуют в посягательстве со стороны нападавшего, влечет уголовную ответственность в зависимости от формы вины за умышленные или неосторожные действия, а материальный вред подлежит возмещению.

Вред, причиняемый при необходимой обороне, может заключаться не только в причинении вреда здоровью, лишении жизни посягающего, но и в причинении имущественного вреда. Так, верно, утверждает Заря А. В., что при осуществлении акта необходимой обороны не требуется, чтобы в результате защиты вред был причинён личности нападающего. В ряде случаев вред может быть причинён и его имущественным интересам [8, с. 15]. Гражданский кодекс Российской Федерации в ст. 1066 закрепляет: «Не подлежит возмещению вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, если при этом не были превышены ее пределы» [9].

В случае если посягательство осуществляется несколькими лицами, то обороняющееся лицо вправе применить к любому из посягающих такие меры защиты, которые определяются характером и опасностью всей группы, в соответствии с п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27. 09. 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [10].

Следует отметить, что посягательство может осуществляться и при помощи животных, которые используются в качестве орудия нападения. Каких-либо разъяснений по поводу реализации права на необходимую оборону в таких ситуациях действующее законодательство и правоприменитель не даёт. В таких ситуациях вред непосредственно причиняется животному, от действий которого обороняющееся лицо защищается. Так, например, Паше-Озерский считает, что защита от нападения животного, который используется в качестве орудия посягательства, должна рассматриваться как защита от посягательства самого собственника и оцениваться по правилам необходимой обороны. Но если животное используется другим лицом, то защита от нападения в данном случае, по мнению ученого, должна рассматриваться по правилам крайней необходимости [11, с. 65].

Считаю, что если посягательство осуществляется с использованием животных, то следует разрешить обороняющему применять любые средства защиты для отражения такого посягательства. То есть, причинять любой вред нападающему животному. И по результатам такого нападения, собственнику животного не подлежит возмещению вред, причиненный в состоянии необходи-

мой обороны. В такой ситуации невозможно оценить, предвидеть действия того или иного животного, какой вред оно способно причинить здоровью и есть ли реальная угроза жизни человека. При этом, для квалификации действий по правилам необходимой обороны не имеет значение, кто является владельцем животного, важным является то, что это животное используется в качестве орудия нападения.

Так, исходя из обстоятельств дела, Н. являлся владельцем взрослой собаки по экстерьеру соответствующей стаффордширскому терьеру, крупной, сильной, мощной и имела агрессивный характер, что подтверждается постоянным нападением на других собак. В состоянии алкогольного опьянения Н., пришёл во двор К. со своей собакой, после чего собака Н., напала на собак К. Последний услышал сильный визг, вышел на крыльцо, произвел предупредительный выстрел в воздух и выдвинул Н. правомерное требование покинуть его двор и увести собаку. Однако Н., напротив, двинулся со своей собакой в сторону К., стоявшему на крыльце. При этом животное, очевидно, находилось в возбужденном состоянии после происшедшего ранее. Это позволяет суду сделать вывод о том, что Н. поощрял действия собаки, то есть натравливал её на К. После этого К. произвел второй выстрел, в результате которого был причинён вред Н. и его собаке. Производя второй выстрел, К. целился не в Н, а в его собаку, попал в Н. не умышленно, а по неосторожности [12]. Судом было установлено, что причинение вреда нападавшему по неосторожности укладывается в пределы необходимой обороны. Соответственно причинённый вред Н. также не подлежит возмещению на основании ст. 1066 ГК РФ.

3. Защита не должна превышать пределов необходимой обороны, то есть соответствовать характеру и опасности посягательства. Превышение пределов устанавливается только для посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. В случае если посягательство было сопряжено с насилием опасным для жизни или угрозой применения такого насилия, то разрешается причинение любого вреда посягающему.

В соответствии с обзором практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, для установления пределов необходимой обороны судами принимались во внимание ряд фактических обстоятельств конкретного дела [13]. Рассмотрим их наиболее подробно:

- ◆ соответствие средств защиты и нападения. Пример из судебной практики: гражданин Б. при отказе налить ему спиртное, нанес Г. удар ногой

в спину, после чего нанес удар по голове в область левого виска. Защищаясь от нападения Г. нанесла Б. кухонным ножом, находящимся у нее в руках, не менее двух ударов в область грудной клетки и брюшной полости, что впоследствии было расценено как тяжкий вред здоровью. Суд признал, что Г. находилась в состоянии необходимой обороны, но предпринятые Г. меры защиты явно не соответствовали характеру и опасности отражаемого посягательства. Суд квалифицирует действия Г. по ч. 1 ст. 114 УК РФ — как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны [14]. В данной ситуации средства защиты явно не соответствовали характеру и опасности нападения;

- ◆ внезапность и интенсивность нападения. Так, в ходе конфликта гражданин А. схватил со стола нож и попытался нанести удар снизу вверх гражданину В. Последний левой рукой схватился за лезвие ножа и вырвал его из рук А. и затем нанес несколько ударов ножом А. С учетом обстановки на месте происшествия, предшествующих событий, а именно того обстоятельства, что А. проявил агрессию, замахнулся ножом, у В. безусловно, имелись основания для применения необходимой обороны. Однако последний избрал несопоставимый интенсивности нападения способ защиты, вооружившись ножом, нанес два удара ножом А., причинив телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью, то есть совершил умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства [15].

Подобная ситуация возникла и в данном случае: Гражданин С., попытался нанести удар топором Р. в область головы, однако последнему удалось перехватить руку С. и забрать у него топор. Последний умышленно причинил тяжкий вред здоровью посягнувшего, нанеся один удар обухом топора в левую часть головы С. [16]. В описанных ситуациях суд, исходя из обстоятельств дела, счёл, что обороняющиеся избрали несопоставимый интенсивности нападения способ защиты и тем самым превысили пределы необходимой обороны. Интенсивность нападения и защиты по многим делам имеет важное значение. В самом деле, чем интенсивнее действует нападающий, тем большую угрозу для обороняющегося он создает, заставляя его также действовать интенсивнее. В то же время, необходимо учитывать, что понятие интенсивности нападения не всегда применимо для характеристики нападения. Нельзя, к примеру, один выстрел из ружья произвести более или менее интенсивно. Здесь общественная опасность достаточно полно характеризуется средством нападения;

- ◆ момент прекращения нападения. Исходя из обстоятельств дела, гражданин Б. подверг И. избиению, а именно нанес не менее трёх ударов кулаками по лицу и телу, а затем достал газовый пистолет, угрожая при этом произвести из него выстрел. И. сумел перехватить данный пистолет у Б., после чего произвел один выстрел из данного пистолета в область груди последнего. После этого, какие-либо обстоятельства, указывающие на продолжение посягательства со стороны Б., отсутствовали. Но гражданин И. вооружившись деревянной палкой продолжил наносить повреждения Б., которые привели к смерти посягающего [17]. Таким образом, после того, как И. удалось забрать пистолет, Б. уже не представлял реальной опасности для его жизни. С учетом изложенного, суд признал виновным И. по ч. 1 ст. 108 УК РФ — убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны;
- ◆ количество посягающих. Пример из судебной практики: гражданину Н. было предъявлено обвинение в том, что он совершил умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, совершенное с применением предмета, используемого в качестве оружия. В соответствии с обстоятельствами дела, ФИО1, ФИО2. и ФИО3. в ночное время, без приглашения, по своей инициативе вошли на территорию двора дома Н. и неожиданно совершили нападение на Г. с предметами, используемыми в качестве оружия (лопата и монтировка). Только разбуженный Н. вследствие неожиданности посягательства не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения, и у него были основания воспринимать нападение как групповое посягательство, угрожающее жизни и здоровью его и его близких. В процессе обороны Н. наносил удары ножом нападавшим, что было квалифицировано как причинение тяжкого вреда здоровью. В ходе судебного разбирательства было установлено, что Н. действовал в состоянии необходимой обороны и был признан невиновным [18]. В данном случае суд учёл не только нападение группой лиц, но и время посягательства;
- ◆ физическое развитие посягающего. Например, в результате внезапно возникшего конфликта между Ю. и М., инициированного последним, М. ударил Ю. по лицу и, толкнув на диван, лёг на неё сверху и стал руками душить. Находившаяся в это время в доме мать Ю. — П., попыталась остановить М., пригрозив обратиться за помощью к родственникам. Тогда М. схватил П. за шиворот кофты и повалил на пол, а затем, держа за волосы, стал бить её головой об пол, нанеся не менее 10 ударов, а также не менее 5 раз ударил

ногой в область живота. При этом Ю. уговорами пыталась прекратить указанные незаконные действия М. в отношении П., но М., не обращая внимания, продолжал наносить удары П., причиняя ей физическую боль. Опасаясь, что М. может причинить вред здоровью или смерть П., Ю., взяв со стола кухонный нож, имея возможность иным образом прекратить противоправные действия М., нанесла этим ножом М. один удар в спину в область правой лопатки, затем нанесла ножом ещё два удара М. в область живота. Ю. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 114 УК РФ (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны) [19]. При принятии решения суд обратил внимание на физическое превосходство М. над подсудимой Ю., что подтверждается как показаниями самой подсудимой, так и заключением судебно-медицинской экспертизы № 3557 от 28.12.2017 г. Однако, суд указал, что имелась возможность отразить данное посягательство без угрозы для жизни потерпевшего, то есть без применения ножа, причиняя потерпевшему вред, значительно меньший, чем тот, который она фактически причинила, или обратиться за помощью к другим лицам. Хотя по смыслу ч. 3 ст. 37 УК РФ

необходимая оборона может применяться независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Таким образом, при принятии решения о превышении пределов необходимой обороны, суд учитывает следующие обстоятельства: соответствие средств защиты и нападения, внезапность и интенсивность нападения, момент прекращения нападения, количество посягающих, физическое развитие посягающего. Зачастую человек использует различные предметы для обороны, так как находится в сильном психологическом и эмоциональном стрессе, что не позволяет полностью контролировать сложившуюся ситуацию и иным способом для него преодолеть нападение со стороны посягающего не представляется возможным. Но и злоупотреблять правом на необходимую оборону также не следует, то есть не нужно продолжать причинять вред посягающему, когда угроза дальнейшего нападения явно отсутствует. Так, для правильного решения о наличии или отсутствии превышения пределов, такие обстоятельства должны оцениваться в их совокупности, органическом и неразрывном единстве, что и позволит более полно и всесторонне выяснить вопрос о степени соответствия защиты характеру и опасности посягательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Атабаева Т. Ш. Необходимая оборона: теория, законодательство, практика применения: Автореф. Дисс. . . канд. юрид. наук / Т. Ш. Атабаева. — Барнаул, 2004. — 230 с.
3. Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность / В. В. Орехов. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. — 217 с.
4. Тишкевич И. С. Защита от преступных посягательств / И. С. Тишкевич. — М.: Госюриздат, 1961. — 70 с.
5. Законопроект «Мой дом — моя крепость» 2014 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/ia/research/544210/>. (дата обращения: 14.04.2020).
6. Есаков Г. А. Использование предохранительных устройств при защите имущества и необходимая оборона // Уголовное право. — 2013. — № 1. — С. 17–23.
7. Зайцев С. А., Крепышев А. М. О правомерности защиты от общественно опасного посягательства // E-Scio. — 2018.
8. Заря А. В. Условия и пределы правомерности необходимой обороны по уголовному праву России: Автореф. Дисс. . . канд. юрид. наук / А. В. Заря. — М, 2009. — 24 с.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание Законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2012. — № 11.
11. Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву / Н. Н. Паше-Озерский. — М.: Госюриздат, 1962. — 181 с.
12. Решение Зейского районного суда Амурской области № 2–1546/2016 2–1546/2016~М-1508/2016 М-1508/2016 от 15.12.2016 г. по делу № 2–1546/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2x3GiTAAiyHT/> (дата обращения: 14.04.2020).
13. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Приговор Советского районного суда г. Томска № 1–27/2019 1–404/2018 от 17. 04. 2019 г. по делу № 1–27/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e0v4lSkZ6jbb/> (дата обращения: 17.04.2020).
15. Приговор Советского районного суда г. Томска № 1–156/2017 от 6.07.2017 г. по делу № 1–156/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/esyQKleuJpgC/> (дата обращения: 17.04.2020).

16. Приговор Ленинского районного суда г. Томска № 1–318/2018 от 26. 10. 2018 г. по делу № 1–318/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ldkGX33Ugv6t/> (дата обращения: 17.04.2020).
17. Приговор Стрежевого городского суда Томской области № 1–156/2015 от 1. 12. 2015 г. по делу № 1–156/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QSAD37qhc3dL/> (дата обращения: 17.04.2020).
18. Приговор Кувшинского районного суда Тверской области № 1–1/2019 1–37/2018 от 16.04.2019 г. по делу № 1–1/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vQaAbEPaцqbC/> (дата обращения: 17.04.2020).
19. Приговор центрального районного суда г. Омска № 1–147/2018 от 16.07.2018 г. по делу № 1–147/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IsXcjXdHQgJA/> (дата обращения: 17.04.2020).

© Свири́н Дани́л Андре́евич (svirindanil2015@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Национальный исследовательский Томский государственный университет

ПРОИЗВОДСТВО ОБЫСКА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

SEARCH AT THE STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF PROCEDURAL FIXATION AND ENFORCEMENT

*N. Solovieva
A. Ilyasova*

Summary. This article reveals the essence of the initial stage of criminal proceedings — the initiation of a criminal case, which is important for the implementation of fair justice in a criminal case. The article considers the normative fixing and regulation of the production of the investigative action — the «search» during the production of a procedural check on the report of a crime. Based on the current legislation of the Russian Federation, the norms of criminal procedure law governing the procedure for conducting investigative actions at the stage of initiating a criminal case were analyzed. As a result of the analysis, it was concluded that there are some urgent problems related to the application of law and law in conducting a «search» prior to initiating a criminal case, and some ways of solving the emerging problems were indicated in the form of making appropriate changes and additions to the norms of the criminal procedure legislation.

Keywords: stage of criminal proceedings, the concept of investigative action, search, seizure, inspection of the scene, obtaining samples for comparative research.

Соловьева Наталья Алексеевна

*К.ю.н., Волгоградский государственный университет
solovievanataa@gmail.com*

Ильасова Алтын Кожмуратовна

*Аспирант, Волгоградский государственный университет
ak_ilyasova@mail.ru*

Аннотация. В настоящей статье раскрывается сущность первоначальной стадии уголовного судопроизводства — возбуждения уголовного дела, имеющей значение для осуществления справедливого правосудия по уголовному делу. Рассматривается нормативное закрепление и регулирование производства следственного действия — «обыска» при производстве процессуальной проверки по сообщению о преступлении. На основании действующего законодательства Российской Федерации были проанализированы нормы уголовно-процессуального права, регулирующие порядок производства следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела. В результате проведенного анализа был сделан вывод о существовании некоторых актуальных проблем, связанных с применением права и закона при производстве «обыска» до возбуждения уголовного дела, а также были указаны некоторые пути решения возникающих проблем в виде внесения соответствующих изменений и дополнений в нормы уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, понятие следственного действия, обыск, выемка, осмотр места происшествия, получение образцов для сравнительного исследования.

Современное уголовно-процессуальное законодательство нашего государства не дает четкого определения понятию «обыск». Однако, анализируя нормы, регулирующие процессуальный порядок данного мероприятия можно говорить о том, что под данным термином подразумевается исключительно следственное действие, в результате которого изымаются предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела [1].

Производство обыска совершается уполномоченными органами в ходе производства предварительного расследования (следствия или дознания) по уголовному делу. При этом каждое следственное действие всегда направлено на сбор и проверку доказательств, которые необходимы для установления фактических обстоятельств конкретного события [2].

В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) является основным источником российского уголовно-процессуального законодательства, нормы которого регулируют процессуальный порядок производства обыска.

Однако, 04.03.2013 года был принят Федеральный закон № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее — ФЗ № 23). Данным ФЗ № 23 в нормы УПК РФ были внесены изменения, которые стали важной частью деятельности уполномоченных должностных лиц на стадии возбуждения уголовного дела [3].

Анализ практической деятельности, связанной с рассмотрением материала на стадии возбуждения уго-

ловного дела, с момента принятия вышеуказанного ФЗ № 23, говорит о том, что указанный акт упростил процесс производства доследственной проверки. Однако, в то же время стоит отметить, что данные изменения оказали некоторое негативное воздействие на стадии расследования и рассмотрения уголовного дела, так как они требуют более детального юридического толкования.

К сожалению, в настоящем российском законодательстве существуют процессуальные проблемы, связанные с применением в практической деятельности норм, которые регламентируют порядок производства стадии возбуждения уголовного дела.

Конечно же, принятым ФЗ № 23 были внесены изменения в статью 144 УПК РФ, которые наделили уполномоченное лицо процессуальными полномочиями по истребованию предметов и документов, имеющих доказательственное значение при расследовании и рассмотрении уголовного дела. Однако, законодатель отметил, что данное действие возможно способами, установленными нормами уголовно-процессуального законодательства [4].

На наш взгляд, все изменения, внесенные в статью 144 УПК РФ, привели к возникновению и развитию некоторых проблем в правоприменительной практике стадии возбуждения уголовного дела, что в конечном итоге оказывают негативное воздействие на осуществление справедливого правосудия по расследованию и рассмотрению уголовного дела.

В то же время стоит отметить, что вышеуказанные изменения, внесенные в статью 144 УПК РФ, и предусматривающие возможность производства «изъятия» в порядке, установленном УПК РФ, в стадии возбуждения уголовного дела, привели некоторых ученых и правоприменителей к выводу о возможности проведения обыска в ходе производства проверки сообщения о преступлении [4].

Однако, с указанной позицией мы не можем согласиться, так как она приводит к возникновению противоречий между нормами УПК РФ, что в практической деятельности создают проблемы правоприменения на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и при производстве процессуальной проверки.

Анализ рассмотрения пути решения вышеуказанных проблем может быть проведен только после изучения норм, закрепленных УПК РФ, которые регламентируют порядок изъятия предметов и документов как самостоятельного источника собирания и оценки доказательств.

Нормы уголовно-процессуального права предусматривают четыре вида самостоятельных следственных действий, производство которых направлено на изъятие предметов. К данным действиям относятся осмотр места происшествия, изъятие образцов для сравнительного исследования, выемка и обыск, производство которых регулируются отдельными нормами УПК РФ.

Важно отметить, что такие мероприятия, как осмотр места происшествия и получение образцов для сравнительного исследования, отдельно указаны в статье 144 УПК РФ, то есть законодатель разрешил при производстве процессуальной проверки по сообщению о преступлении, что нельзя сказать о производстве остальных действий, преследующих цель изъятия, на стадии возбуждения уголовного дела [5].

Кроме того, в нормах УПК РФ, понятие «изъятие» предметов и документов как самостоятельный способ собирания доказательств по уголовному делу отсутствует. Считаю, что данное обстоятельство связано с тем, что любое «изъятие» имеющих отношение к уголовному делу предметов и документов, может быть осуществлено только в рамках следственных действий, которые закреплены уголовно-процессуальным законом. На основании данных обстоятельств, включение в статью 144 УПК РФ термина «изъятия» привело некоторых ученых к выводу о возможности производства обыска до возбуждения уголовного дела, так как часть 1 статьи 144 УПК РФ предусматривает отсылочную формулировку — «в порядке, установленном настоящим Кодексом», которая и вызывает множество дискуссий по данному вопросу.

Возвращаясь к определению сущности и значения следственного действия, важно отметить, что таковым является мероприятие, которое может быть произведено в рамках расследуемого уголовного дела уполномоченными законом должностными лицами, которые направлены на сбор доказательств и установление обстоятельств [6].

Процессуальный порядок обыска регламентированы и закреплены в статье 182 УК РФ. В указанной статье, регламентирующей производство обыска, конкретно указано, что изымаемые предметы и документы должны «иметь значение для уголовного дела», что, несомненно, говорит о том, что производство данного действия возможно только в рамках проведения предварительного расследования.

Вся информация, полученная в стадии возбуждения уголовного дела, в последующем используются в качестве доказательств по уголовному делу. Однако, стоит отметить, что любое доказательство должно отвечать требованиям уголовно-процессуального законодатель-

ства, в случае нарушения которого оно признается недопустимым, что оказывает негативное воздействие на осуществление справедливого правосудия [7].

Производство обыска в уголовном процессе является одним из видов следственных действий, в связи с чем, он может рассматриваться в качестве способа собирания доказательств. Следовательно, процессуальные проблемы обыска по уголовному делу могут быть связаны с совершенствованием норм его регулирования. При этом, стоит отметить, что статья 182 УПК РФ, в которой закреплены порядок и основания производства обыска, несколько раз подвергалась изменениям, которые можно охарактеризовать как усиление гарантий прав и законных интересов лиц, чьи интересы затрагиваются производимым действием — «обыском» [8].

Как было мною указано выше, процессуальное «изъятие» возможно только при производстве следственного действия, порядок которого регламентирован разделом УПК РФ с названием — «предварительное расследование». В свою очередь, в соответствии с частью 1 статьи 156 УПК РФ расследование проводится в форме следствия и в дознания, при этом оно начинается с момента возбуждения уголовного дела [4].

Кроме того, в анализируемой мною статье 182 УПК РФ четко указаны, основания производства обыска: либо по постановлению следователя, либо на основании судебного решения.

В тоже время, для более детального рассмотрения указанной проблемы необходимо обратиться к процессуальному порядку проведения проверки в стадии возбуждения уголовного, производство которой установлено нормами УПК РФ.

В статье 144 УПК РФ указаны должностные лица, которые уполномочены проводить процессуальную проверку в стадии возбуждения уголовного дела, к которым относятся дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа. Данная норма УПК РФ свидетельствует о существующей процессуальной проблеме производства обыска в стадии возбуждения уголовного дела в том случае, если проверку проводит не следователь, а иное должностное лицо. В данной ситуации законодатель не указал варианты решения возникающих проблем, что в практической деятельности приводит к возникновению противоречивых ситуаций при расследовании и рассмотрении уголовного дела [9].

Кроме того, процессуальные проблемы могут возникнуть и при производстве осмотра места происшествия, которое в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством относится к средствам

собирания доказательств, разрешенных на стадии процессуальной проверки. Прежде всего, эти проблемы касаются производства осмотра жилища против воли лиц, проживающих в нем.

В соответствии со статьей 25 Конституции Российской Федерации жилище неприкосновенно [10]. Данное обстоятельство также закреплено и в статье 12 УПК РФ, согласно которой осмотр жилища производится с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного постановления [4]. Что же делать, если согласия проживающих лиц нет, а осмотр жилища необходимо произвести с целью изъятия предметов и документов, имеющих значение для принятия решения по результатам рассмотрения материала процессуальной проверки.

К сожалению, нормы уголовно-процессуального законодательства не содержат решения в случае возникновения указанной проблемной ситуации. В данном случае, с целью изъятия соответствующих предметов и документов из жилища при производстве осмотра места происшествия при отсутствии согласия на данное действие проживающих в нем лиц, необходимо сначала возбудить уголовное дело, затем следователю или дознавателю вынести постановление о производстве обыска, в некоторых случаях получить судебное постановление, и только после данных действий изъять все, что имеет значение для уголовного дела [11]. Однако, производство многочисленных действий не будет способствовать осуществлению справедливого правосудия, так как все предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела, могут быть уничтожены заинтересованным лицом, а виновное лицо может избежать уголовной ответственности.

С учетом возникающих проблем при производстве процессуальной проверки в стадии возбуждения уголовного дела, необходимо расширить перечень следственных действий, проводимых на указанном этапе уголовного судопроизводства. Однако, такие изменения в виде наделения уполномоченных лиц дополнительными функциями должны иметь разумные пределы, поскольку механизмы государственного принуждения могут применяться лишь со стадии производства предварительного расследования.

Проанализировав положения, предусмотренные статьей 144 и статьей 182 УПК РФ, можно говорить о наличии противоречий между ними, так как в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона не позволяется производить следственные действия до возбуждения уголовного дела.

Считаем, что данные противоречия можно устранить путем внесения соответствующих изменений в статью 144 УПК РФ, указав на возможность производства

обыска, в случае, если на то не будет требоваться соответствующее разрешение суда, либо четко прописать запрет на его производство в стадии возбуждения уголовного дела.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что до решения о возбуждении уголовного дела производство обыска недопустимо. Изъятие предметов и документов может быть произведено только теми способами, которые разрешены при рассмотрении материала процессуальной проверки.

Таким образом, в практической деятельности при расследовании и рассмотрении уголовного дела существует проблема применения нового федерального закона, согласно которого были внесены изменения в статью 144 УПК РФ.

Отсутствие точного и детального закрепления в российском уголовно-процессуальном законе нормы, регламентирующей процессуальный порядок производ-

ства обыска в стадии возбуждения уголовного дела, приводит к возникновению противоречий при производстве процессуальной проверки по сообщению о преступлении. В то же время, неточное толкование закона приводит к получению интереса, который прямо противоречит нормам действующего законодательства [12].

Все проблемы, связанные с неправильным применением норм закона на стадии возбуждения уголовного дела, могут быть решены при условии внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство нашего государства. Необходимо установить и закрепить исчерпывающие правила производства следственных действий и процессуальных мероприятий в стадии возбуждения уголовного дела, результаты которых будут применяться при осуществлении уголовного судопроизводства. Именно внесение вышеуказанных изменений в конечном итоге приведет к совершенствованию правового законодательства и способствованию развитию в Российской Федерации правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юридических вузов и факультетов. — М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2010. — 720 с.
2. Быков В. О регламентации следственных действий // В. Быков, Н. Макаров // Российская юстиция. — 2005. — № 6, с. 16–18.
3. Федеральный закон от 04.03.2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 года, № 174-ФЗ, в редакции от 01.04.2020 года.
5. Кальницкий, В. В. Истребование документов и предметов в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. — 2015. — № 2, с. 64–71.
6. Кальницкий В. В. Обоснованность производства следственных действий как предмет судебной оценки // Российская юстиция. — 2003. — № 2, с. 27–28.
7. Визин С. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. — М. — 2003. — № 6. С. 54–56.
8. Ефимичев П. С. Новый Уголовно-процессуальный кодекс России и защита интересов личности и государства // Журнал российского права. — 2003. — № 2, с. 25–29.
9. Жамкова О. Е. Некоторые проблемы реализации правовых норм при проверке сообщения о преступлении // Российский следователь. — 2014. № 9, с. 31.
10. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 года, (в редакции на 21.07.2014 года).
11. Судницын, А. Б. Истребование и изъятие предметов (документов) при проверке сообщения о преступлении // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. — 2016. — № 4 (25), с. 26–32.
12. Неганов Д.А., Юнусов А. А. Обеспечение законности в стадии возбуждения уголовного дела: // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2014. — № 2 (16), с. 71–78.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ФОРМАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО И СВОБОДА ВОЛИ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ДИСПОЗИТИВНОСТИ И ДОЗВОЛЕНИЯ

VALUE FOUNDATIONS OF CIVIL REGULATION: FORMAL EQUALITY AND FREE WILL AS PREREQUISITES FOR DISPOSITIVENESS AND PERMISSION

R. Ushakov

Summary. The article explores a number of controversial aspects of civil law permissions and dispositiveness. Based on the analysis of civil law, the provisions of the civilistic, theoretical and philosophical legal doctrine, the author, through the prism of an activity-dogmatic approach, reveals the key importance of the categories of free will and formal equality in determining the essence and content of the permissible method of civil law regulation. It is argued that the proper implementation of these legal values ensures the stable functioning of civil circulation; substantiates the need for formalization of civil law permission as a starting point of civil law in Art. 1 Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: dispositivity, civil law method, dispositive method of legal regulation, authorization, permissible method of legal regulation, formal equality, free will, autonomy of will, civil circulation.

Ушаков Руслан Михайлович

Саратовская государственная юридическая академия
rafikov.ruslan@list.ru

Аннотация. В статье исследуется ряд дискуссионных аспектов гражданско-правового дозволения и диспозитивности. На основе анализа гражданского законодательства, положений цивилистической, теоретико- и философско-правовой доктрины автором сквозь призму деятельностно-догматического подхода раскрывается ключевое значение категорий свободы воли и формального равенства в определении сущности и содержания дозволительного способа гражданско-правового регулирования. Аргументируется, что надлежащая реализация данных правовых ценностей обеспечивает устойчивое функционирование гражданского оборота; обосновывается необходимость формализации гражданско-правового дозволения в качестве исходного положения гражданского права в ст. 1 ГК РФ.

Ключевые слова: диспозитивность, гражданско-правовой метод, диспозитивный метод правового регулирования, дозволение, дозволительный способ правового регулирования, формальное равенство, свобода воли, автономия воли, гражданский оборот.

Диспозитивность — отличительный признак гражданско-правового метода. Именно в диспозитивном гражданско-правовом методе, а также в принципах, закрепленных в ст. 1 ГК РФ, обозначена ключевая идея гражданского права как совокупности правовых норм, определяющих и опосредующих имущественные, личные неимущественные и корпоративные отношения на началах юридического равенства участников гражданских правоотношений, в условиях обеспечения автономии их воли. Диспозитивность предоставляет участникам гражданских правоотношений возможность: 1) приобретать, изменять и прекращать права и обязанности; 2) осуществлять гражданские права и распоряжаться ими по своему усмотрению (реализация правомочий, отказ от прав, их отчуждение); 3) осуществлять защиту прав, выбирать ее форму и способ, размер ответственности (П. А. Гордеев) [6, с. 79].

Своеобразие метода гражданского права предопределяет особое соотношение правовых средств, составляющих специфику каждого конкретного способа правового регулирования (дозволение, запрещение,

обязывание), которые, в свою очередь, имеют дифференцированное значение в регулировании гражданских правоотношений. По существу, способ — это действия по воплощению метода в жизнь, являющиеся такими проявлениями человеческой воли, которые определены в нормах права, а не конкретным лицом, их совершающим. Дозволение же является ведущим способом правового регулирования в структуре гражданско-правового метода, выполняющим, на наш взгляд, важнейшую функцию по поддержанию стабильности гражданского оборота. Очевидно, что именно дозволительный способ правового регулирования наиболее полно выражает сущность гражданско-правового метода.

В этой связи полагаем, что в настоящее время, в условиях масштабного реформирования гражданского законодательства [11], наиболее концентрированно выражающего свободу индивидов действовать своей волей и в своем интересе, исследование юридических аспектов дозволительного способа гражданско-правового регулирования приобретает особо востребованный и актуальный характер. Думается, правильное

понимание и применение гражданско-правового дозволения, выступающего правовой формой отношений, составляющих предмет гражданского права, является ключом для устойчивого развития товарного оборота и, в конечном итоге, процветания общества. Изложенное, на наш взгляд, позволит ускорить решение ряда значимых для цивилистики проблем: соотношения частных и публичных начал в гражданском праве, дихотомии диспозитивных и императивных гражданско-правовых норм, определения границ принципа свободы договора, понимания взаимосвязи и роли запретов, обязываний и дозволений в регулировании гражданско-правовых отношений и др.

В теоретико-правовой доктрине утвердилось, что в самом общем виде сущность дозволения заключается в предоставлении лицам права на свои собственные активные действия (С. С. Алексеев) [2, с. 225], свободы в выборе варианта собственного поведения (К. Е. Игнатенкова) [8, с. 34]. С позиции инструментальной концепции права, весьма распространенной в современной юриспруденции, дозволение безусловно относится к правовым средствам, то есть к «совокупности правовых установлений (инструментов), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей» (А. В. Малько, К. В. Шундикова) [14, с. 67]. Гражданско-правовое дозволение в данной системе координат занимает место стимулирующих средств правового регулирования, поскольку оно побуждает личность на позитивное, поощряемое правом и обществом поведение, либо на нейтральные, по социальной оценке, действия.

На наш взгляд, руководствуясь деятельностно-догматическим подходом, развиваемым в диссертационном исследовании О. М. Родионовой [19], под гражданско-правовым дозволением следует понимать: а) способ правового регулирования (объективный критерий) и б) форму правовой деятельности, сущность которой заключается в гарантированной гражданским законодательством свободе субъектов гражданского права выбирать вариант собственного поведения, что основывается на их волевых действиях, осуществляемых с целью удовлетворения своих потребностей и интересов посредством приобретения, изменения и прекращения гражданских прав, свобод и обязанностей (субъективный критерий). Воплощение данной деятельности возможно посредством применения частно-автономных ненормативных регуляторов (в форме договоров, односторонних сделок, решений собраний) [19, с. 14]. Вместе с тем полагаем, что понимание содержания и структуры гражданско-правового дозволения находится в сфере философии права, в области правопонимания и правосознания, что требует исследования его различных аспектов в субстанциональных свойствах. Необходимо исходить

из аксиологического анализа категорий формального равенства и свободы как всеобщих ценностей и принципов права, имманентно образующих сущность анализируемого явления.

Во-первых, руководствуясь ключевым положением концепции правопонимания В. С. Нерсисянца: «право — это нормативная форма выражения свободы посредством принципа формального равенства людей в общественных отношениях» [16, с. 11], следует заключить, что гражданско-правовое дозволение как способ правового регулирования, отражающий определенную степень свободного усмотрения индивида, исходит из необходимости существования и реального обеспечения формального (юридического) равенства, мыслимого, прежде всего, как признаваемый государством паритет индивидов-субъектов права в предоставлении и эквивалентном объеме их гражданской правоспособности (абстрактной возможности иметь гражданские права и нести обязанности), закрепленной в объективном праве (ст. 17 ГК РФ); при этом логично, что гражданская правоспособность юридических лиц является производной по отношению к гражданской правоспособности физических лиц, а потому допустима сравнительная ограниченность первой в формате специальной правоспособности, содержание которой устанавливается учредителями юридического лица (ч. 1 ст. 49 ГК РФ).

Однако рассматриваемое всеобщее правовое начало одновременно предполагает, что объем приобретаемых участниками гражданских правоотношений реальных, конкретных субъективных прав и свобод будет неравным, поскольку фактически люди не являются равными по биологическим, экономическим, социальным и иным признакам. В этом смысле будет проявляться применение «одинакового масштаба», равной меры права как всеобщей формы к «различным людям» (В. И. Ленин) [13, с. 93], что в измерении гражданского права корректируется, приобретает специфическую функцию — уравновесить стороны в их гражданских правах, свободах и обязанностях, смягчить фактически существующее неравенство переговорных возможностей посредством пропорционального усиления слабой стороны договора (Е. В. Вавилин) [4]. Иными словами, следует заключить, что гражданско-правовое дозволение — лишь возможность, которая в процессе правовой деятельности становится действительностью, поскольку само оно, являясь правовым средством, не создает и не обеспечивает фактической возможности, а только опосредует ее реализацию.

Скорректировать и в перспективе снять существующее противоречие между юридическим равенством и фактическим неравенством имеет своей ключевой целью социалистическая правовая система, основными

способами правового регулирования которой выступают запреты и обязывания. Однако следует констатировать, что в современную эпоху, в условиях функционирования в России рыночной экономики уравнивающее распределение материальных благ сведено к необходимому минимуму в рамках мер государственного социального обеспечения, а потому на первый план в качестве ключевой цели гражданско-правовой политики (Е. В. Вавилин, М. Ю. Чельшев) [5] выходит обеспечение исключительно формального равенства участников гражданских правоотношений (ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 2 ГК РФ) как необходимого условия нормального функционирования гражданского оборота и гарантии реализации дозволения — основного регулятивного звена в гражданско-правовом механизме, наиболее полно отражающего индивидуально-ориентированный характер существующего права, в основе которого — приоритет прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 17 Конституции России 1993 г.).

Во-вторых, формальное равенство как необходимое условие функционирования современного права является также одной из базовых гарантий свободы — центральной морально-правовой категории, образующей составной элемент содержания дозволительного способа гражданско-правового регулирования. Свобода, будучи философско-правовой категорией [17, с. 501], является объектом сложным как для понимания, так и для практического воплощения в отраслях, институтах и нормах права. Думается, следует согласиться с мнением В. С. Нерсесянца, что «другой формы бытия и выражения свободы в общественной жизни людей, кроме правовой, человечество до сих пор не изобрело» [16, с. 14]. Как справедливо указывает Д. А. Керимов, «только в условиях свободы личность получает возможности для раскрытия и развития своих способностей и талантов, для проявления инициативы и волевых устремлений» [10, с. 443].

В свою очередь, дозволения и запреты, выраженные в нормах права, оформляют свободу в общественном бытии, ее пределы и границы с несвободой на соответствующей ступени исторического развития. «Ограничивая свободу каждого известными пределами, закон обеспечивает ему беспрепятственное и спокойное пользование своими правами, т.е. гарантирует ему свободу внутри этих пределов. Свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей» (И. А. Ильин) [9, с. 96]. Тем самым право, независимо от формы его выражения, всегда выступает определенным ограничителем человеческой свободы, его сущности имманентно некоторое сужение свободного поведения индивида в рамках правоотношения. Виды гражданско-правового дозволения — права, свободы и законные интересы — являются одновре-

менно мерами свободы, поскольку они устанавливают ее объем, ограничением которого выступают запреты и обязывания, определяющие границы данной свободы (при этом само гражданско-правовое дозволение в определенном смысле также ограничивает фактическую свободу субъектов гражданского права).

Между тем далеко не только и не столько право выступает ограничителем человеческой свободы. Мощнейший регулятор поведения человека — мораль имеет определяющее значение в регулировании общественных отношений. Нередко сочетание права и морали в результате санкции государства образует синтез в форме правовых обычаев, что в современном гражданском праве (ранее — под названием обычаев делового оборота) получило прямое формальное отражение в ст. 5 ГК РФ. Такая морально-правовая ценность, как добросовестность, позволяет противодействовать обходу закона и иным формам злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) и тем самым ограничить произвол субъектов гражданского оборота, гарантировать его нормальное функционирование.

В этой связи следует констатировать, что дозволения и запреты как таковые (то есть как социальные регуляторы в форме норм морали) существовали в обществе всегда. Исторически первым способом регулирования поведения человека был неправовой запрет (К. Е. Игнатенкова) [8, с. 34], а соответствующие ему дозволения мыслились лишь в его контексте, носили производный характер. Права самостоятельного значения не имели, выступая в качестве оборотной стороны обязанностей. Однако по мере общего прогресса человечества, развития экономических отношений, обособления частной собственности и формирования классовой дифференциации, появления государства и права самые важные, типичные, то есть устоявшиеся в общественной практике дозволения приобретали юридическую форму, опосредуясь в нормативно-правовом материале, становились юридически значимы для общества, а потому брались под охрану государством, которое с определенного момента было способно обеспечить их реализацию посредством применения принудительной силы. «Право становится той социальной формой, при помощи которой дозволениям и запретам придается необходимая определенность и более высокая нормативность (обобщенность), ... а также сообщаются другие правовые свойства, в том числе общеобязательность» (С. С. Алексеев) [1, с. 252]. По мере распространения указанного процесса постепенно возрастает степень свободы общества в целом. «Процесс трансформации преимущественно запретительной системы социального регулирования в запретительно-дозволительную ознаменовал собой некую «смену эпох», становление общества на новую ступень развития» (К. Е. Игнатенкова) [8, с. 34].

Иллюстрирует вышеизложенное пример эволюции института брака в римском праве. Как известно из анализа историко-правовых источников, в ранний период древнеримской истории господствовал патриархальный брак типа *cum manu*, основанный на всевластии мужа (или его *paterfamilias*) по отношению к жене, юридический статус которой был приравнен к вещному (он мог истребовать ее с помощью виндикационного иска). Последняя не обладала свободой, поскольку не была юридически равна мужу, являясь объектом, а не субъектом права (в частности, не могла по своему усмотрению прекратить брачные отношения, на что имел право лишь муж). Постепенно, после принятия Законов XII таблиц, его вытеснил партнерский брак типа *sine manu*, в рамках которого власть мужа (*manus*) не распространялась на жену — она состояла в брачном сожителе рядом с мужем как существо юридически свободное и самостоятельное. Отныне семейные отношения перестали представлять собой лишь разновидность вещных, обрели некоторую автономию. Ключевым с точки зрения юридической свободы является то, что брак *sine manu* заключался по свободному соглашению супругов и мог быть прекращен односторонним волеизъявлением любого из них (*repudium*) вне зависимости от содержания причин развода (И. А. Покровский) [18, с. 450–454].

Обобщая, следует заключить, что фундаментальное значение свободы для гражданского права состоит в том, что она, объективируясь в правовых формах, а конкретно — в дозволениях, закрепленных в управомочивающих гражданско-правовых нормах, является предпосылкой для удовлетворения потребностей и реализации интересов лица как участника гражданского оборота. «Начальное равенство и дальнейшая свобода — вот формула дозволения» (К. Е. Игнатенкова) [8, с. 36]. Гражданско-правовое дозволение заключает в себе свободу, которая, однако, не является абсолютно безграничной — поскольку дозволение — явление правовое, пределом, ограничением ей служат диалектически связанные с ней гражданско-правовой запрет и обязывание, поддерживаемые таким социальным регулятором, как мораль.

В-третьих, поскольку сущностная основа гражданско-правового дозволения состоит в возможности свободного, осознанного выбора лицом варианта собственного поведения, то есть свободы определения его содержания, то волевой момент занимает значительное место в понимании данной категории. Следует согласиться с тем, что «волевой характер права обусловлен именно тем, что право — это форма свободы людей, т.е. свобода их воли» (В. С. Нерсесянц) [16, с. 13]. Воля выступает необходимым компонентом любой, в том числе гражданско-правовой, деятельности: свобода, выраженная в абстрактных нормах гражданского права, получает

реальное воплощение в действительности в форме деятельности, внутренней движущей силой которой является целенаправленная сознательная воля конкретных физических лиц, в своей исходной сущности обусловленная их потребностями и интересами как объективно-субъективными детерминантами поведения личности (С. А. Бурмистрова) [3].

В современном частном праве в наиболее полном виде юридическое обеспечение свободы (автономии) воли лица выражено в основополагающем исходном начале гражданского права — принципе свободы договора (п. 1. ст. 1, ст. 421 ГК РФ), сущность которого состоит в юридически обеспеченной возможности субъектов права вступать в социальные взаимодействия, опосредуемые гражданским законодательством. Аспектами его проявления, в частности, являются: а) свобода заключать либо не заключать договор — недопустимо понуждение к заключению договора, за исключением случаев, когда обязанность одной из сторон заключить договор предусмотрена законом (ст. 445, ст. 426 ГК РФ) или в силу добровольно принятого обязательства (ст. 429 ГК РФ); б) свобода в выборе контрагента по договору; в) свобода в выборе конкретного вида либо разновидности договора, как предусмотренного (поименованного), так и не предусмотренного (не поименованного) законом или иными нормативными актами, а также право заключать договоры, содержащие элементы различных договоров, то есть смешанный договор (п. 2, 3 ст. 421 ГК); г) свобода в выборе условий заключаемого ими договора (ст. 432 ГК РФ), что обусловлено диспозитивным характером большинства норм, регулирующих отдельные виды договоров. При этом сторонам предоставлена возможность руководствоваться свободой договора не только на стадии установления отношений, но и на стадии их изменения (В. А. Кочев) [12, с. 50]. Принцип свободы договора отражает квинтэссенцию дозволительной природы гражданского права, выступая в качестве примера общего дозволения — сложной юридической конструкции более высокого уровня, чем простые дозволения, образующей качественно иную абстракцию — общедозволительный тип правового регулирования (С. С. Алексеев) [1, с. 312].

Однако представляется, что придание гипертрофированно преувеличенной роли фактору свободы воли в механизме гражданско-правового регулирования (что нередко следует из либеральной риторики в аспекте предоставления субъектам гражданского права все больших прав при необоснованном сокращении обязанностей) чревато постепенным переходом в субъективный идеализм и волюнтаризм, что нецелесообразно, так как недостаточный учет объективных факторов общественного развития влечет непосредственную угрозу нормальной работе данного механизма. Думается,

не теряет актуальности утверждение, высказанное основоположником диалектического материализма Ф. Энгельсом вслед за Г.В.Ф. Гегелем: «свобода есть познанная необходимость» [15, с. 116]. Выражением подобной объективной необходимости в частном праве, как было научно обосновано В.С. Емом, выступает категория обязанности [7, с. 9], которая имплицитно содержит в себе запрет. Она является своеобразным уравновешивающим «противовесом» корреспондирующей ей категории субъективных прав — одной из форм выражения гражданско-правового дозволения — и служит обеспечению последней. При этом тот факт, что большинство норм гражданского права — запретительные и обязывающие [19, с. 68], не умаляет того, что основополагающая, приоритетная роль в формах проявления его метода принадлежит именно управомочивающим нормам, являющимся формой выражения дозволительного способа правового регулирования.

Руководствуясь содержанием исходного правила гражданского права, которое, как следует из диссертации О.М. Родионовой, можно реконструировать следующим образом: «Если лицо относится к субъектам гражданского права, то оно имеет право действовать по своему усмотрению без намерения причинения вреда другим, иначе у него возникает обязанность восстановить нарушенное положение» [19, с. 70], следует заключить, что возможность выбирать и определять содержание своего поведения, предоставленная субъекту гражданского права и выраженная в управомочивающих нормах, ограничена общим запретом намеренного причинения вреда другим и сопутствующей обязанностью (которая также содержит имплицитно запрет) возместить его в случае совершения гражданского пра-

вонарушения (деликта) (ст. 1064 ГК РФ), что отражает диалектическое единство дозволений, запретов и обязанностей в гражданском праве.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, следует заключить, что исследованные общеправовые ценности являются необходимыми предпосылками и гарантиями реализации гражданско-правового дозволения, выраженного в управомочивающих нормах гражданского права, составляют его содержание как цивилистической категории, заключающей в себе определенную меру свободы. Формальное равенство выступает условием деления общества на равноправных участников гражданского оборота. Свобода воли имеет внешнее проявление в обеспеченной объективным правом возможности совершать юридически значимые действия, прежде всего — заключать сделки посредством выражения собственного волеизъявления, что, однако, ограничивается юридической конструкцией гражданско-правовой обязанности (и запрета) как формы проявления общественной необходимости и поддерживается таким социальным регулятором, как мораль. Полагаем, что преодоление ряда гражданско-правовых проблем требует дальнейшего исследования дозволения как ключевого цивилистического способа правового регулирования с последующим его обособленным закреплением в качестве исходного положения гражданского права в ст. 1 ГК РФ.

Выражаем благодарность кандидату юридических наук, доценту, профессору кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии Гаврилову Владимиру Николаевичу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве // Собрание сочинений. Т. 2. 2010. М.: Статут. 471 с.
2. Алексеев С. С. Теория права. Издание второе. М.: Издательство БЕК, 1995. 320 с.
3. Бурмистрова С. А. Об объективном и субъективном в правовой природе интереса // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 54–59.
4. Вавилин Е. В. Осуществление и защита субъективных прав слабой стороны в гражданском правоотношении // Российское правосудие. М., 2007. № 6. С. 31–37.
5. Вавилин Е. В., Чельшев М. Ю. Гражданско-правовая политика // Вестник СГЮА. 2012. № 3 (86). 125–132.
6. Гордеев П. А. Диспозитивность в регулировании гражданских правоотношений: теоретико-методологический анализ // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2018. № 4 (106). С. 79–86.
7. Ем В. С. Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. 209 с.
8. Игнатенкова К. Е. Дозволение как способ правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 229 с.
9. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. 1992. № 3. С. 93–99.
10. Керимов. Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М.: Аванта, 2001. 560 с.
11. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. № 11. 2009.
12. Кочев В. А. К вопросу о сущности договорной свободы. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 2 (12). С. 50–54.
13. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 33. Издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969. 433 с.
14. Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. 296 с.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 20. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 828 с.

16. Нерсесянц В. С. Философия права. Учебник для вузов. М.: Норма. 2005. 656 с.
17. Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2010. 692 с.
18. Покровский И. А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. 531 с.
19. Родионова О. М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. 502 с.

© Ушаков Руслан Михайлович (rafikov.ruslan@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Саратовская государственная юридическая академия

ДОМАШНИЙ АРЕСТ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

HOUSE ARREST AS A PREVENTIVE MEASURE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

V. Firsov

Summary. In the article the analysis of house arrest as a preventive measure to find out its criminal procedural nature and the essence of this preventive measure. At the same time, the essential features of house arrest are highlighted: purpose, restrictions and prohibitions, imposed on suspects, accused persons and entities eligible to elect a preventive measure. In addition, the article analyzes the definitions of house arrest given by different authors. As a result of studying the essential features of house arrest, the definition of this measure of restraint is given.

Keywords: a preventive measure, house arrest, basis, essential features, restrictions and prohibitions.

Фирсов Владимир Григорьевич
Независимый исследователь
firsov_vg65@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ домашнего ареста как меры пресечения для выяснения его уголовно-процессуальной природы и существа данной меры пресечения. При этом выделены существенные признаки домашнего ареста: цель, ограничения и запреты, налагаемые на подозреваемого, обвиняемого, субъекты, правомочные избирать меры пресечения. Кроме того, в статье проанализированы определения домашнего ареста, данные разными авторами. В результате изучения существенных признаков домашнего ареста дано определение данной меры пресечения.

Ключевые слова: мера пресечения; домашний арест; основания; существенные признаки, ограничения и запреты.

Согласно ст. 107 УПК РФ, домашний арест избирается по судебному решению и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение.

Правильное определение понятия домашнего ареста имеет важное теоретическое и практическое значение. Оно позволяет выразить его уголовно-процессуальную природу, помогает уяснению существа данной меры пресечения и способствует повышению эффективности применения домашнего ареста на практике. Для того, чтобы дать научно обоснованное понятие домашнего ареста, необходимо, чтобы оно отражало существенные признаки, характеризующие данную меру пресечения с точки зрения теоретических положений, действующего законодательства и практики. Полагаем, что к таковым следует отнести: основания, цель, ограничения и запреты, налагаемые на подозреваемого, обвиняемого, субъекты, правомочные избирать меры пресечения.

Домашний арест входит в систему мер пресечения, в связи с чем на него распространяются общие цели

применения данного института. Цели применения у разных мер пресечения различаются по степени их эффективности.

В настоящее время вопрос о целях избрания домашнего ареста — один из наиболее сложных в теории и на практике. В уголовно-процессуальном законодательстве они прямо не называются, недостаточно освещены и в юридической литературе.

По мнению Б.Б. Булатова, главная цель домашнего ареста — изоляция обвиняемого на дому и сведение к минимуму его контактов с внешним миром [1].

Ю.Г. Овчинников полагает, что целью домашнего ареста является «обеспечение надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого с оставлением их в условиях мягкой изоляции, т.е. с сохранением права проживать в собственном жилище, с применением определенных запретов.» [2].

Е.В. Салтыков исходит из того, что цель применения домашнего ареста — предотвратить совершение обвиняемым (подозреваемым) действий, указанных в ст. 97 УПК РФ на досудебной и судебных стадиях, а также для обеспечения исполнения приговора, путем установления ограничений, определенных в ст. 107 УПК РФ при наличии оснований, которые установлены для заключения

под стражу, с учетом его возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств[3].

Цели домашнего ареста, как и других мер пресечения, взаимосвязаны с назначением уголовного судопроизводства. Без мер пресечения невозможно осуществление функций уголовного преследования, разрешения уголовного дела, а также гражданско-правовой функции. Если не обеспечить надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого, не пресечь его стремление скрыться, то невозможно будет реализовать указанные функции. Вместе с тем, с учетом особенностей данной меры пресечения, у домашнего ареста можно выделить цели, которые отличают его от целей иных мер пресечения.

Таким образом, в качестве цели домашнего ареста можно выделить обеспечение надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого в условиях изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, с применением определенных запретов.

Домашний арест — это мера пресечения, избираемая в период производства по уголовному делу к подозреваемому, обвиняемому. Термин «домашний» означает относящийся к «дому», под которым понимается жилое здание, строение или жилое помещение[4]. В соответствии с п. 10 ст. 5 УПК РФ, жилище — это индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания. Согласно ст. 2 ст. 15 Жилищного кодекса РФ, жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодным для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства).

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 дано разъяснение в п. 38, согласно которому под жилым помещением для целей статьи 107 УПК РФ понимается любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например, дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям[5].

Уголовно-процессуальная характеристика домашнего ареста как меры пресечения связана с ограничениями прав и свобод обвиняемых (подозреваемых), а именно:

- ◆ на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22 Конституции РФ);
- ◆ свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ч. 1 ст. 27 Конституции РФ);
- ◆ свободно выезжать за пределы Российской Федерации (ч. 2 ст. 27 Конституции РФ);
- ◆ собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31 Конституции РФ);
- ◆ на равный доступ к государственной службе (ч. 4 ст. 32 Конституции РФ);
- ◆ на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ);
- ◆ свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ);
- ◆ на заботу о детях, их воспитание (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ);
- ◆ на образование (ч. 1 ст. 43 Конституции РФ);
- ◆ литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания (ч. 1 ст. 44 Конституции РФ);
- ◆ на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44 Конституции РФ).

Домашний арест существенно ограничивает конституционные права и свободы гражданина, уступая по степени их ограничения только такой мере пресечения, как заключение под стражу. Указанный объем ограничений прав и свобод показывает достаточно высокий и строгий уровень ограничений при применении меры пресечения в виде домашнего ареста, являющейся по строгости следующей мерой пресечения после заключения под стражу. Это диктует необходимость подробного, детального нормативного регулирования применения данной меры пресечения, вплоть до принятия отдельного закона, аналогичного Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

В большинстве определений домашнего ареста, содержащихся в литературе, отсутствует указание на такие его существенные признаки, как цель, основания применения.

Так, В. А. Светочев определяет домашний арест следующим образом: «сущность домашнего ареста заключается в ограничении прав и свобод обвиняемого (в исключительных случаях подозреваемого) посредством судебного установления ограничений и запретов, связанных со свободой передвижения, когда полная

изоляция лица не вызвана необходимостью, общением с определенными лицами, получением и отправлением корреспонденции, ведением переговоров с использованием любых средств связи, с учетом его возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств.» [6].

Г.С. Русман понимает под домашним арестом ограничение свободы подозреваемого, обвиняемого в виде полной или частичной изоляции его от общества с установлением запретов на общение, предусмотренных УПК РФ [7].

По мнению О.И. Цоколовой, домашний арест — это мера пресечения, состоящая в ограничении свободы передвижения обвиняемого и запрете на общение и переговоры с другими лицами [8].

Ю.Г. Овчинников под домашним арестом понимает меру процессуального принуждения, избираемую по решению суда в судебном заседании по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, в отношении обвиняемого, в исключительных случаях — подозреваемого, оказывающая воздействие путем существенного ограничения личной свободы (с сохранением права проживать в его жилище) и возложения запретов общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи [2].

В определении домашнего ареста, данным Е.В. Салтыковым, содержатся все существенные признаки данной меры пресечения, за исключением цели применения. В соответствии с ним домашний арест — это мера пресечения, позволяющая, при наличии оснований для избрания содержания под стражей и с учетом возраста, состояния здоровья, семейного положения обвиняемого (подозреваемого) и других обстоятельств, применить к нему по постановлению суда ограничения, связанные со свободой передвижения, а также установить запрет на общение с определенными лицами, получение и отправление корреспонденции, ведение переговоров с использованием средств связи [3].

Из содержания ст. 107 УПК РФ следует, что домашний арест избирается по судебному решению и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, с возможным возложением запретов общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Конституционный Суд РФ указал, что мера пресечения в виде домашнего ареста заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого, а также в запрете общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию и вести переговоры с использованием любых средств связи; эта мера избирается по решению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены статьей 108 «Заключение под стражу» УПК РФ, с учетом возраста подозреваемого, обвиняемого, его состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств (часть вторая); в постановлении или определении суда об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения указываются конкретные ограничения, которым подвергается подозреваемый, обвиняемый, а также указываются орган или должностное лицо, на которые возлагается осуществление надзора за соблюдением установленных ограничений [9].

Таким образом, в результате анализа существенных признаков данной меры пресечения, а также теоретических и законодательных положений, можно сделать вывод, что домашний арест — мера пресечения, избираемая по решению суда в отношении обвиняемого (подозреваемого) в целях обеспечения надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого в условиях изоляции от общества, при наличии предусмотренных законом оснований, с учетом возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств, заключающаяся в ограничении свободы его передвижения путем изоляции в пригодном для проживания жилище и возможным установлением судом запретов общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: Монография. Омск: Омская Академия МВД России, 2003. С. 98.
2. Овчинников Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 23.
3. Салтыков Е. В. Домашний арест в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук, Екатеринбург, 2007. С. 79.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 2-е изд. Под общ. ред. академика Обнорского С. П. Гос. изд. иностранных и национальных словарей. М., 1952. С. 148.
5. Постановление пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». // Российская газета. 27 декабря 2013 г.

6. Светочев В. А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: дис. . . . канд. юрид. наук, Калининград, 2009. С. 68.
7. Русман Г. С. Судебный контроль за избранием мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста: дис. . . . канд. юрид. наук Челябинск, 2006. С. 151.
8. Цоколова О. И. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. В. И. Радченко. М. ЗАО «Юридический дом «Юстицинформ», 2003. С. 239.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина». Собрание законодательства Российской Федерации, № 51, 19.12.2011, ст. 7552.

© Фирсов Владимир Григорьевич (firsov_vg65@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Ananyin P. — Candidate of Law, Senior Lecturer, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
petron@rambler.ru

Barinov A. — PhD (Law), Associate Professor, VLI of the FPS of Russia
barinov-vlad@inbox.ru

Bashlakova O. — Assistant, Financial University under the Government Of The Russian Federation
OIBashlakova@fa.ru

Beldyugin P. — Graduate student, Synergy University, Moscow
beldyugin_pavel@mail.ru

Biyak L. — Candidate of economic Sciences, associate Professor, Pacific National University
lbiyak2010@mail.ru

Bulgakova L. — Senior Lecturer, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
6luiza@mail.ru

Ditz L. — Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk
l.ditz@mail.ru

Dorozhinskaya E. — Candidate of juridical sciences, associate professor, Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Academy national economy and public service under the President of the Russian Federation, Novosibirsk
sofia_1974@mail.ru

Dudko D. — Third class state counsellor of Russian Federation, Head of tax disputes settlement division, PJSC "LUKOIL", Moscow
Dmitriy.Dudko@lukoil.com

Dzakhoeva M. — Postgraduate student, The North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
dzakhoeva-larisa@rambler.ru

Firsov V. — Independent researcher
firsov_vg65@mail.ru

Gavryushenko A. — Graduate student, Russian State University of justice
arork@bk.ru

Goremykina T. — Moscow international University
5149611@mail.ru

Grunina V. — Candidate of Law, Associate Professor, Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
vgrun@rambler.ru

Gudkov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
gudkovaniv@yandex.ru

Guseva I. — PhD (Law), Associate Professor, VLI of the FPS of Russia
guseva-ir@mail.ru

Ilyasova A. — Graduate student, Volgograd State University
ak_ilyasova@mail.ru

Kalmanova A. — Candidate of law, associate Professor, The North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

Kargalina I. — Senior Lecturer, Siberian Institute of Management - a branch of the Russian Academy national economy and public service under the President of the Russian Federation, Novosibirsk
kiabiavir@inbox.ru

Karginova-Gubinova Valentina Vladimirovna,—Ph.D., researcher at the Institute of Economics of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk
vkarginowa@yandex.ru

Krasilschikov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
krasilschikov@inbox.ru

Kusainov B. — Pavlodar State University
A-D888@bk.ru

Kuznetsova N. — Senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
kuz1503@yandex.ru

Kuznetsova N. — Senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
kuznezova-1963@mail.ru

Liseykina O. — Senior Lecturer, Moscow state Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology - MVA by K.I.Skryabin, Moscow
ofoxi73@bk.ru

Loktionova G. — Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Moscow state Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology - MVA by K.I.Skryabin, Moscow
galina.lokti@yandex.ru

Lysova A. — Candidate of legal Sciences, Murmansk state Arctic University
anna.lysova@duma-murman.ru

Maltseva S. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, The Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health, St.-Petersburg

Martsinechko D. — Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan
daria.martsinechko@yandex.ru

Matveeva T. — Senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
matveeva33@mail.ru

Mikheev P. — Post-graduate student, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg
miheevp@mail.ru

Mishchenko V. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Murtazoeva G. — Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Tajikistan
lkrom.fu@gmail.com

Parfenyuk N. — Postgraduate student, Tyumen State University, Tyumen
parn_2012@mail.ru

Polyanskaya E. — Lomonosov Moscow State University
el.polyanskaya@mail.ru

Postanyuk V. — Lawyer, Moscow college of advocates «Postanyuk and partners»
pvd201965@mail.ru

Rusakova I. — Postgraduate Student, St. Petersburg State University of Economics
rusakova_i@mail.ru

Ryabova O. — Teacher, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
frau.lelya2012@yandex.ru

Rylov V. — Chef of the Land and property department, Kazan (Volga) Federal University
rv-1975@mail.ru

Scherbak A. — Ph.D., researcher at the Institute of Economics of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk
scherbaka@mail.ru

Selina O. — Candidate of economic sciences, associate professor, Federal state budgetary educational institution of higher education Ural state university of railway transport (Yekaterinburg)
ovselina@usurt.ru

Sharko E. — Lomonosov Moscow State University
ersharko@yandex.ru

Solovieva N. — Candidate of law, Volgograd State University
solovievanataa@gmail.com

Svirin D. — National research Tomsk state University
svirindanil2015@mail.ru

Tishkov S. — Ph.D., Scientific Secretary of the Institute of Economics of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk
insteco_85@mail.ru

Trishkina N. — Moscow international University
ntrishkina@list.ru

Turianskaia V. — Assistant, postgraduate, The Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health, St.-Petersburg

Ushakov R. — Saratov State Law Academy
rafikov.ruslan@list.ru

Ushanov A. — Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
Ushanov_0656@mail.ru

Valevskaya A. — Candidate of Law, Associate Professor, Saratov State Law Academy
a.valevskaya@yandex.ru

Valishin E. — Candidate of psychological sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
ewgeni-v@rambler.ru

Vasilchenko A. — Candidate of legal Sciences, Saint Petersburg state University of architecture and civil engineering
vasilcanna@yandex.ru

Vasilev I. — Ph.D., Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
vasilev-1962@inbox.ru

Yakovleva O. — Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Moscow state Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology - MVA by K.I.Skryabin, Moscow
yakovleffo@yandex.ru

Yermilova V. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, The Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health, St.-Petersburg
ya.vika6406@yandex.ru

Zubkov V. — Senior Lecturer, VLI of the FPS of Russia
z-vladimir-z@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале



Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).